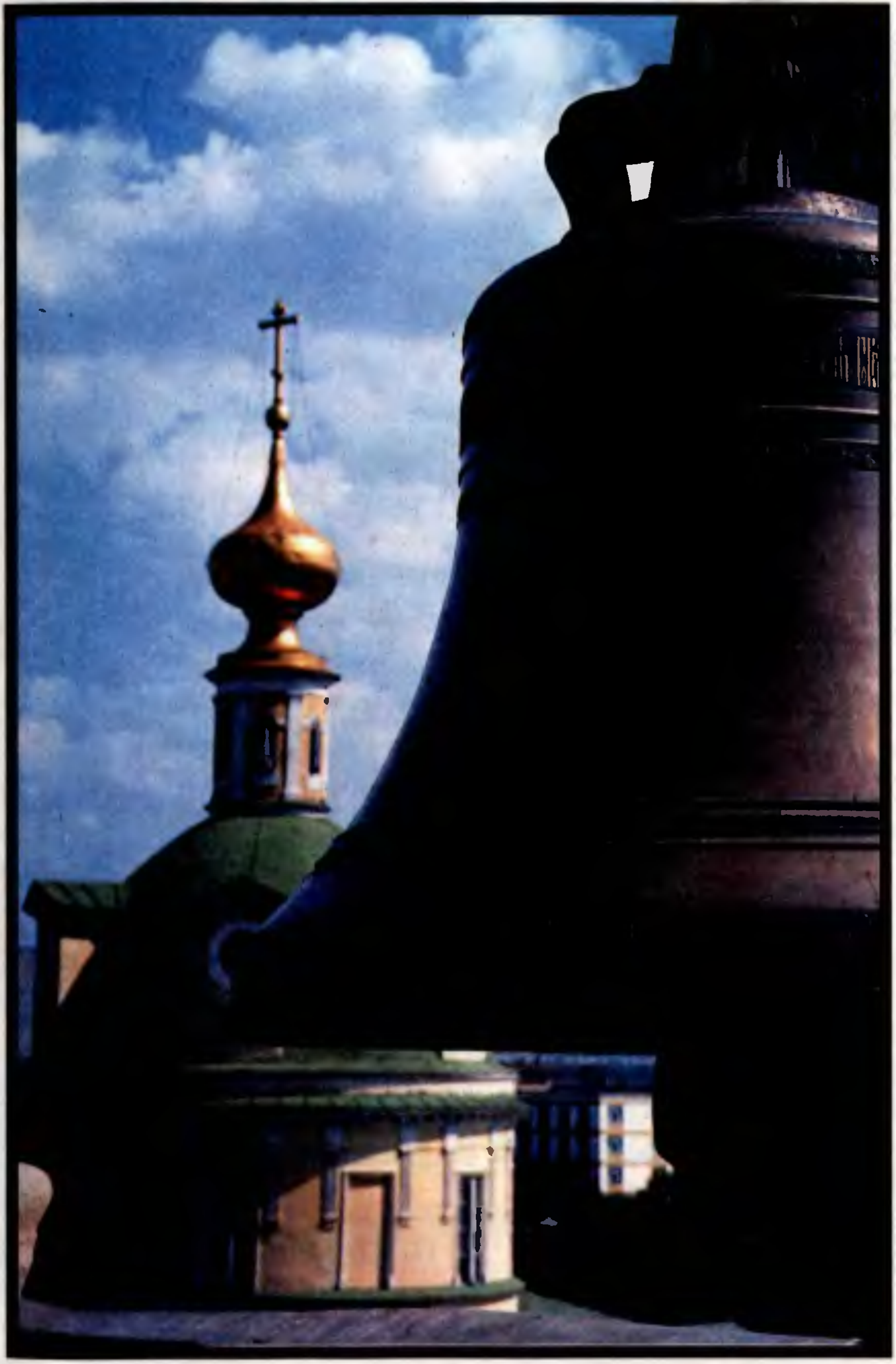
23-1-14

70 коп.
Индекс 70798

РОДИНА

9-1990

ISSN 0235-7089



Фотография Александра Шпиёва

СТАРООБРЯДЧЕСТВО: ОБРЕТЕНИЕ ГОЛОСА

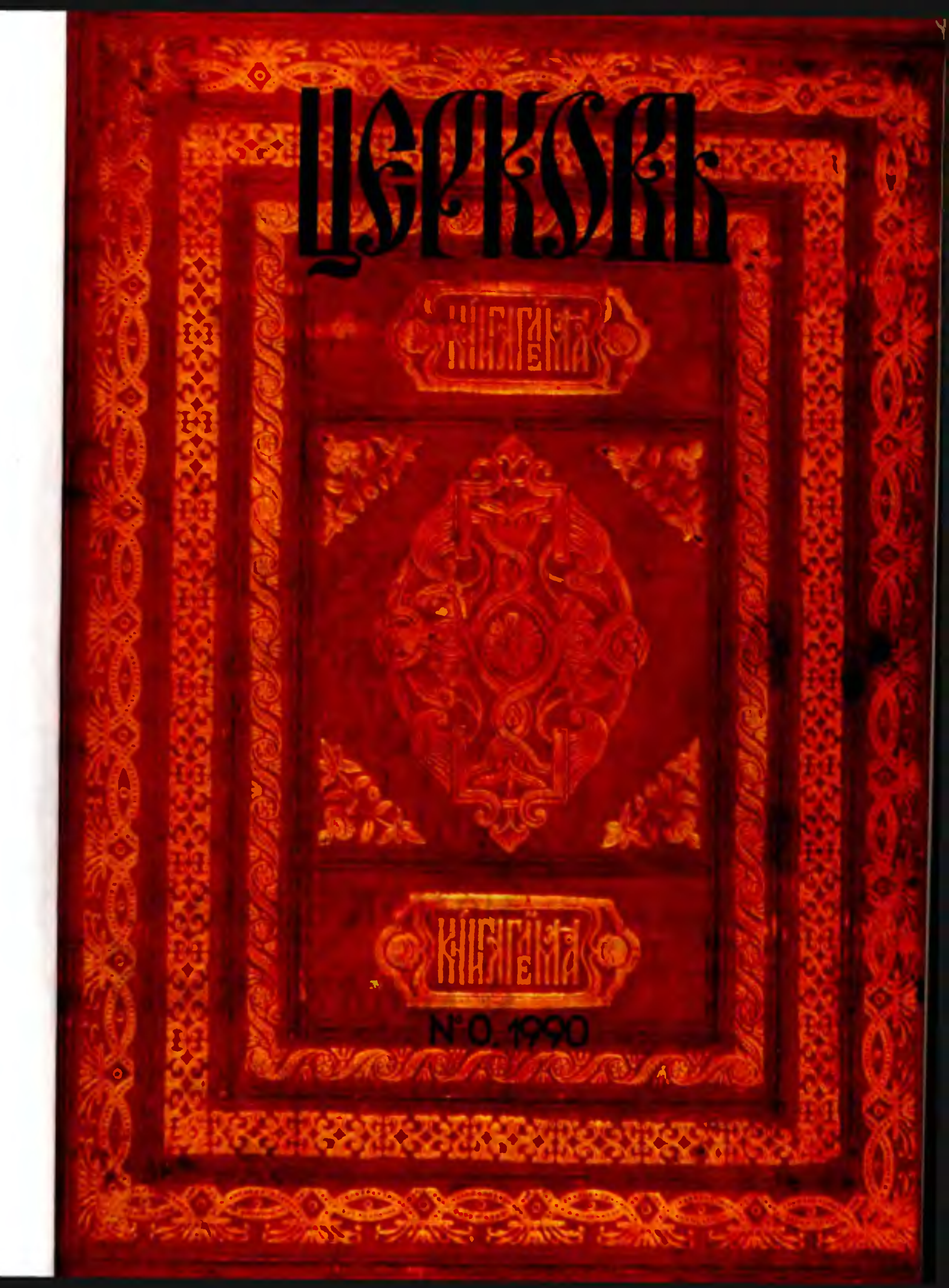
Дорогие читатели!

Перед вами необычный номер «Родины». На его страницах мы представляем новое, еще неизвестное издание — старообрядческий журнал «Церковь».

Старообрядчество — неотъемлемая часть нашей общей исторической судьбы. Но знает об этом далеко не всякий. Мы давно намеревались познакомить читателей с этой древнейшей ветвью русского православия. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. В стране разразился бумажно-полиграфический кризис. И если он задел даже журнальных гигантов, то что же говорить об изданиях начинающих, лишенных опыта и средств. Оказалось, у старообрядцев достаточно материалов для создания своего журнала, но по упомянутым причинам его выход откладывался на неопределенный срок. Однако будет обидно, если из-за внешних причин в хоре голосов возрождающейся России голос старообрядчества останется неуслышанным!

Старообрядцы много сделали для блага Родины. Им отплатили тем, что были уничтожены те социальные слои (купцы, промышленники, казачество, крепкое крестьянство), на которых держалась традиционная культура староверия.

Ныне «Родина» возвращает посильный долг Церкви, протягивая ей руку помощи в знак покаяния и примирения.



Си́це а́зъ, протопо́пъ а́вва́кумъ, вѣ́рую, си́це исповѣ́даю, с си́мъ живу́ и умира́ю.

("Житие")

В 1908 году во время очередной оттепели начал выходить в Москве старообрядческий журнал «Церковь». Через десять лет приход новой зимы прекратил его существование. И вот снова оттепель. И снова мы, православные старообрядцы, возложив упование на Господа Бога, принимаемся за возделывание оскудевшей духовно-просветительской нивы.

Возобновляя издание с прежним названием, мы намерены продолжать и его традиции: сочетание сыновней верности Церкви с культурной широтой и открытостью к диалогу; объединение на своих страницах интеллектуальных сил всего старообрядчества, привлечение к сотрудничеству ученых, писателей, публицистов, в коих живы любовь к древнерусской духовности и стремление сохранить ее.

Однако будет ли интересен такой журнал? Кого, кроме самих староверов, в наше политизированное время могут волновать «обрядовые» споры трехсотлетней давности?

Но старообрядчество — это не экзотический культ, случайно занесенный на нашу почву, а живое свидетельство о глубинных пластах духовной породы, залегающих в душе каждого русского человека.

В эпоху революции Никона и Петра народ, допустив поругание отеческой святыни, утратил свое религиозно-национальное первородство. Потеряв в глубинном, он с тем большей энергией пытался восполнить эту утрату во внешнем: гигантском имперском строительстве.

Однако сегодня, когда срок, отпущенный империи, истекает на наших глазах, самое время задаться вопросом: относится ли неразлучно «имперское измерение» к русской существенности? Не пора ли домой, к отцам — к себе?

Перед нашим народом стоит задача из задач — обретение утраченного первородства. Поиск путей для ее решения и будет главной заботой нашего журнала.

АЛЕКСАНДР АНТОНОВ,
главный редактор журнала «Церковь»

СВЯТЦЫ ОТ РОЖЕСТВА ХРИСТОВА ДО ВЕЛИКОГО ПОСТА

(числа по старому стилю, в скобках — новый стиль)

24 дек. (6 янв.). Воскресение. Навечерие Рож. Христова. Сочельник. Св. прп. мц. Евгении.
25 дек. (7 янв.). Понедельник. РОЖЕСТВО ХРИСТОВО.
От сего дня по 4 янв. разрешение на мясо и млеко.
26 дек. (8 янв.). Вторник. Собор Пресв. Богородицы. Св. Иосифа Обручника. Св. свщмч. Евфимия, еп. Сардийскаго.
27 дек. (9 янв.). Среда. Св. первомуч. и первослуж. архидиакона Стефана. Прп. Феодора начертаннаго.
28 дек. (10 янв.). Четверг. Свв. мч. двою тму, иже в Никомидии сожженных в церкви.
29 дек. (11 янв.). Пятница. Св. младенец иже Христа ради избиенных от Ирода в Вифлееме, 14 тыс.
30 дек. (12 янв.). Суббота. Св. мч. Анисии. Прп. Зотика, прокаженных кормителя.

Рожество Христово

31 дек. (13 янв.). Воскресение. Отдание праздника Рож. Христова. Прп. Мелании Римляныни. Память свв. и праведн. Иосифа Обручника, Давыда царя и ап. Иакова, брата Господня по плоти.
1 янв. (14 янв.). Понедельник. Еже по плоти Обрезание Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа. Память св. отца нашего Василия Великаго, арх. Кесарии каппадокийския.
2 янв. (15 янв.). Вторник. Предпраздн. Просвещения. Св. Селивестра, папы римскаго.
3 янв. (16 янв.). Среда. Предпраздн. Просвещения. Св. пророка Малахии. Св. мч. Гордия.
4 янв. (17 янв.). Четверг. Предпраздн. Просвещения. Собор свв. 70-ти апостол. Прп. Феоктиста, иже в Кукуме Сикелийстем.
5 янв. (18 янв.). Пятница. Предпраздн. Просвещения. Свв. мч. Феопента и Феоны. Прп. Синклитикии. Великое освящение воды. День постный.
6 янв. (19 янв.). Суббота. СВЯТОЕ БОГОЯВЛЕНИЕ. КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА. Освящение воды.

Крещение Господне

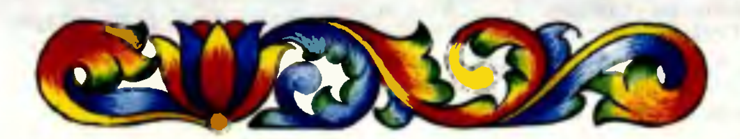
7 янв. (20 янв.). Воскресение. Собор св. славнаго Пророка и Предотечи, Крестителя Господня Иоанна.
8 янв. (21 янв.). Понедельник. Прп. Георгия Хозовита. Св. Емелиана исповедн. Прп. Домники.
9 янв. (22 янв.). Вторник. Св. мч. Полиекта. Прп. Евстратия чудотворца.
10 янв. (23 янв.). Среда. Св. Григория, еп.Нисскаго и св. Доментиана, еп. Мелетийскаго. Прп. Маркиана презвитера и прп. Павла Комельскаго. Пища с рыбой. До 26 янв. (8 февр.) в среду и пяток в пищу допуск. рыба.
11 янв. (24 янв.). Четверг. Прп. и богоноснаго отца нашего Феодосия, общему житию начальника. Прп. Михаила Клопскаго, чудотворца.
12 янв. (25 янв.). Пятница. Св. мц. Татианы.
13 янв. (26 янв.). Суббота. Свв. мч. Ермила и Стратоника.

14 янв. (27 янв.). Воскресение. Неделя о мытаре и фарисее. Начало Триоди постной. Отдание праздника Богоявления Господня.
Седмица сплошная (все дни пища скоромная).
15 янв. (28 янв.). Понедельник. Прп. Павла Фивейскаго и Иоанна Кущника.
16 янв. (29 янв.). Вторник. Поклонение честным веригам св. всехвальнаго апостола Петра.
17 янв. (30 янв.). Среда. Прп. Антония Великаго. Прп. Антония Римлянина, новгор. чудотворца.
18 янв. (31 янв.). Четверг. Св. Афанасия Великаго и Кирила, архиеп. Александрийских.
19 янв. (1 фев.). Пятница. Прп. Макария Египетскаго.
20 янв. (2 фев.). Суббота. Прп. Евфимия Великаго.

21 янв. (3 фев.). Воскресение. Неделя о блудном сыне. Прп. Максима Исповедника. Св. мч. Неофита, Св. мч. Евгения трапезонскаго и дружины его.
22 янв. (4 фев.). Понедельник. Св. ап. Тимофея. Прп. мч. Анастасия Персянина.
23 янв. (5 фев.). Вторник. Св. свщмч. Климента, еп. анкирскаго и св. мч. Агафангела.
24 янв. (6 фев.). Среда. Прп. Ксении. Пища без масла.
25 янв. (7 фев.). Четверг. Св. Григория Богослова.
26 янв. (8 фев.). Пятница. Прп. Ксенофонта, Марии и чад их Аркадия и Иоанна. Прп. Феодора Студийскаго. Пища без масла.
27 янв. (9 фев.). Суббота. Св. Иоанна Златоустаго. Вселенская родительская суббота мясопустная: поминовение иже от века усопших.

28 янв. (10 фев.). Воскресение. Неделя мясопустная. Заговение на мясо. Прп. Ефрема Сирина. Прп. Исаака Сирина. Прп. Ефрема новоторжскаго.
29 янв. (11 фев.). Понедельник. Св. свщмч. Игнатия Богоносца. Седмица сырная (масленица). Все дни пища молочная, без мяса.
30 янв. (12 фев.). Вторник. Св. трех святителей: Василия Великаго, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго. Св. свщмч. Ипполита, папы римскаго.
31 янв. (13 фев.). Среда. Свв. чудотворец и безсребреник Кира и Иоанна. Св. Никиты, еп. новгородскаго.
1 фев. (14 фев.). Четверг. Предпраздн. Сретения Господня. Св. влмч. Трифона.
2 фев. (15 фев.). Пятница. СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ.
3 фев. (16 фев.). Суббота. Свв. праведных Симеона Богоприимца и Анны пророчицы.
4 фев. (17 фев.). Воскресение. Неделя сыропустная. Заговение на Великий пост. Прощеный день. Прп. Исидора Пилусийскаго. Убиение св. благоверн. великаго князя Георгия. Прп. Кирила, игумена новоезерскаго, чудотворца.

Сретение



ПРАЗДНОВАНИЕ 1000-ЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ в русской православной старообрядческой церкви

Сохранив в полноте и чистоте христианскую православную веру на Руси в течение тысячи лет, старообрядцы подошли к этому юбилею с особым чувством выстраданного права на большой Праздник.

На предсоборных совещаниях было поставлено пригласить на торжества делегации из братской Румынской старообрядческой Церкви во главе с митрополитом Тимоном, наших братьев по вере из Америки и Австралии, провести празднование с 18 по 31 июля 1988 года последовательно в трех исторически значимых для староверов местах:

Москве — современном центре нашей Церкви,

Киеве — месте Крещения Руси, матери городов русских,

Белой Кринице — селе, где в 1846 году была восстановлена благодатная полнота старообрядческой церковной иерархии с присоединением к русскому старообрядческому православию греческого митрополита Амвросия.

Центральным событием торжеств должен был стать Юбилейный Освященный Собор в Москве, на котором предначертано избрать первого Московского и всея Руси старообрядческого митрополита, дабы, как и во дни святого крещения Руси (первым возглавил русскую Церковь греческий митрополит Михаил), наша Церковь возглавлялась Митрополитом.

Делегацию из Румынии в последний момент не пустили румынские власти, из Австралии прибыли только миряне, а наиболее многочисленная группа прилетела из США: из Орегона во главе с Прохором Григорьевичем Мартюшевым и с Аляски — с диаконом Павлом Фефеловым. А от нашей страны на торжества собралось почти все духовенство с семьями, с причтом, с певцами.

Освященный Собор состоялся. Митрополитом Московским и всея Руси был единодушно избран и возведен в сан Архиепископ Алимпий.

Вспомним эти незабываемые торжества день за днем...

День 1-й. Понедельник. 18 июля. Праздник обретения честных мощей преподобного отца нашего Сергия Радонежского.

В Покровском кафедральном соборе, что на Рогожском кладбище, с 7 часов утра началось богослужение с водосвятным молебном. Призвав в помощники и заступники покровителя земли Русской преподобного Сергия, в 14 часов уже начали молебен Пресвятой Троице в Успенском Храме-колокольне, где и предстояло заседать Освященному Собору. В 15 часов состоялось открытие Собора. Вступительное слово произнес Архиепископ Алимпий Московский и всея Руси. Затем обсуждается и принимается программа Собора. А уже в 17 часов соборяне и гости отправляются на автобусах в Троице-Сергиеву Лавру на поклонение Святым мощам преподобного Сергия. С душевным волнением и сердечным трепетом ступают старообрядцы на священную землю, по которой ходили своими святыми стопами преп. Сергий, преп. Никон, преп. Максим Грек и другие русские святые, их же имена, Ты, Господи, веси, и им же несть числа. На обратном пути побывали и на месте городка Радонеж — родине преп. Сергия, где недавно ему воздвигнут памятник из светло-серого гранита.

День 2-й. Вторник. 19 июля.

В этот день на Освященном Соборе состоялось избрание Митрополита Московского и всея Руси и назначен день интронизации — 24 июля, а также уточнено официальное именование нашей Церкви: РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Во второй половине дня — посещение святынь Московского Кремля.

День 3-й. Среда. 20 июля.

Продолжалось заседание Освященного Собора, а вечером молились в Покровском соборе всенощное бдение на праздник Казанской Божией Матери.

День 4-й. Четверг. 21 июля. Празднование Казанской Богоматери.

Все участники Собора молились за Божественной литургией в Покровском храме усердной Заступнице рода христианского, да спасет рабы своя от бед и напастей. Вечером посетили Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева в Андрониковом монастыре. Испытывая духовное наслаждение от созерцания собранных здесь древних икон, трудно избавиться от тягостного чувства, что эти иконы живут не в своем доме, не на своем месте, а хоть и в благоустроенной, но «тюрьме». Как не достает пред ними живого огня лампады, восковой свечи, теплой, со слезами молитвы. Побывали и в подклети, где томился в узах священномученик и исповедник протопоп Аввакум.

День 5-й. Пятница. 22 июля.

На «икарусах» участники Собора и гости выехали в древние русские города Владимир и Суздаль. Особенно значимой эта поездка была для зарубежных гостей. Они впервые видели русское поле, березку, рощи и леса так близко; благоустроенные храмы и разоренные, пустеющие деревни и благоденствующие дачные поселки, шедевры церковной архитектуры и убогую серость панельных домов. Вернулись уставшими, но вдохнувшими полной грудью русского духа.

Митрополит Алимпий Московский и всея Руси.

Рогожское кладбище.
Лития на архиерейских могилах

Крестный ход. Протопопы впереди...

После службы. Сонм духовенства

Москва. Покровский кафедральный собор. За Божественной литургией

Хор из с. Стрельниково Костромской обл.

Диакон Павел Фефелов с Аляски (США) не может скрыть восторга

С приветствиями выступили:

от общины из штата Орегон (США) — Прохор Григорьевич Мартюшев

От Московской Поморской общины — Петр Николаевич Хвальковский

От Московского Патриархата — о. Борис Даниленко

Профессор Калифорнийского университета (США) — Р. Вроон

Профессор МГУ — Успенский Б. А.

На Освященном юбилейном Соборе.
Доклад главы Церкви — владыки Алимпия

Вечер духовных песнопений в Покровском соборе.

На юбилейном собрании

Хоровая группа из Риги (Гребенщиковская Поморская община)

Белая Криница. Колокольня Успенского собора

Встреча хлебом и солью

В Киево-Печерской лавре

Со святыми упокой... На могилах Белокриницких митрополитов

День 6-й. Суббота. 23 июля.

После заупокойной литургии о прежде почивших московских первосвятителях духовенство и народ крестным ходом направились на архиерейские могилы Рогожского кладбища. Всем миром помолились заупокойную литию, которую отслужил Митрополит Алимпий. До начала всенощной желающие получили возможность посетить и Даниловский монастырь, где воочию могли убедиться в трудовом подвиге народа, за столь краткое время восстановившего эту обитель из глухого забвения. С 16.30 все уже были в Покровском соборе за всенощной.

День 7-й. Воскресение. 24 июля. Успение благоверныя княгини Ольги, нареч. во св. крещении Елены, бабы вел. кн. Владимира Киевского

Именно в этот день и была совершена интронизация в митрополиты Архиепископа Алимпия. Мечта наших предков осуществилась. По этому случаю был совершен молебен с водоосвящением и крестным ходом вокруг собора. Не умолкали колокола, радостно гудящие с величественной колокольни. вынужденно молчавшей полсотни лет.

В 15 часов началось торжественное собрание, посвященное 1000-летию Крещения Руси, в трапезной под колокольней. Участники Собора и гости, представители инославных церквей выступили с поздравлениями и приветственными словами в адрес Митрополита Алимпия по случаю его интронизации.

В 19 часов в Покровском соборе открылся вечер духовных песнопений. В нем приняли участие сводный хор духовенства, женский хор из с. Стрельниково Костромской области, мужская группа хора из Нижнего Новгорода, хор из с. Добруджа Молдавии и мужской хор из г. Риги Поморской церкви. Звучали церковные песнопения и духовные стихи. Для многих старообрядческое пение стало полным откровением. Знаменный, путевой, демественный распевы наполняли величественные объемы Собора, и, казалось, человеческим голосам подпевают и стены, и столпы, и своды и пение льется с небес: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение!»

День 8-й. Понедельник. 25 июля.

Прием делегации участников Освященного Собора в Совете по делам религий при Совете Министров СССР. Вечером — отъезд в Киев.

День 9-й. Вторник. 26 июля.

Встреча в Киеве с изобилием цветов. Визит в республиканский совет по делам религий и экскурсия по историческим местам града Киева: Софийский собор, памятник св. князю Владимиру, Андреевская церковь, предполагаемое место Крещения Руси.

День 10-й. Среда. 27 июля.

Посещение ближних и дальних пещер Киево-Печерской Лавры. Нетленные мощи святых! Говорят, микроклимат, особые грунтовые условия. Но ведь рядом в этих же условиях лежат груды костей и черепов. Вечером всенощное бдение в местном старообрядческом храме на праздник св. князя Владимира.

День 11-й. Четверг. 28 июля. Успение св. равноапостольного вел. князя Владимира Киевского.

Торжественное богослужение в ознаменование 1000-летия христианства на Руси. Божественная литургия завершается водосвятным молебном и многолетием.

Праздничная трапеза, приготовленная на открытом воздухе во дворе храма, переходит в вечер духовных песнопений. Прощай, Киев! Далее — Черновцы.

День 12-й. Пятница. 29 июля.

Знакомство с Черновцами и прибытие в Белую Криницу. В этом селе было два старообрядческих монастыря: мужской и женский. Кроме того, и поныне действующая Козмодемьянская приходская церковь. Монастырские ансамбли прошли через горнило Отечественной войны невредимыми, но уже в 50-е годы были стерты с лица земли, за исключением Успенского красавца собора, ныне реставрируемого.

День 13-й. 30 июля. Суббота.

Заупокойная литургия с крестным ходом на могилы белокриницких митрополитов, а также могилы иноков Павла и Алимпия, паче других потрудившихся ко восстановлению Белокриницкой иерархии.

14.00 — заключительное заседание, закрытие торжеств.

День 14-й. 31 июля. Воскресение.

Служба свв. отцем, собравшимся на шести Вселенских соборах на потребление ересей. Божественная Литургия. Благодарственный молебен Господу нашему Исусу Христу, тако благоизволившему скончати сии юбилейныя торжества.

Достойно отметить особо потрудившихся во дни оных торжеств: члена Совета Митрополии протоиерея Леонида Гусева, настоятеля храма в Киеве — иерея Сергия Маслова, настоятеля храма в Б. Кринице — иерея Симеона Озерского, председателя Юбилейной комиссии Ромила Ивановича Хрусталева, председателя Церковного Совета Киевской общины Федора Смирнова и многих других, бескорыстно потрудившихся по устроению Торжества 1000-летия Крещения Руси.

Старообрядческий священник
ЛЕОНТИЙ ПИМЕНОВ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

На рисунке: проект храма Рожества Богородицы в Новосибирске.

НОВОСИБИРСК

23 сентября 1990 года Митрополит Московский и всея Руси Алимпий по древнему уставу освятил место закладки храма во имя Рожества Пресвятыя Богородицы. В глубине городского квартала Новосибирска среди вековых сосен вознесется старообрядческий храм, в котором одновременно могут молиться до пятисот человек.

Каким же он будет?

Авторы проекта А. П. и Е. А. Долнаковы исходили из канонов архитектуры русских храмов, построенных в дониконовскую эпоху. Лишь в одном пришлось отступить от старых правил. Многие годы не востребованное мастерство каменной кладки сводов почти совершенно утрачено. Поэтому пришлось кирпичный свод заменить железобетонным перекрытием.

В истории старообрядчества был лишь один сравнительно небольшой период возрождения (с 1905 по 1917 год), когда дозволялось строить храмы. Эти двенадцать лет оставили нам в наследство более тысячи новых церквей и соборов. Старообрядческий храм в Сибири — первый за годы Советской власти. Верим: это лишь начало.

ОРЕХОВО-ЗУЕВО

По решению городского Совета народных депутатов здание бывшей поморской старообрядческой церкви с 1 августа передано действующей старообрядческой общине во имя Рожества Пресвятыя Богородицы (Русская Православная Старообрядческая Церковь).

При реконструкции города храм этой общины был ликвидирован. Сегодня богослужения проходят в обычном жилом доме, приспособленном под церковь, без «внешних оказательств».

На реставрацию переданного храма требуются значительные средства. Но прихожане вместе с настоятелем храма о. Леонтием Пименовым надеются на помощь Божию и добрых людей. Если бы каждый из наших читателей нашел возможным пожертвовать на это благое дело хоть 1 рубль, этой суммы хватило бы на возрождение Храма Божия. Пожертвования просим перечислять на счет 000700803 в Орехово-Зуевском отделении Промстройбанка СССР. На восстановление старообрядческой церкви.

Спаси Христос всех откликнувшихся.

КАЛУГА

Пятиглавый храм Знамения от иконы Пресвятыя Богородицы в Новеграде с приделом во имя св. чудотворца Николы передан Калужским облисполкомом старообрядческой общине города.

Непросто восстановить пострадавшее во время войны и основательно запущенное в послевоенное время здание. Настоятель о. Валерий Осташенко и прихожане храма с глубокой благодарностью принимают пожертвования горожан. Эта помощь тем более необходима, что уже сейчас надо позаботиться и об украшении храма иконостасом. Желающие внести посильную лепту в восстановление церкви могут пересылать пожертвования на счет № 000701904 Калужского отделения Жилсоцбанка с пометкой: «Старообрядческая церковь. На реставрацию».

КИШИНЕВ

— Как мы воспитываем своих детей? Книг для божественного чтения в родительских домах почти нет, дети их не читают, да и не умеют читать. Многие даже утренних и вечерних молитв не знают. День ото дня житейские заботы все более заслоняют нашу духовную жизнь. Поэтому следует подумать, как соединить веру нашу с духовным знанием. Давайте, братья и сестры, учиться Божественному знанию и Святому писанию, учить этому чад наших. И животворящей будет Вера наша. И Бог будет с нами,— так говорил с прихожанами настоятель Кишиневской старообрядческой церкви священноиерей Григорий.

А через неделю после проповеди начался набор детей для обучения при церкви. Первая летняя церковноприходская школа — единственное пока в стране старообрядческое учебное заведение — открылась в неделю Всех Святых 14 июня.

В. ПЕПЕЛЯЕВ

ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВНАЯ ПОМОРСКАЯ ЦЕРКОВЬ

МОСКВА

Учредительный съезд староверов-поморцев России прошел 21—22 ноября 1989 года в храме Московской Преображенской общины. 68 делегатов и гостей из 38 общин и приходов приняли участие в его работе. Они рассмотрели состояние Поморского старообрядчества в РСФСР и приняли решение об образовании Российского Совета Древлеправославной Поморской Церкви, утвердили программу его деятельности, обсудили вопрос о созыве Российского Поместного Собора.

Председателем Российского Совета ДПЦ избран О. И. Розанов (Ленинград), секретарем А. В. Хвальковский (Москва).

Собор ДПЦ РСФСР решено созвать не позднее середины 1991 года. Съезд также счел необходимым как можно скорее провести Собор Поморцев всей страны.

РИГА

На территории Латвии действуют 64 старообрядческих общины, крупнейшая из которых — Рижская Гребенщиковская. Ее храм способен вместить несколько тысяч верующих. Здесь же размещаются Центральный Совет Древлеправославной Поморской Церкви Латвии, созданный в феврале прошлого года (председатель — о. Иоанн Миролюбов), и Духовное училище — первое в нашей стране старообрядческое учебное заведение для подготовки причта. Программа обучения рассчитана на два года. Ежегодный набор учащихся на дневное отделение — 5—10 человек. В ближайшее время на базе училища для подготовки кандидатов в духовные наставники решено начать семинарское заочное обучение.

Кроме того, при Гребенщиковской общине создана воскресная школа, действует Общество любителей древнерусской культуры. В ближайших планах общины — выпуск собственного журнала «Златоструй», восстановление богадельни, больницы.

УСТЬ-ЦИЛЬМА (Коми ССР)

Недавно в этом старинном русском селе в низовьях Печоры по просьбе 1600 верующих была зарегистрирована старообрядческая община. Берега нижней Печоры, ее притоков — Цильмы и Пижмы обживались старообрядцами с начала XVIII века. В укромных местах было основано немало скитов, самый известный из которых носил название Великопоженского. Его насельники, непокорные царским властям, предпочли умереть огненной смертью, когда к стенам монастыря подошли войска. И сегодня в Усть-Цильме не забыты имена тех, кто погиб во время гари. На том месте, где стоял скит, лучшими плотниками по проекту скульптора И. Пылаева будет установлен памятник. Но главной заботой усть-цилемской общины на ближайшие годы станет восстановление уничтоженной церкви. Ее колокол последний раз звонил 67 лет назад...

На снимке: проект памятника на месте Великопоженского скита.
Фотография В. ОСТАШОВА

НА МЕЖДУНАРОДНОМ ФОРУМЕ

В сентябре Новосибирск принимал участников III Международного симпозиума «Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки». В работе симпозиума вместе с учеными впервые приняли участие и старообрядцы разных согласий.

В день открытия форума с приветственным словом выступил Алимпий, Митрополит Московский и всея Руси.

В июле 1990 года в городе Кембридже (Англия) прошел семинар библиотекарей-книговедов и библиографов-славистов из 20 стран. С докладом о 25-летии комплексных полевых исследований русского старообрядчества учеными Московского университета выступила старший научный сотрудник МГУ И. В. Поздеева.

Проблемам изучения старообрядчества два доклада было посвящено и на IV Всемирном конгрессе советских и западноевропейских исследователей, который прошел в г. Харрогейт (Англия).

ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

(центр — г. Новозыбков)

МОСКВА

Здесь состоялась передача храма Покрова Пресвятыя Богородицы Новозыбковской Архиепископии. До закрытия в 30-х годах церковь принадлежала Замоскворецкой старообрядческой общине Белокриницкого согласия.

СЕМЕНОВ (Нижегор. обл.)

Решением Горьковского облисполкома в городе Семенове старообрядческой общине передана церковь, построенная в начале нашего века богатым купцом-старовером Носовым. Сегодня она стоит без куполов и колокольни.

На фотографии: председатель общины Михаил Сергеевич Осьмушников.

Фото Н. МОШКОВА

Епископ Михаил

НУЖНЫ ЛИ ДОГМЫ?

ачем нужны «догмы»? Не достаточно ли нравственного учения Евангелия?

Мы верим в Бога, но зачем эта куча непонятных и ненужных догматов, которых мысль не может ни принять, ни усвоить? «Бог один и троичен». Две ипостаси неслитных и нераздельных. Зачем все это? Да и вообще, «что пользы веровать так или иначе? Лишь бы быть хорошим человеком?».

«Мы признаем нравственную ценность евангельских повествований и посланий апостольских, но какая будет польза для моей души от веры в Троицу, от признания Иисуса Христа Богочеловеком?»

Давно слышался этот вопрос в образованных кругах русского общества, а в последние годы в нем все яснее и яснее слышатся оттенки глухого ропота, разразившегося наконец и жестокими богохульствами общеизвестной заграничной «Критике догматического богословия» и плохо скрываемыми насмешками в религиозно-народных брошюрах, где добродетель человеколюбия некоторых древних христиан противопоставляется праздному будто бы богословствованию вселенских учителей, изощрявшихся «согласить то, что несогласимо» и ради этого пренебрегавших обязанностями христианина. Проповедники штундизма издеваются над св. Церковью, будто бы забывшей евангельские заповеди ради догматических тонкостей, и представляют себя восстановителями истинного христианства после многовекового его затмения отвлеченным и ложным догматизмом. Противопоставление добродетели догматам и нравственное безразличие последних становится темой не для писателей только, но и для постоянных разговоров в обществе, среди учащегося юношества, даже для женщин, и притом не в виде робкого недоумения, как прежде, а в виде дерзкого и настойчивого запроса.

Враги св. догматов особенно любят ссылаться на слова Христовы: «Если хочешь войти в жизнь, соблюди заповеди» **(Мф., 19, 17)**, а также на слова апостола Иакова: «Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира» **(Иак. 1, 27)**. Они говорят: покажите мне, каким образом я буду усерднее исполнять заповеди и охранять себя от скверн мира, веруя в исхождение св. Духа от Отца и в две воли в Исусе Христе, нежели отвергая тот или другой догмат.

Граф Л. Н. Толстой недавно сравнил догматы с грудой мусора, которым завалили доброе ядро евангельского учения.

Догматы, по его словам, клином вбиваются в голову и разбивают мозг, веру в разум и заслоняют от души «вящее» в законе: любовь — жизнь по заповедям Христовым.

Не прав ли в самом деле он?

Года два тому назад один ученый выразился даже еще резче и суровее. Догматы, говорил он, заглушили своим пустоцветом все лилии Евангелия... Они годны только на то, чтобы сплести веревку и удушиться.

Будем, однако, рассуждать попросту и последовательно. Не правы ли все эти? Если догмат нам непонятен, темен, то нужен ли он? Не вредит ли он только вере?

В одной духовной школе недавно давали работу на тему «Учение Платона об идеях». Учение это очень неясно и туманно. Он говорит об идеях вещей, которые реально существуют в каком-то особом «мысленном мире» и т. п. Не только ученики средней школы, но и крупные ученые спорят о смысле учения и его не понимают. Возникает вопрос: да нужно ли оно, нужны ли эти «догмы» философского учения, в свое время разделившего мир на две половины?

Никто не скажет, что в самом деле нужно бросить все, что говорил великий философский ум. Если его мысли неясны, значит, мы до них не доросли и должны еще **вырасти**, вытянуться хоть на цыпочки, чтобы их понять.

Воспитать себя — до них.

Иначе что же... Если мы будем отвергать все непонятное для нас, то тогда, значит, мы уничтожим и сотрем все мысли, какие двигают мир, потому что они всегда вначале были выше толпы,— непонятны большинству.

Теперь перейдем к нашему вопросу о догмате.

Это — истины высшего откровения о внутренней жизни Бога. Естественно, что они недоведомы. Это, однако, не значит, что они не нужны.

Все содержание символа веры, говорят, какие-то геометрические теоремы, «треугольники», которым и цена в области мировоззрения та же, что геометрическим формулам.

Хорошо. Теоремы. Остановимся на этом сравнении. Но что такое теоремы в геометрии? Это — сокращенное изложение законов, соотношение линий и плоскостей.

Невежде теорема не говорит ничего, является каким-то плоским местом.

Ученому теорема говорит много, ложится краеугольным камнем всех его построений, вместе с теоремами других наук помогает ему построить мост, дом, дворец.

Такое же значение имеют и догмы. Если человек не хочет войти в их смысл, подойти к ним верой и сердцем, они — мертвая ценность, неполезная, но только для этого человека, потому что он сам мертв.

Как только он войдет, хотя отчасти, в смысл догмы, догматы окажутся центром света, откуда идут лучи во все уголки жизни, на все вопросы жизни.

Окажется, что это основоположные истины жизни, краеугольные камни жизнепонимания.

Окажется, что для постройки здания мировоззрения эти теоремы так же необходимы, как чертежи для постройки моста.

Догмы, говорят,— это праздная игра мысли. Это шашки, которыми жонглируют, чтобы убежать от обязанности жить с Евангелием и по Евангелию.

Но подумайте, кто были первые отцы, выработавшие догматы на свв. Соборах?

Из самой истории Церкви и золотого века ее богословской учености хорошо известно, что лучшие догматисты — вселенские учители — были прежде всего и по преимуществу ревнителями христианской добродетели, так что только пристрастие и невежество может противопоставлять ревнителей добродетели ревнителям веры, как это делается в современных брошюрах, притязательно выдающих себя за «повествования из церковного пролога». Кто решится отрицать нравственную чистоту, отрешенность от всего мирского и широкое человеколюбие духа Василиева? И, однако, этот дух готов был разлучиться со своим телом буквально за одну йоту в определении существа Христова. Очевидно, эта йота, которою определялось единосущие Сына с Отцом в противовес подобосущию (омоусиос, а не омиусиос), эта йота была не безразлична для добродетельной жизни христиан. Далее, всем известно, что св. Григорий Богослов был прежде всего человек любвеобильнейшего сердца, аскет и религиозный поэт,— он все внимание своего разума устремлял на очищение совести от малейшего потемнения грехом и всякое изъясняемое слово Писания старался привязать к разъяснению пути совершенствования и к побуждению восходить по нему. Душа человека, требующая попечения духовного врача,— вот что составляло его единственную заботу, как пастыря и как богослова, и в этом именно смысле Церковь противопоставляет его творения схоластическому рационализму еретиков, когда воспевает ему тропарь: «Пастырская свирель богословия твоего риторов победи трубы». Между тем кто, как не он, был наиболее точным и настойчивым проповедником догматов?

Я не хочу сейчас говорить в защиту отдельных догматических истин. Скажу о некоторых.

Вот догмат о воскресении Сына Божия.

Разве безразлично для жизни веровать в него или не веровать?

Но ведь здесь решен вопрос, возможно ли победить смерть и грех.

Если Господь не воскрес, то суетна наша вера. Тогда и проповедь Господа Исуса только мечта. Он был мечтатель, который хотел выдвинуть любовь в закон жизни вместо закона борьбы за существование, и вот конец его дела — смерть.

Все дело Господа становится, следовательно, не победоносной проповедью новых начал жизни, а новым доказательством, что закон звериной борьбы один управляет жизнью.

Поэтому-то, как известно, В. С. Соловьев, и Д. С. Мережковский не во имя **разума,** его прав, требуют признания догмы воскресения.

По их мнению, в этой именно догме воскресения суть всего христианства.

«Люди до сих пор утверждали, что христианство основано на любви к ближнему,— что большое заблуждение, так как любовь была в законе Моисеевом и у всех древних мудрецов и философов, от Сократа до Марка Аврелия, от Конфуция до Бодиза мивы.

Основа христианства — воскресение Христа. Если бы Христос не воскрес, то он достоин был бы распятия, так как тогда он обманул бы человечество величайшим из всех обманов, утверждая, что Бог есть Отец Небесный. Бог, допустивший уничтожение в смерти такой личности, не Отец и не Бог.

Нельзя не любить Христа. Но любить — значит хотеть абсолютного бытия того, кого любишь. Какая же может быть любовь к Христу, умершему и не воскресшему?»

Воскресение Христа было реально. Это утверждение не противоречит науке и ее опытному методу. Признает же наука переход материи от неорганического к органическому. Разве это не «чудо», не «тайна»? Почему же тогда не признать воскресшего Христа?

Это воскресение противоречит только бессознательным пережиткам догматического материализма.

«Если бы такая личность, как Богочеловек Христос, умерла, то человечеству не стоило бы жить...»

Вы можете соглашаться с этими рассуждениями или не соглашаться, но суть дела в том, что здесь люди признают догмат основой мировоззрения, придают догматической истине большее значение, чем всему учению Евангелия.

А еще. Догма богочеловечества Господа, из-за которой спорили так долго.

Она тоже далеко не безразлична для жизни, понимания жизни.

Допустим, мы решим, что в Господе Исусе человечество было поглощено Божеством, как учили монофизиты.

Тогда Он — не человек, не может быть руководящим маяком для человека, предметом для его подражания, потому что мыслимо ли идти человеку путем Бога.

Иное дело церковное учение, по которому Господь есть и человек. Тогда его скорбный путь до Голгофы — путь человеческий, и по нему могут идти Им водимые и Им поддерживаемые люди.

Или еще скажу о догмате троичности Лиц в Боге.

Эта истина, кажется, например, особенно вредной и развращающей Л. Н. Толстому.

А нам один юноша, единоверец, говорил: «Три и один — странная математика. Да и к чему такая метафизика. Что она дает, кроме оскомины в мозгу».

Между тем такие речи — прямой отзвук Божества. Есть люди вовсе не богословы, которые придают истине троичности огромное значение. «Чисто философское развитие понятия об абсолютном, даже независимо от каких бы то ни было религиозных определений, приводит нас к признанию же трех Лиц Божества. Отсюда ясно,— продолжают они,— что в самом учении о троичности Лиц в Боге выражены высшие и необходимые начала разумного богопознания, составляющие приложение и развитие самых основных законов разума».

По нашему мнению, догмат троичности — своего рода «ось», на которой держится нравственный закон, высшее обоснование той верховной заповеди христианства, которую так ценят даже нехристиане.

Человечество единосущно. Каждый человек — это только одно лицо, ипостась великого единства — единосущного человечества. Все люди — это раздробленные искры единого Божественного дуновения. «И вдунул в лице его дыхание жизни». Отдельная человеческая душа — это один тон в аккорде. Отсюда основной закон человеческой жизни — любовь. Девизом нормального строя людских отношений Творец поставил догмат, что «нет разности между людьми. Все одно, как живые органы великого тела» — Церкви.

Но эта истина единства не забыта только, а совсем затеряна людьми, утрачена, искажена, изгнана из самой природы мира. Законом единства «недолго жили люди, грех разъединил всех, так что все человечество стало похоже на груду костей без живого сочетания и сочленения».

Человечество «разорвалось». Истина единства человечества, которая должна бы сплотить всех людей «в едину душу и сердце», затмилась. Заповедь любви стала казаться насилием для человеческой души, законом мира стал эгоизм, себялюбие.

Противоестественное разъединение людей стало их естественным состоянием. Далеко в глубине сознания каждого залегла искусственно привитая идея, что мое «я» и всякое другое «не я» суть существа противоположные, что ближний есть именно «не я», а потому любить его, как самого себя, я могу лишь в отдельных порывах, но никак не в постоянном настроении своего сердца. Христианство должно было уничтожить эту ложь греховного разъединения, противопоставить этому будто бы закону жизни другой закон. И оно должно было дать именно закон, т. е. не заповедь, предписание, а обосновать начало любви и единения на неподвижных изначальных основах,— оправдать это начало как действительную основу мировой жизни, истинно неподвижный «тезис» мира. По мнению свв. отец, такое оправдание закону именно и дает догмат Св. Троицы, тесно связанный в словах Господа Иисуса с истиной единосущия человечества. Здесь-то его и просвещает догмат Св. Троицы, уверяющий его, что истинное и вечное существо Творца его природы свободно от подобной исключительности, ибо, будучи едино по естеству, оно троично в Лицах, что раздельное сознание человечества есть ложь, последствие греховного падения, уничтожаемое пришедшим от Отца Сыном, но с Отцом не разлучившимся и призывающим нас в благодатное единство с Собою, которому основание уже дано в действительности через Его воплощение и к которому поэтому всякий может приобщиться сознательно через постепенное претворение своей природы, себялюбивой и гордой, в смиренную и любящую. Таким образом, православное учение о Св. Троице является метафизическим обоснованием нравственного долга любви точно так же, как на учении о загробном воздаянии обосновывается добродетель терпения и т. п.

Св. Григорий Нисский и св. Василий Великий настаивали на тесной связи догм троичности с догмой «единосущия человечества». И, так понимая истину троичности, святые отцы только следовали за Господом Христом, Который в Своей первосвященнической молитве указал на единство Лиц в Троице как на идеал и заповедь для его учеников. «Отче, да вси будут, якоже Ты во Мне и Аз в Тебе,— молит Он,— да и тии в нас едино будут»; «пусть все будут совершенны в единстве».

Таким образом, предсмертное завещание Христа о единении, данном Им Церкви, Им Самим поставлено в теснейшую связь с догмой троичности. Догма троичности — метафизическая основа христианства как религии любви. Так и понимали ее свв. отцы по смыслу слов Христовых,— в догме троичности они усматривают удостоверение и осуществление истины объединения всех в единстве любви, иначе сказать, они в той же догме троичности видели подкрепление, основу, необходимую предпосылку первой из истин христианской жизни — истины Церкви как чудотворящего организма, мистически объединяющего единосущных по природе людей тайной любви и озарением любви; организма, сливающего через любовь всех отдельных членов Церкви во всемогущее — многоипостасное, но единосущное единство Церкви. Церковь, разъясняют свв. отцы, и может быть понята только как отражение в человечестве жизни и закона жизни Трех-Ипостасной и Единой Троицы.

«Забейте клин между половицами закрома, сколько бы ни сыпали в такой закром зерна, оно не удержится. Точно так же и в голове, в которую вбит клин Троицы или Бога, сделавшегося человеком и своим страданием искупившего род человеческий и потом опять улетевшего на небо, не может уже удержаться никакое разумное, твердое жизнепонимание».

«Что ни сыпь в закром с щелью в полу, все высыплется. Что ни вкладывай в ум, принявший за веру бессмысленное, ничто не удержится в нем».

«Страшно подумать о том извращении понятий и чувств, которое оставляет в душе ребенка и взрослого темного человека такое учение».

А мы бы сказали: да, если бы истина троичности вошла клином в нашу жизнь, в наше разумение жизни,— мир переменил бы лицо свое, царство Христово настало бы на земле.

Любовь стала бы законом жизни.

Нет, скажем мы, человек, который принял бы верой (а что такое вера — смотри ниже) учение о Боге в Троице, будет слуга света и истины, потому что к этому именно стала бы его звать Св. Троица. Слуга Св. Троицы есть слуга единения любви, согласия, апостол подлинного Евангелия. К сожалению, верующих в истину церковную немного. И эта вера есть обязанность, бремя тяжелое для человека, слишком ревностно охраняющего свое «я».

«Но ведь фактически (могут возразить нам) все-таки догматы не приносят пользы жизни, они существуют только в катехизисах и бесполезны для жизненного творчества».

Может быть. И Евангелие у нас тоже вне жизни, и оно мало оказывает действительного воздействия на нашу линию поведения.

Следует ли из этого, что оно не нужно и бесплодно? Нужно приобрести веру, которой у нас нет.

Под верой часто разумеют признание известной истины умом... Я верю в Троицу, т. е. ее не отрицаю. Этой веры мало.

Вера есть более глубокое и широкое чувство, чем такая вера бесов.

Настоящая вера есть усвояемое нравственным подвигом жизни сближение с миром потусторонним, с Богом, миром небесной жизни и проникновение к этому миру очами сердца. Вера как признание есть, по Исааку Сирянину и по Симеону Новому Богослову, низший вид религиозного ведения,— нужно не только знать, но и опытно в душе чувствовать прикосновение Бога и в этом находить бесспорное удостоверение веры. Истину должно принимать не по доверию, а в силу ее переживания душой. «Христиане, которые не видят умно Господа, не освещаются явственно и значительно Его Божеским светом, пусть не говорят, как неверные, что невозможно Его видеть».

Великое дело веровать во Христа, но надобно научиться и познавать Его. Воскресению Христову верят многие, но мало таких, которые бы чисто зрели Его. Те же, которые не зрят так воскресения, не могут поклоняться Христу яко Господу. Бог должен вселиться в нас и открыть нам Себя; заведомо сознательно мы должны прозреть к ведению, «т. е. ощутить Бога в Себе ясно и осязательно» (Мысли Симеона Нового Богослова).

И вот эта подлинная вера приобретается практикой жизни по Богу, молитвой,— упражнениями жизни по Христу. Свв. отцы оттого и могли говорить о догме, что всей душой приникали к жизни Божией и хоть отчасти видели то, что мы увидим когда-то лицом к лицу.

Если человек живет душой в воздухе сфер небесных, то тем самым он научится истинно веровать, т. е. не только мыслью, но и волей подходить к истине откровений, входить внутрь ее. Тогда догмы открываются ему во внутреннем его чувстве, в глубинах его нравственного сознания.

И только тогда Св. Троица не будет казаться ему геометрическим треугольником, а покажется в свете всего своего духовного содержания, и как откровение о внутренней жизни Бога, и как заповедь, освещающая весь путь христианина. И только такой человек, в сущности, может говорить об истинах веры. Если об истинах веры говорит просто богослов, хотя бы изучивший наизусть все Писание, но не знающий тайн молитвы и жизни в Боге, то можно сказать, что здесь слепой говорит о цветах.

Бесплодные и напрасные речи.

НУЖНЫ ЛИ ОБРЯДЫ?

Старообрядчество больше всего и чаще всего упрекают в «обрядоверии», то есть в упрямом поклонении обряду больше даже догмы. Их *уважение* к обряду склонны считать чуть не идолопоклонством.

Но, в самом деле, неужели обряд — что-нибудь несущественное, мало нужное в порядке духовной жизни? Мы уже писали коротенько о смысле обряда в первой статье. Говорили, почему старообрядчество должно было «духом восстать» против кощунственного покушения на святыню обряда. Теперь хочу сказать, для старообрядческой молодежи главным образом, в чем *смысл обряда*.

Что такое обряд? Это «оболочка», одежда догмы, говорили мы. Теперь продолжим немного иначе: это закрепленная духовная жизнь, сильный момент христианской жизни, великое мгновение, остановленное, так сказать, навеки, в целях духовного воспитания.

В первой христианской Церкви существовало общение во всем, люди имели все общее, и не было между ними нуждающихся... И вот настроение этих святых дней создало святой обычай, или обряд, «агап» вечерней любви.

Все христиане того времени были в постоянном любовном единении: не только имущественно, но и сердце и душу они имели одну **(Деян., гл. IV).**

Святое настроение и «агап» этого общения душ закрепилось в одном сложном обряде, системе обрядов в литургии и вообще в богослужении.

Литургия в своих обрядах — вся символическое осуществление молитвы Господа к Отцу: «Да все едино будут... яко же и мы» **(Иоан., 17, 11, 21).** В древности и самая литургия носила название «таинство общения», а Кирилл Александрийский прямо называет ее общей связью, соединяющей всех.

«Литургия,— пишет Н. В. Гоголь,— нечувствительно строит и создает человека, и если общество еще совершенно не распалось, если люди не дышат полною, непримиримою ненавистью между собой, *то сокровенная причина тому есть система обрядов — Божественная литургия, напоминающая человеку о святой небесной любви к брату».*

Но литургия — нечто великое, необычайно глубокое. Но возьмите что-нибудь помельче, если позволительно так выразиться.

Возьмем такой некрупный обряд, как, например, «поклоны».

Зачем это чисто механическое движение?

Но вот рассказ «Луга духовного» на эту тему (в нашей свободной передаче).

Однажды пришел к авве Иоанну крестьянин и, рассказав про свою крайнюю нищету, просил у него в долг номисму (4 р.).

Старец сжалился над ним и занял денег в обители. Однако прошло два года, и крестьянин не являлся.

Блаженный авва между тем узнал, что крестьянин ведет беспечную жизнь и не радеет о своей семье. Долго думал старец, как бы помочь горю. Призвав своего должника, он сказал ему:

— Возврати же мне долг, брат!

— Видит Бог, нечем мне заплатить тебе!

— А я вот помогу тебе уплатить. Теперь еще не скоро наступят полевые работы...

— Что ни прикажешь, я все исполню.

— Когда только ты будешь свободен дома, приходи сюда и клади по тридцати поклонов, я буду давать тебе за всякий раз по керате (18 к.).

И стал крестьянин очень часто приходить в монастырь и вместе со старцем класть земные поклоны.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивали старца.— Полезны ли для крестьянина одни земные поклоны? Ты бы лучше вразумлял его... Мы думаем, что он христианин и сам знает свои обязанности.

— Духовная жизнь в нем угасла. Молитва оживит его веру и дух благочестия.

— Но ведь он пока кладет только поклоны.

— Плоду предшествует цвет, цвету — лист, листу — почка и оживление ветвей... Не знаете ли, что дар молитвы — плод? Много нужно потрудиться, пока этот плод созреет. Поклоны — это первая окопка деревца... Человек не мертвое орудие, а живое существо: среди поклонов проявятся начатки молитвенного духа... По капельке малой, малой, как живительный дождь, снизойдет молитвенный дар... Как тому, кто не знает алфавита, вы дадите читать книгу?

И старец доказал свою правоту делом и продолжал упражнять крестьянина в поклонах. Когда бедняк был голоден, старец делил с ним братски трапезу и отпускал его домой, нагрузив сухарями на все его семейство. Это было до тех пор, пока не составилась сумма в двадцать четыре керата. Крестьянин возвратил долг старцу. Но мы видели и потом этого крестьянина у старца. Он приходил уже добровольно молиться с ним... В деньгах крестьянин перестал нуждаться, потому что с той поры начал трезвую, трудолюбивую жизнь.

Поклоны — этот «маленький» обряд — вскрыли своей внутренней силой спавшее в душе сознание греха.

А другие обряды?

Глубокое содержание обрядов крещения. О них мы поговорим когда-нибудь отдельно.

В пасхальном богослужении, например, есть обряд христосования.

И кто знает, сколько душ «растопилось», сколько гневных движений растаяло в этом *обрядовом* поцелуе!

Накануне поста есть обряд прощения...

Какую силу примирения таит этот обряд в себе! А обряд брака, то есть таинство брака в обрядовой стороне: какое откровение о семье дано здесь — имеющим уши слышать.

Но как? Каким образом происходит такое влияние обряда?

Я объясняю это так. Обряд в свое время создан великой мыслью, огромной духовной энергией, подъемом любовного настроения. Но всякая энергия всегда сохраняется по закону, так сказать, «сохранения духовной энергии». Как теплота, духовная сила обряда сохраняется в нем в скрытом состоянии.

Есть хороший рассказ Короленко «Мороз».

Это фантазия. Автору кажется, что иногда от мороза слова замерзают, но вот пригреет солнце, думается ему,— и оттают слова, и войдут в души святой силой.

В обряде застыли «слова» — святая сила.

Для человека, которого еще не пригрело солнце благодати, они мертвы, безжизненны, но и для него они могут проснуться, «ожить».

В обряд нужно вглядеться, войти вглубь, чтобы его сила ожила для сердца.

Равнодушные к самой религии, посещающие храм только урывками, остающиеся в нем всего на несколько минут, естественно, глухи к тому, что скрыто за одеждой обряда, и не бывают в состоянии постигнуть его существо и дух. Это люди «душевные», а не духовные, и над ними сбываются слова св. Апостола: «Душевен человек не приемлет яже духа Божия: юродство бо ему есть, зане духовне востязуется» **(1 Кор., 11, 14).**

Говорят, что обряд устарел, обветшал.

Допустим на минуту. Но и тогда он свят, как мертвое тело покойной матери, которое мы целуем не с меньшей нежностью, чем живое.

Это ступени, по которым, скажем словами Мережковского, миллионы шли к Богу.

Пусть, снова допустим, обветшали ступени, все-таки целуй их, лобызай след от ног святых миллионов.

Но мог ли устареть и умереть обряд в самом деле? Конечно, нет. Его душа вечно жива.

Разве только мы можем умереть для обряда.

Нельзя забывать то, что сказано о происхождении обряда:

«Обряд не может убивать духа. Дух создал его, и, как воспоминание о прежде пережитом религиозном настроении, он снова будит это настроение, и, если душа не спит, внешность и обряд снова одухотворяются для человека и становятся для него силой животворящей».

Не нужно забывать, что обряд, ведь это, как сказали мы, «видимый покров незримой тайны, незримой истины, живое тело живой души», вместе с тем есть, повторяем, «те ступени, по которым миллионы верующих века и века восходили к Богу».

«Это одно уже должно было сделать их навсегда не только святыми и дать им навсегда силу благодатного освещения. Святая мысль, молитвенная деятельность, *исторически* так тесно соединилась с обрядом, что уничтожить обряд (если бы даже это было возможно психологически) — значит разорвать ряд драгоценнейших ассоциаций, значит подвергнуть опасности самую мысль, связанную с обрядом и выраженную в нем, значит убить и молитвенную деятельность».

«Несли сосуд с драгоценной жидкостью. Все падают перед ним ниц, все целуют сосуд, заключающий эту драгоценную живящую всех влагу, но восстают люди и начинают кричать: «Слепцы, чего вы сосуд целуете, дорога лишь живительная влага, в нем заключающаяся, дорого содержимое, а вы целуете стекло, простое стекло и стеклу приписываете святость... Идолопоклонники, бросьте сосуд, обожайте лишь живящую влагу, а не стекло. И вот разбили сосуд, живящая влага разлилась по земле и исчезла в земле, разумеется... Сосуд разбили и влагу потеряли...»

Эта прекрасная легенда направлена против врагов обряда.

ОБ АВТОРЕ

Епископ Михаил (Семенов) — одна из наиболее ярких личностей в старообрядчестве начала XX века. Ученый-богослов с огромными знаниями и блестящим литературным талантом, он посвятил свою жизнь распространению света Евангелия.

Жизненный путь его необычен. Родившись в семье крестьянина в 1874 году, он к тридцати годам уже архимандрит и профессор Санкт-Петербургской духовной академии. Активный участник знаменитых религиозно-философских собраний, где был представлен цвет русской интеллигенции.

В 1907 году архимандрит Михаил присоединился к Старообрядческой Церкви, а в 1908-м — посвящается в сан епископа. Писательский дар владыки Михаила достигает своего расцвета, одновременно в различных изданиях он публикует множество статей, направленных на укрепление и защиту Церкви Христовой. Единомышленники называли его «апостолом XX века», враги угрожали ему расправой. В 1916 году жизнь епископа Михаила трагически оборвалась. Он был зверски избит и через неделю скончался. Похоронен на Рогожском кладбище.

Все написанное епископом Михаилом до сих пор не утратило своей свежести и насущности.

Народный депутат СССР,
депутат Верховного Совета Литвы
НИКОЛАЙ МЕДВЕДЕВ:

«БОЛЬШЕ ВСЕГО ЖЕЛАЮ ПРИМИРЕНИЯ РУССКИХ...»

Николай Николаевич Медведев из тех русских, которых в Литве называют своими, местными. Не одно поколение старообрядцев Поморского согласия выросло на литовской земле, и все же они остались русскими, смогли сохранить язык, веру и обычаи предков. Н. Медведев живет в Каунасе. Принимал участие в становлении движения «Саюдис». Занимает независимую позицию в Верховном Совете республики. В частности, сохранил мандат народного депутата СССР. Член комиссии по гражданским правам и делам национальностей ВС Литвы.

— Николай Николаевич, ощущение непрочности своего положения, неуверенности в завтрашнем дне, а то и просто опасности преследует многих русских в Литве. Есть ли в основе его какие-то реальные, объективные причины? Или это следствие действий разного рода политиков и политиканов?

— Пробуждение литовской нации, как известно, началось два года назад. Шло оно открыто — перестройка дала такую возможность. Все, что до этого было в опале,— «забытые» по приказу сверху исторические факты, символика, традиции — десятилетиями таилось в памяти народа и при первом же толчке стало быстро восстанавливаться. Заговорили о независимости — поначалу робко, затем все увереннее, смелее, громче. Могла ли русская община в Литве воспринять новые процессы спокойно, с пониманием и сочувствием? Не могла: слишком быстро они развивались, времени на осмысление происходящего почти не было. Ломались привычные представления о Литве как о территории, по существу, мало чем отличающейся от российской или белорусской. И русские (разумеется, не все) испытали растерянность перед сброшенными с пьедестала ложными ценностями вроде «развитого социализма» или «единой семьи народов». Последовала реакция — неприятие, раздражение, страх за свое будущее в этой ставшей вдруг незнакомой республике, упорно добивающейся своего, невзирая на окрики «центра». Возникла ситуация противостояния.

— И все-таки, мне кажется, большая часть русских с уважением отнеслась бы к устремлениям литовцев, если бы не перехлесты политиков, которые, особенно на первых порах, оттолкнули русское население.

— Ошибки, разумеется, были. При становлении «Саюдиса» многим казалось: главное — объединить «своих», ведь мы у себя дома. Критику сталинизма, партократии, «центра» порой переносили на всех русских, не отделяя их от существующей системы. Вместо того, чтобы искать среди них друзей, создавали врагов. Согласен, на первых митингах «Саюдиса» русскому, независимо от его взглядов, действительно было неуютно. Но митинговый угар, надо сказать, прошел быстро. Становилось ясно: не построить спокойный, благополучный дом, если кто-то в нем будет обижен, кто-то затаит злобу. От конфронтации «Саюдис» стал переходить к поискам межнационального согласия.

Но это оказалось не просто. Понимаете ли, в течение десятилетий в Литве отдельно друг от друга формировались два слоя населения. Я даже иногда думаю, что их сознательно хотели разделить, потому что вся политика, в том числе и языковая, была направлена не на адаптацию русскоязычного населения, а, наоборот, на его изоляцию. И вот сейчас, когда начались большие перемены, эти слои реагируют на них по-разному. Литовцы воспринимают происходящее с энтузиазмом, даже если эти изменения в житейском плане и не дали ничего, кроме трудностей. Русских же эти трудности раздражают, так как они не видят цели, во имя которой можно пойти на жертвы.

Конечно, русская община в Литве неоднородна. Не все приехали сюда в советское время. Скажем, у старообрядцев вековые корни в литовской земле. Известно, что в 1939 году в трех прибалтийских государствах жило около 200 тысяч старообрядцев, как правило, поморского толка. Бежавшие в Литву в конце XVII века хранители старой веры были жителями Новгородчины, Пскова, других северо-западных областей. Первый старообрядческий храм в Литве был основан в деревне Пуша еще в 1709 году. Старообрядцы пришлись в Литве ко двору, думаю, в силу своего уклада жизни, с крепостью родственных семейных уз, трезвостью, трудолюбием, чистоплотностью. Эти качества очень сходны с чертами литовского национального характера. Исторические свидетельства не сохранили ни единого упоминания о каком-либо конфликте. Литовцы и по сей день выделяют старообрядцев из всех русских, относятся к ним более радушно, с уважением. Нельзя забывать и того, что после войны в стране оставался один-единственный центр — Высший старообрядческий совет — именно здесь, в Литве, в Вильнюсе. И сейчас он заботится о 250 общинах, в том числе на территории других республик — в Белоруссии, в Эстонии.

Так что старообрядцам нетрудно понять устремления литовцев, с которыми успели породниться за минувшие столетия.

— Но ведь нельзя отрицать существование специфических интересов русской общины, которые могут оказаться под угрозой в отделившейся от Союза Литве. Значит, остаются причины и для напряженности, различных противоречий...

— Да, каждый человек, помимо общечеловеческих, хочет иметь и какие-то национальные права, чтобы не потерять свои особенности, духовные ценности. Русские, вероятно, никогда не сольются с литовцами, будут духовно тяготеть к России. Это естественно и нормально в демократическом обществе. Сейчас в Литве у русскоязычного населения, по сути, нет каналов для национального самоопределения в качестве общины: у него отсутствуют необходимые для этого культурные институты. Путь к формированию специфической русской общины, каковой не могло быть в условиях унитарного государства, откроется благодаря самоопределению Литвы. Тут важно понять одну вещь. Пока Литва не самостоятельна, политика по отношению к русскоязычному населению не может быть такой, какой она была бы по отношению к национальному меньшинству. Другое дело — независимое государство. Только в свободной республике могут быть свободные граждане. И вот я верю и надеюсь, что сплочение здешних русских произойдет через свободу Литвы.

Беседу вел
ГЕННАДИЙ ЛИТВИНЦЕВ.
Литва.

ДИАКОН

(от греческого слова ***диаконос*** — слуга) — священнослужитель третьей, низшей степени иерархии христианской церкви, помогающий высшим (священникам и епископам) при совершении таинств, в Богослужении, управлении делами церкви. Так же как и чины епископов и презвитеров, диаконский чин установлен в церкви во времена апостолов. Он имеет свой прообраз и в церкви ветхозаветной, в лице *левитов*, которые прислуживали священникам при жертвоприношениях, а также пели в Иерусалимском храме и возглавляли молитву народа. В некоторых первохристианских писаниях диаконы прямо называются левитами **(напр., в Послании к коринфянам св. Климента Римского).** Из книги Деяний св. апостолов мы знаем об избрании и рукоположении семи диаконов в первой христианской общине Иеросалима для справедливого распределения жизненных средств и припасов между ее членами. Некоторые именно в этом и видели установление диаконского чина. Так, Неокесарийский поместный собор года, со ссылкой на Деяния апостолов, повелел иметь не более семи диаконов в одном городе, сколь бы ни был он велик **(пр. 15).** Подобный обычай был и в Римской церкви. Но св. Иоанн Златоуст и большинство отцов церкви считают, что семь первых иеросалимских диаконов имели не одинаковое назначение с диаконами более позднего времени. Они были призваны исполнять именно ту определенную обязанность, о которой говорится в книге Деяний. А чин служащих таинствам выделился уже позднее и окончательно закрепился тогда же, как и чины епископов и презвитеров. При этом диаконы в первые века христианства действительно несли разные служения, в особенности благотворительные, а также помогали епископу и презвитерам в управлении общиной. Апостол Павел в 1-м послании к Тимофею называет потребные диакону нравственные качества. «Диаконы,— пишет он,— должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести... Диакон да будет муж одной жены, хорошо управляющий детьми и домом своим» **(3.8—12).** Строгость этих требований говорит о важности диаконского сана и служения в первенствующей церкви. Кроме исполнения собственно литургических обязанностей, диаконы наблюдали за нравами и поведением народа, раздавали милостыню, пеклись о бедных вдовицах, сиротах, ведали погребением умерших. Они же бывали у епископов секретарями и посланниками.

Во времена после Константина Великого, когда христианское Богослужение стало открытым и многолюдным, диаконов потребовалось значительно больше. Например, уже в VI веке в церкви Софии Премудрости Божией при шестидесяти священниках служило 100 диаконов. Правило Неокесарийского собора в это время потеряло свою силу, а впоследствии было отменено 16-м правилом 6-го Вселенского собора. Одни из диаконов прислуживали презвитерам в алтаре, другие, стоя на амвоне, побуждали к молитве народ и читали Св. Писание, третьи наблюдали за порядком и выводили оглашенных. Иногда, по благословению епископа, диаконы произносили проповеди (как, напр., св. Ефрем Сирин или молодой Иоанн Златоуст). Но часть диаконов продолжала исполнять важнейшие церковные дела. Даже в поздней византийской церкви (XIV—XV вв.), по словам Симеона Солунского, «избраннейшие из диаконов... исполняют обязанности судей; и один из них управляет делами великой церкви по отношению к клирикам и бедным... иной — делами священных обителей; иной — делами по отношению к священным сосудам и церковному благочинию; тот занимается делами иереев и судебными и хранит хартии деяний церковных; другой печется о священных храмах, находящихся в городе...». Во многих поместных церквах архидиакон епископа, как наиболее подготовленный человек, часто избирался его преемником на престоле. Книга «Апостольских постановлений», уподобляя епископа Христу, называет диаконов его «ангелами и пророками, его очами, ушами, устами и правою рукою». На соборах диакону-посланнику епископа предоставлялось то место, которое должен был по чести занимать сам епископ. Но порой важность исполняемых обязанностей и высокая честь порождали у некоторых диаконов гордое и пренебрежительное отношение к рядовым презвитерам. Поэтому уже начиная с 1-го Вселенского собора ряд церковных правил строго указывают диаконам на их низшее место по сравнению с презвитерами. Они предписывают диаконам совершать все священные действия только с благословения старших по сану, запрещают приобщаться Св. Таин прежде презвитеров и даже садиться в их присутствии без разрешения **(1 Всел. Соб., пр. 18; Лаодик, соб., пр. 20).** Примерно до XIII века диаконы могли сами совершать проскомидию и переносить Св. Дары из жертвенника в алтарь. Позже они стали только прислуживать иерею при совершении этих обоих священнодействий. Ушло в прошлое и церковное учительство диаконов, хотя еще Феофилакт Болгарский (X век) видит отличительную особенность диаконов в том, что они «очищают оглашенных учения» **(Благовестник от Луки, толк. на зач. 95).** Диакон поставляется в сан через совершаемое епископом в алтаре возложение рук **(по-гречески — хиротония).** Хиротония совершается во время Божественной литургии, как правило, при стечении большого числа верующих. Их молитвы о рукополагаемом, «да приидет нань благодать Святаго Духа», и подтверждение ими достоинства его суть непременные условия поставления. Во время хиротонии диакон преклоняет одно колено в знак того, что получает только один дар — служения при Таинствах, но не самого совершения их. Это же означает и возложение уларя (см. ниже) на одно его плечо.

Рукополагаемый во диакона должен предварительно пройти все низшие церковные степени — свещеносца, чтеца и иподиакона. Также и прежде хиротонии в высшие степени священства ставленник должен пройти через диаконскую степень. Старшие из диаконов получают звания протодиаконов и архидиаконов. Протодиаконское звание дается или главному из диаконов большого соборного храма, или же в качестве награды за долгое беспорочное служение. Диакон, который служит при епископе и несет особо важные обязанности, сопровождает или замещает его на соборах и т. п.,

иногда получает звание архидиакона.

В Русской церкви диаконский чин явился вместе с принятием христианства. Но диаконов было значительно меньше, чем в Греции: они имелись при соборах и в больших монастырях, но отнюдь не во всех приходских храмах. При архиереях они тоже не получили того важного значения, как в Греции и первоначально в Риме. Главное назначение диакона виделось в том, чтобы сообщить Богослужению большую торжественность. Едва ли не первыми носителями диаконского сана, оставившими по себе память в истории Русской церкви, были исповедники древнего православия — диакон Феодор Иванов, сострадалец прот. Аввакума (1682 г.), и диакон Александр, составитель «Керженских ответов» **(казнен в 1720 г.).** В XIX веке, с восстановлением иерархии в старообрядческой церкви, происходит возвращение к древнему взгляду на диакона, как на помощника епископу в делах церковного управления. В документах старообрядческих соборов нередки подписи диаконов как представителей епископов. Наиболее ярким примером такого рода может быть назван диакон Алексей Богатенков — замечательный знаток истории церкви, ее канонов и богослужения, виднейший участник Освященных соборов, впоследствии епископ Рязанский (ум. в 1930 г.).

Канонические требования к рукополагаемому в диаконский сан сохраняют силу и для всех высших священных степеней. К тому, что уже приведено у ап. Павла, можно добавить, что он должен быть сохранившим непорочность от крещения и до законной женитьбы и женатым также на девице **(6 Всел. Соб., пр. 3)** и должен обратить в православие всех членов своей семьи.

Возраст, установленный для поставления во диакона 4-м Карфагенским собором,— не менее двадцати пяти лет **(пр. 22).** Впоследствии это правило было повторено 6-м Вселенским собором и безоговорочно подтверждается более поздними толкователями канонов. Во времена гонений постоянная напряженность духовной жизни, исповедничество поддерживали Божественную ревность в тех юных, которые принимали на себя бремя священства **(например, ставший диаконом в 15 лет священномученик Елевферий).** Пример несколько более поздний, но очень яркий — св. Афанасий Александрийский, удостоенный диаконского сана в 18-летнем возрасте и сразу ставший ближайшим помощником своего епископа. Но затем, когда в благоприятное для Церкви время количество священнослужителей стало превышать потребное, начали рукополагать диаконов не ранее 25-летнего возраста **(6 Вселенский Собор, пр. 22).** Со временем строгость этого правила ослабла. Блаженный Симеон Солунский указывает, например, на возможность сокращения возраста для иночествующих, «так как они не имеют своей воли над

собою, а зависят от других». Впоследствии на всем христианском Востоке возраст рукополагаемых стал сокращаться уже как правило.

В Московской Руси также было немало примеров более раннего рукоположения в духовный сан. Типично для своего времени начало церковного пути и протопопа Аввакума: он стал диаконом в 21 год.

Вопрос о возрасте рукополагаемого возникает и в наше время. В каждом конкретном случае он решается епископом или Архиерейским совещанием вплоть до Освященного Собора Церкви.

ДИАКОНСКИЕ ОДЕЖДЫ — это прежде всего надеваемый поверх рясы *стихарь*. Эта одежда принадлежит всем священным чинам: под ризами носят ее и священники, и епископы. Название стихаря происходит от греческого слова «стихос», то есть ряд, прямая линия, строка (отсюда же стих). Стихарь — длинная, прямая одежда с прорезью для головы и прорезями под рукавами — разновидность *туники*, которая в первые века христианства была общепринятой одеждой. И первоначально одеяния освященных лиц отличались от прочих только своей белизной. От древнего обычая делать белые стихари и происходит другое, латинское название этой одежды — альба, то есть белая. Белый цвет должен был свидетельствовать о чистоте и непорочности как священного сана, так и самого жития клириков. По Герману Константинопольскому, белый цвет означает неизреченное сияние Божества. Диаконский стихарь обычно бывает обшит каймой по бокам и рукавам, что символически толкуется как узы, которыми был связан Спаситель, и кровь, истекшая из Его ребра. Подобным образом объясняются и оплечья — как раны от бичей на плечах Господа. Второй предмет диаконской одежды, также общий для всего священства,— **поручи,** надеваемые поверх рукавов рясы. Они создают удобство для действий руками при Богослужении и при этом имеют таинственное значение — как символ укрепляющей священнослужителей десницы Божией. По Симеону Солунскому, поручи «изображают вседержительную силу Божию и то, что Исус Своими руками совершил священнодействие Своих Тела и Крови» (на Тайной Вечери). Непременная принадлежность диаконского служения — орарь, или, как более привычно называется он в старопечатных книгах и церковном обиходе, *уларь*. Это длинный, узкий плат, который диакон носит на левом плече, поднимая конец его тремя пальцами правой руки. Первые христиане сохраняли иудейский обычай молиться, покрывая плечи особым длинным молитвенным полотенцем. На иудейских молитвенных собраниях старший подавал этим полотенцем знак, когда всем остальным полагалось возносить общую молитву, сказать «аминь» и т. п. Возможно, что уже тогда в ветхозаветной церкви существовал обычай держать молитвенный плат тремя пальцами, поднимая два других вверх: именно такой жест в древности призывал ко вниманию. Эти богослужебные обычаи были восприняты церковью христианской. Подавать знак длинным платом стало обязанностью диакона, который возглавлял молитву народа, в то время как презвитеры совершали священнодействие Таинств. Постепенно этот плат стал исключительной принадлежностью диаконского сана. Лаодикийский собор лишил низших клириков права носить его **(пр. 22, 23).** Происхождение слова «орарион» (наше «уларь», или «орарь») не вполне ясно. В Западной церкви издавна принято производить его от латинского слова «ораре» (говорить, молиться). Греческие толкователи считают, что оно произошло от греческих слов «орао» (вижу, наблюдаю) или «ораидзо» (украшаю). В связи с понятием об ангельском служении диаконов уларю впоследствии было придано символическое значение ангельских крыл. Уже Златоуст упо-

Оплечье диаконского стихаря

минает о том, как в его время диаконы взмахивали ударями, подражая взмахам крыльев, восклицая: «Да никто от оглашенных, но елико вернии...» Исходя из этого символического значения, на ударях иногда вышивали слова ангельской песни: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь небо и землю славы Твоея». Все богослужебные одежды диакона издревле принято украшать четвероконечными крестами, которые он целует при облачении.

При архиерейских служениях диаконы имеют также **рипиды**. Изначально служившие просто опахалами, рипиды в дальнейшем стали использоваться в торжественных случаях как символы херувимов и серафимов и поэтому всегда украшаются их изображениями.

Издавна в церковном обычае ношение диаконом **скуфьи**. Древняя скуфья была кругловидной невысокой, плотно покрывающей голову шапочкой, сшитой из четырех клиньев. В старинных рукописных сборниках можно встретить символические толкования всех ее особенностей. Скуфья прикрывала круглое гуменцо, выстриженное вверху головы у всех посвященных клириков. В XVIII веке, с отмиранием этого обычая, скуфья вышла из всеобщего употребления и сохранилась в господствующей церкви в качестве награды. Но там вместо старинной круглой скуфьи получила распространение высокая и остроконечная, так называемая «колпашная». Когда в начале XX века в старообрядчестве вновь возродилось обыкновение давать священникам и диаконам скуфьи, специально указывалось на необходимость следовать древнему преданию.

Начиная с V—VI веков священство отличалось от мирян особым пострижением волос. Священные лица стригли волосы, так сказать, «в кружок» и, кроме того, выстригали уже упомянутое гуменцо. Из писем преп. Феодора Студита мы узнаем о существовании в его время некоего местного обычая растить длинные волосы, с которым преп. Феодор боролся. Но в конце XVI — начале XVII века обычай стал всеобщим сначала в Греции, затем на Руси. Ко времени раскола церкви длинные волосы были непременной принадлежностью диаконского и презвитерского сана. Доныне это сохраняется наиболее последовательно среди старообрядцев в Румынии. В России же в связи с тем, что власти запрещали старообрядческим священнослужителям носить длинные волосы, и со ссылкой на древнюю практику Казанско-Вятский епархиальный съезд 1889 года признал непогрешительным стрижение волос священниками и диаконами.

ДИАКОННИК — сосудохранительница или служебная палата под южной конхой храма в алтаре, где находятся священные сосуды и предметы, хранить и наблюдать которые — долг диаконов.

ДИАКОНСКИЕ ДВЕРИ — южные двери иконостаса, ведущие в **диакониик**.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

На снимке: Петр Иваноанч Уксов за несколько дней перед расстрелом.

Слова «вечная память» звучат над гробом каждого умершего христианина. «Вечную память» в родительские субботы мы возглашаем всем нашим отшедшим братьям и сестрам по вере, «от Адама и до сего дне», и не только известным поименно, но и «ихже несть кому помянути, ихже имена ты Сам, Господи, веси». Имена погибших в годы массовых репрессий не были забыты. Церковная молитва о них не прекращалась, даже когда их имена боялись произносить в доме. Как и в те времена, так и сейчас молитва о них остается нашим главным долгом памяти. «Несть никто же, иже не согреши в человецех»; они, вероятно, также имели свойственные нам немощи и даже грехи и поэтому нуждаются в наших молитвах. Но и мы должны понимать, что после смерти эти люди вошли в лик страстотерпцев, в тот чин святых, начало которому положили **первые** святые Руси — князья Борис и Глеб, убиенные братом. И, как Борис и Глеб, как невинно зарезанный царевич Димитрий, эти тысячи закланных отныне стали заступниками своей Родины пред Богом. Но в отличие от мощей древних страстотерпцев их дорогие останки рассеяны по лесам, тундрам, сибирским дорогам. Над их могилами нет ни креста, ни надписи. Пусть же наши публикации станут памятными надписями — скупыми и бесстрастными свидетельствами жизни и смерти. Эти надписи нужны не им, а нам, живущим ныне, и будущим.

Пока еще живы свидетели событий, мы просим присылать нам сведения о своих погибших родных и близких — исповедниках и служителях Церкви Христовой.

ПЕТР ИВАНОВИЧ УКСОВ

Родился в 1877 году в деревне Рябики Медынского уезда Калужской губернии в семье крестьянина. В ранние годы жизни Петра его отец ушел в Москву на промысел и пропал без вести. Хотя мать была жива, Петр вырос на попечении теток. Настоящая фамилия его Ильин, а сменить ее пришлось уже в священном сане по не вполне ясным причинам. Уже с юных лет односельчане видели в Петре будущего священника, и рукоположен он был вскоре после женитьбы. Год поставления точно не известен, но в 1910 году он уже был священником в родных Рябиках. С 1911 года возглавлял приход в Таракановке того же Медынского уезда. Затем, уже после революции, был переведен в большое село Полотняный Завод, где и прослужил до 1933 года, когда церковь была закрыта. Назначен на приход в деревню Косолапово Уваровского (ныне Можайского) района Московской области (эта деревня, в прошлом Смоленской губернии, и в советское время продолжала входить в старообрядческую Калужско-Смоленскую епархию). В это время две старшие дочери о. Петра были уже замужем, три сына жили своим трудом. С родителями оставалась лишь младшая дочь. Великим постом 1938 года, когда он причащал на дому умирающую старуху, вошла местная медсестра и закричала: «Ты отравил ее». На следующий день, 8 марта, о. Петр был арестован. В деревне говорили, что медсестра сама боялась наказания за недозволенные тогда аборты, о которых он как священник мог знать. При аресте о. Петра были отобраны и бесследно канули облачения, церковные сосуды, книги. Можно сказать, что и сам старообрядческий приход был ликвидирован вместе с его арестом. Семье пришлось тайно бежать из деревни. 15 марта на заседании тройки при УНКВД по Московской области о. Петру был вынесен смертный приговор. 22 марта он был расстрелян в Можайской тюрьме. Место захоронения неизвестно.

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ, *инженер-строитель*

ТАЕЖНЫЙ ПРОСВЕТ

КАК Я ЕЗДИЛ К АГАФЬЕ ЛЫКОВОЙ

10 июля 1989 года на квартире московского писателя Льна Степановича Черепанова состоялось небольшое сонещание. Кроме хозяина, в нем участвовали председатель Московской общины Русской Пранославной Старообрядческой Церкви Ромил Инанонич Хрусталев и я. Собрались обсудить тнжелое положение, в которое попала на берегах таежной реки Еринат, притоке Большого Абакана, Агафья Карповна Лыкона.

Сегодня, нероятно, нет нужды рассказывать, кто такие Лыконы. После многочисленных газетных публнкаций о них знает не только наша страна, но и Англия с Америкой. Но ныне мы знаем и то, чем контакт с мнром закончился для Лыковых. От инфекции погибла нся семья. Умирали один за другим. Болела и Агафья, но выжила...

И вот теперь мы сидели н московской квартире и гадали: какая беда вновь стряслась у Агафьи? По полученным изнестиям, ее на месте нет: то ли выехала, то ли обрекла себя на голодную смерть где-нибудь н тайге. Обсудин тревожную ситуацню, мы доложили обо всем Митрополиту Алимпию — Главе Русской Старообрядческой Церкни. Выслушав, Владыка сказал:

— Многие ныне сопереживают Агафье, ну, а мы ей и вовсе свои и должны иметь о ней большее попечение. Благослоняю тебя, Александр, поезжай, побывай у нее, разберись, нсе узнай. Бог благословит. Готовься н дорогу.

Из разных городон, разными путями мы все — Черепанон, художник Эльнира Викторовна Мотанова н фотограф-профессионал Николай Петрович Пролецкий — съезжаемся н Абакан в гостиницу «Хакасия». Короткая передышка — и снона в дорогу. Наш путь лежит н верховья Енисея, в небольшой женский монастырь, где, по снедениям, сейчас может находиться Агафья.

ПО СЛЕДАМ АГАФЬИ

Мы сидим в самолете. Машина марки «Л-410» — комфортабельная, уютная, маленькая, все располагает человека к отдыху и приятному полету. Сосед по креслу мне поведал: тувинцы по расе ближе к китайцам. Низкорослые, русских не любят — режут. Любят чай, табак, водку. Услышав такую характеристику, я потерял всякую охоту разговаривать.

Пролетаем над Минусинском. А вот и Саяны. Это уже настоящие горы с пиками и хребтами, где местами лежит снег. Пролетаем Уйбацкий перевал. Машину начинает покачивать, и порой довольно сильно. А вот еще один перевал со странным названием «Веселый» — такое название получил после того, как здесь разбилась какая-то веселая свадьба. Самолет начинает так подбрасывать и раскачивать, что просто жутко! Машина машет крыльями, как птица. Никогда такого не видел, да и не видеть бы. Немудрено, что здесь уже кто-то разбился. Не разбиться бы и нам. Помоги, Господи, долететь благополучно! Как пролетели перевал, стало полегче. Внизу по Енисею плывут два больших плота с туристами, видно, как они работают рулевыми веслами, направляя плот между порогов.

На одном из этих плотов плывет — как вы думаете, кто? — Агафья! Попробуй ее догони! Но об этом мы пока ничего не знаем, летим над ними.

Самолет наш опять начинает трясти. Вот оторвется крыло, тогда прямо в Енисей угодим. И когда только кончится этот ужасный полет! Но вот приземляемся. Слава Богу, живы!

Лев Степанович здесь второй раз. Все уже знает. Договорился по телефону с гостиницей, куда мы и держим путь. Надо сказать, что двери гостиниц, дорогу к авиабилетам нам открывала и помогала преодолевать другие дорожные тяготы опять же Агафья. Вернее, ее имя. Здесь его хорошо знают, и, когда мы его произносили, перед нами открывались не только двери, но и сердца людей, невзирая на должности. Все были готовы нам помочь.

Утром идем закупать продукты. Купили 25 буханок хлеба и еще кое-чего. Сегодня на дежурном пожарном вертолете летим в верховье Енисея. Река разделяется на два русла: Улуг-Хем, что в переводе означает хороший (большой) Енисей, и Каа-Хем — плохой (малый) Енисей.

Вертолет завис для посадки в местечке Малый Чёдуралыг, что в переводе означает «черемуха». Здесь находится маленький женский монастырь беспоповского согласия.

Опускаемся на скошенный луг. Выгружаемся. Вещи — в сторону.

Шум стих. Стрекочут кузнечики. За деревьями изредка кричит петух. Лениво лают на нас собаки, привязанные к изгороди. За лесом поднимается в небо гора высотой в полторы тысячи метров. Рай земной!

В этой атмосфере какого-то абсолютного покоя я сразу обмяк душой. На краю луга в березках стоит тихая, сгорбленная старушка с лестовкой в руке. Я ее сразу и не заметил. Лев Степанович подходит к ней.

— Здравствуй, Васса! Ты меня помнишь?

На лице старушки растерянность. Льва Степановича она, очевидно, не помнит.

— Приглашай нас к себе.

— Что с вами делать? Идите уж.

Перетащив рюкзаки к дому Вассы, мы развели костер. Вот тут из разговора и выяснилось, что Агафьи нет — она уплыла, вот уже три дня на плоту с туристами. Вот так раз!

Поужинав, пошли искать матушку Максимилу, чтобы поподробнее узнать все об Агафье. Нашли ее на покосе. Максимила разговаривала с Николаем-бородачом, мужчиной лет шестидесяти, одетым по-походному, с рюкзаком за плечами и в шляпе. Правая рука собеседника была без кисти, одета в чулок. Как потом выяснилось, Николай сам себе отрубил кисть правой руки топором, так как «она влекла его ко греху». Наказал ее за грех — отсек от себя, по евангельскому примеру: «Аще влечет тебя око твое ко греху — выколи око. Лучше тебе без ока внити в Царствие Божие, нежели с оком ввержену быть в геенну». Да, волевой живет здесь народ!

Поздоровавшись, Лев Степанович представил всех матушке Максимиле. Меня так: «А это Лебедев Александр Семенович — личный представитель Митрополита Алимпия Московского и всея Руси».

Максимила на это, как говорится, и «ухом не повела».

Присев на луг, Черепанов спросил ее:

— Где Агафья?

— Уехала на кармане (так она назвала катамаран, на котором был сделан плот).

— Когда же?

— Вот уж третий день. Она на Еринат, домой поехала.

К нам сходится народ, кругом сидят и стоят человек пятнадцать, наверное, все местное население. Впрочем, от пришельцев точное число жителей скрыто. Здесь старообрядцы — люди очень осторожные. Не добьешься от них ни имен, ни сведений. Доходит до смешного: забывают, как отцов звали. «А как тебя зовут?» — «Не помню». Только и услышишь от них три «нет»: не слышали, не видели, не знаем.

Знакомлю обступивших нас людей с хроникой жизни Старообрядческой церкви. Рассказываю о праздновании 1000-летия Крещения Руси в Москве и других городах России. Показываю фотографии, церковный календарь. Слушают с интересом. Ничего подобного они не видали в этой глухомани. Все они беспоповцы, живут попросту: паспортов не имеют, денег не признают и не приемлют. Задают вопросы. Особенно придирчив Николай, все хочет меня «срезать»: «Смотри, аминь не поставили...»

Вечереет. Идем вместе с Максимилой к ней в избу. Положив входные поклоны, я сел на лавку. В избе собран небольшой иконостас из 10—15 икон, лежат на полочке книги, стоит аналой. По праздникам люди собираются в этой моленной на службу. Но, по словам Вассы, собираются только по большим праздникам, потому что некому читать, а одной Максимиле трудно. Все записав в дневник про Агафью, мы уже собрались уходить. И тут в дверях появляется Анна. Ей лет семьдесят. Живет она вместе с Максимилой.

— Почто пришли?! Ну-ка, давайте выметайтесь! Нечего вам здесь делать.

Максимила стала нас защищать:

— Оставь их, Анна, хорошие они люди, за Агафьей приехали.

Но Анна не унималась:

— Некогда ей (Максимиле) с вами болтать, корову доить надо.

Прощаясь с Максимилой, я предложил, если есть у нее крюковые книги, попеть. Как я мог еще ей доказать, что я свой, старообрядец? Она с интересом взглянула на меня, улыбнулась загадочно: «Есть книги, давай споем. Но только завтра, потому что уже поздно».

С тем мы и расстались.

Итак, завтра я буду сдавать экзамены по крюковому пению. Интересно, что она мне предложит спеть?

Здесь я должен пояснить несведущим, что в России существуют две системы музыкальной записи. Первая из них — крюковая, или иерографическая, система звукозаписи, она же носит название знаменной, ибо записана знаменем, или знаком. Крюки, или знамена,

содержат определенное количество звуков, где известны их количество, длительность и высота. Это древняя система звукозаписи, пришедшая к нам с востока (от греков) с принятием христианства. Вторая — нотная система, она не требует объяснения. Эльвира и Тамара спят в сенях дома Вассы, а мы — на полу в избе. Я кладу начал и ложусь тоже. Света в избе нет. Здесь, как во времена Пушкина, освещаются лучиной и если есть керосин, то лампой.

Только стал засыпать — залаяли собаки, да так зло, с остервенением и визгом, что чувствую: аж рвутся с поводков.

Васса встает со своей лежанки:

— Никак медведь пришел. Где спици-те у меня? Пойду посмотрю.

Лев Степанович зажигает и дает ей свой карманный фонарик.

Сестра Вассы Зиновия, приехавшая сюда доживать жизнь (ей тоже под семьдесят), отговаривает:

— Не ходи, задавит он тебя.

Но Васса уже в сенях.

Зиновия: «Смелая. А я бы вот нипочем не пошла, твори он там чего хочет».

Приходит Васса:

— Вон в тот угол лают. Верно, он опять на кислицу пришел. (Кислица — красная смородина, растет по ручью.)

Собаки не давали спать полночи. Заснул я только под утро.

Проснулся позднее всех. Сегодня суббота — 5 августа 1989 года. Умывшись из ручейка, которые здесь текут по всему огороду, орошая землю, иду в келью класть начал.

Обе старушки, хлопоча по хозяйству, внимательно за мной наблюдают. Чувствую их взгляды своей спиной. Мне нужен подрушник, хозяйки это знают, но, испытывая меня, не предлагают его. Подрушник — это то, что кладут под руки при совершении земных поклонов. Служит он для соблюдения чистоты рук во время молитвы. Правилом предписано молиться чистыми руками. В никонианской, или новообрядческой, церкви подрушники отсутствуют. Отсутствуют у них практически и земные поклоны. Никонианский священник, с которым довелось как-то беседовать, удивляясь, спросил меня: «Одного только понять не могу, как вы через все эти гонения подрушники пронести смогли?!»

Бабушки смотрят и выжидают. Пришлось спросить про подрушник. Тогда подают сразу два — каждая свой. Они их, оказывается, уже приготовили и теперь меня проверяли: настоящий ли я старообрядец? Закончив молитву, вышел во двор, где у Льва Степановича с Николаем Петровичем давно сварена каша и кипит на костре чай.

Все собираются к завтраку. Прибегает Эльвира — она уже успела написать этюд. Я даже удивился: вот талант! Да как здорово!

Едим кашу, пьем чай. Но вот приходит Максимила, неся две крюковые книги: Октай и Обиход. Сдержала слово.

— Ну, давай споем, Александр.

Мы поем, все слушают. У Максимилы приятный голос, и пение она знает хорошо. Я понял, почему она вчера на мое предложение спеть так хитро улыбнулась. Соревнование наше идет нормально, Максимила гоняет меня по Октаю, как школьника на экзаменах, но все усилия напрасны, «зашить» она меня не может. Закончив с Октаем, беремся за Обиход. Кто кого тут «зашивает», я даже не знаю. Я вырос на клиросе, и все это мне известно с сорок шестого года. Напев тоже одинаков. Но тут Максимила, открыв книгу на последней странице, берет рукописный лист и говорит:

— Ну, давай теперь, Александр, споем «Достойно» по-гречески.

Так вот где, оказывается, скрыта изюмина! Такого я не ожидал. Какие молодцы все-таки старообрядцы! Через огонь и воду прошли. Все сохранили. И книги, и пение, и погласицу. А эти книги неведомо откуда принесены, неведомо кем написаны и в каком веке и через какие прошли горнила гонений. И живы! Их спасли, рискуя жизнью, и донесли до наших дней. Все они одинаковы в текстах — и в Москве, и в этом далеком крае, таежном тувинском захолустье.

Но вернемся к пению. Максимила смотрит на меня вопросительно, и я понимаю ее чувства. Вроде того: «Ну, как?»

В церкви иногда поют по-гречески ради традиции, и то это бывает в большинстве случаев при служении епископа. А мы, старообрядцы, епископами не набалованы. «Достойно» же по-гречески я никогда не пел. Но текст написан, вызов брошен, и бояться нечего! Поем! С Максимилой поем! И оба этому рады! Все мы здесь старообрядцы, и это наша **высокая культура!**

Напелись оба досыта.

Лев Степанович спрашивает Максимилу:

— Ну, как?

— Александр — он человек грамотный. Крюки знает хорошо. Только крюк и статию не выдерживает, а переводку поет правильно.

Я тоже в долгу не остался и сказал, что в церкви всё поют несколько быстрей и что, если б мы так редко пели, всенощная шла бы семь часов...

Неожиданно к нам подходит человек в резиновых болотных сапогах и говорит, что приехал за нами. Вот досада: не успели как следует познакомиться — уже уезжать. Еще вчера, воспользовавшись попутной лодкой, Лев Степанович послал записку леснику в Ужеп, чтобы он нам помог выбраться из Чёдуралыга. В тайге, кроме рек, дорог нет. Ждать же десять дней вертолета мы, конечно, не можем.

Прощаясь с Максимилой, я подарил ей наши церковные календари за два года. В них, кроме фотографий, написана и история старообрядчества. Максимила в церкви никогда не была, и понятие о ней у нее самое примитивное. Она крайняя беспоповка. И даже убеждала меня:

— Не ходи, Александр, в церковь. Погибнешь!

Ссылалась на то, что наступили последние времена, что церковь убежала в горы, что сейчас мерзость запустения на месте святе, что в мире уже правит антихрист и теперь надо только псалтырь читать. И т. д.

Жалко мне Максимилу. Неправильны ее взгляды.

— А хочешь, Максимила, я тебе покажу благолепие на месте святе?! Пойдем со мной в церковь. Чему ты учишь человека — не ходить в церковь? Что ты говоришь?!

Как убеждать таких людей, как Максимила? Каким даром слова нужно обладать? В какой книге написать, чтоб люди могли прочесть и поверить? Господи, помоги!

Прощаясь с Малым Чёдуралыгом, мы пошли посмотреть местную достопримечательность — водяную мельницу, работающую от небольшого ручья. Впервые встречаю такую игрушечную мельницу. И ведь живая, рабочая мельница, чуток не с человеческий рост. Все есть: желоб для подачи воды от ручья с задвижкой, бучило и водяное колесо и жернова́ с ситом. Диаметр жёрнова всего-то 40 сантиметров! Ох, и смекалист русский народ!

Ну, пора! Давно нас ждет лодка. Приехал за нами лесник Николай Артемонович Мурачев. Идем лугом к Каа-Хему, до него километра полтора. Подходим к стене темной тайги, из которой совершенно неожиданно нам навстречу выходят два молодых мужика. Поздоровались и прошли мимо. Бороды огромные, черные. Глаза острые, внимательные. Идут метать стога. И до чего все ладно и красиво сочетается в их облике и сами они с вековыми кедрами, что я поразился. До сих пор та картина стоит перед глазами. Что же придает им такую красоту? Конечно, борода. Если сбрить, то их и не заметишь.

Но вот перед нами и Каа-Хем, Плохой Енисей. Садимся в узкую лодку, длиной метров девять с высокими бортами. Кормчий везет нас только до порога. Это километров пять. Дальше лодка пройти не может.

— Николай Артемонович, а были ли смельчаки, которые на лодках проходили порог?

— Не знаю таких. Там не проплывешь. Дальше пойдете берегом, доро́гой.

Расстаемся у излучины, где стоит охотничья избушка. В ней нары, покрытые сеном. Железная печка. Воткнутый в чурбан топор, рядом охапка дров, спички на полочке. На подоконнике небольшая парафиновая свеча.

Расположившись, варим кашу. После чая идем смотреть порог, шум которого отчетливо слышен, хотя до него больше километра. Это первый и самый большой порог на Каа-Хеме, называемый Байбальский. От него вниз по реке почти непрерывно идут пороги меньшей величины еще на 30 километров.

Я никогда не видел порога и представить его себе заранее воочию не мог, хотя и пытался. Но то, что увидел, превзошло все мои ожидания!

Стоял грохот. Разговаривать было невозможно. Глазам представилась страшная картина рассвирепевшего Енисея, покрытого белой пеной и огромными волнами, среди которых торчали валуны величиной с дом и острые камни скальных обломков. Все вокруг крутилось и стремительно куда-то неслось. Спотыкаясь, вздыбливаясь!

Я даже оцепенел от страшной панорамы, открывшейся передо мной. Смотреть боязно. Поскользнись на мокром камне, погибнешь у всех на глазах. Ничто тебе не поможет. В лучшем случае мелькнет голова в пенном венце круговоротов, и все!

Еще в Чёдуралыге мне рассказывали про это страшное место. Много здесь погибло старообрядцев. Их казнили, бросая в пучину порога во время гонений, а уж в тридцатые годы... Помяни, Господи, погибших здесь православных христиан.

Дорога идет вдоль Каа-Хема. Кругом густая тайга. Иногда взлетают рябчики и садятся на ветки. Я иду в кедах, в которых был вполне уверен. Странная это обувь. Оказывается, она годится только для ходьбы по городскому асфальту, а вот в поход лучше не брать. При первой же серьезной нагрузке (мой рюкзак весит около тридцати килограммов) кеды вышли из строя — протерлась стелька. Вынужден был идти босиком и только на привале сделал стельку из бересты и тогда обулся.

Прошли мы километров двадцать, когда нас догнал мотоцикл, который вела молодая женщина. Впереди нее на бензобаке примостился мальчик лет пяти. Сзади сидел муж и держал ребенка, завернутого в одеяло. Его звали Алексеем, из старообрядцев. Поравнявшись с нами, предложили садиться в коляску, но мы порешили положить туда рюкзаки. Сами-то и так дойдем.

Сложив пять рюкзаков в коляску, говорю супругам:

— Я вас, пожалуй, награжу.

На что Алексей ответил настороженно и категорично:

— Нам ничего не надо.

— Ну что же вы говорите — не надо, когда не знаете, что я вам хочу дать.

Жена:

— А что?

Достав из кармана небольшой сверточек, разворачиваю и даю им по нательному кресту. Алексею — мужской, Полине — женский. Они, конечно, удивлены такому обороту дела на таежной дороге. Дивятся чуду. Рассматривают подарки и выбирают себе два мужских креста. Надо сказать, что и на Чёдуралыге брали тоже кресты только мужские. Разница между мужским и женским крестами лишь в том, что последний более округлый.

Полина попросила Алексея завернуть кресты и убрать. С тем они и уехали, пообещав вернуться и подвезти нас.

Без рюкзаков, конечно, стало идти вольготней. Теперь мы бегаем при каждом удобном случае на берег Каа-Хема, благо он рядом. До чего хороши здесь пейзажи! Тайга, солнце, вода, пороги, горы. Но приходится беречь цветную пленку. Впереди предстоит встреча с Агафьей. Я в это верю!

Поселок Сизим, куда нас вывела таежная дорога, стоит на притоке Каа-Хема, речке кристальной чистоты. В нем несколько улиц. Дома деревянные. На улице встречаются мужики с окладистыми бородами. Но многие при этом ходят с папиросой в зубах, что вызывает неприятное чувство. Как их называть, не знаю. Есть в Сизиме и аэропорт, из которого мы завтра должны лететь в Сарак-Сеп.

До завтрашнего утра для отдыха нам посоветовали пойти в лесничество. Большой пятистенный дом, несколько вытянутый и вследствие этого похожий на барак. Забор из красных досок лиственницы, загорелых на солнце. И никого кругом. Что нам делать и где располагаться? Этот вопрос мы обсуждали во дворе, где еще лежали наши тяжелые рюкзаки, поднимать которые почему-то не хотелось. И тут я увидел женщину, появившуюся из-за угла дома. Она стояла и внимательно рассматривала пришельцев, потом не спеша подошла к нам. Поздоровались — познакомились. И Лев Степанович попросил Устинию, так звали нашу собеседницу, взять над нами шефство.

Мне кажется, такое поручение ее устраивало, и она сейчас же велела располагаться нам в конторе, ужин готовить на газовой плите, стоящей в половине лесника.

— Его все равно дома нет, а газ недавно привезли, так что все в порядке.

Устиния, жена лесника Николая, жила во второй половине дома. Сама она женщина молодая, энергичная, лет тридцати пяти, словоохотливая.

Расположившись в конторе, рядом с письменными столами, и расстелив на полу какой-то брезент, мы повалились на пол. Но отдыхать нам долго не пришлось. Устиния пришла раз, проверила, как мы себя чувствуем здесь, в новых условиях, пришла другой, сказала, что затопить нам собирается баню, и т. д. Одним словом, с женщинами не отдохнешь. Вечно давай это, давай то. Никакого покоя.

Затопив баню, снова прибежала к нам в контору. И пошел у нас интересный разговор о церковной жизни. Сначала она слушала, вставляя иногда свои замечания или реплики, а вот когда я стал ей показывать фотохронику жизни нашей Старообрядческой Церкви, Устиния вдруг решительно и твердо сказала, что все это вранье.

«Как вранье?» — «А так! Вот все это! И бороды здесь все приклеены!» — «А у меня борода тоже приклеена?!» — «У тебя — нет, а вот у них приклеена»,— показывая пальцем на наших священнослужителей в календаре.

«Устиния, откуда у тебя такое мнение?» — «Я както в никонианской церкви была и видела, как священник, такой красивый, видный мужчина, отслужил обедню, положил бороду в карман, сел в лимузин и уехал. Понял?! И все, что ты мне тут показываешь,— неправда. Вранье! Вранье! Вранье!»

Услышав такое, я убрал календарь. Это уж слишком. Не стал я больше убеждать Устинию, давно наслышавшись, что беспоповцы крайне упрямый народ.

Да и с какой стати я буду перед ней рассыпаться? Не веришь — и не верь.

Устиния ушла смотреть баню. Лев Степанович, воспользовавшись ее отсутствием, заметил, что я очень невыдержанный, нет у меня терпения вести спор.

— Согласен, Лев Степанович, что и невыдержанный, и практики нет, и многого другого, но Устиния наших иерархов поносит. Не хочу я с ней и разговаривать!

— Ах, Александр Семенович, вы должны иметь бесконечное терпение к таким людям, как Устиния, и всегда искать к ним особый подход.

— Ах, Лев Степанович, объяснять ей, что воду в ступе толочь. Слушать она все равно не будет. Для нее бело — черно и черно — бело.

Устиния приходит вскоре. Разговор начинает Лев Степанович, подключаюсь я. Но опять нет и нет! Тут я ее спрашиваю: «Устиния, а ты веришь, что на Луну летали?» «Нет! Все это вранье! Ты мне еще скажешь, что Земля вертится? Да?»

Такого мы с Черепановым совсем уж не ожидали...

Нужно сказать, что Устиния вовсе женщина не темная. Она окончила сельскохозяйственный техникум, работает ветеринаром. По натуре человек добрый и приветливый. Спор она вела страстно, горячо, решительно и вдохновенно. Когда меня не было, она сказала Льву Степановичу про меня следующие слова: «Правильно написано в священном писании: «Настанет день, когда придут в благообразном образе и будут звать в Церков». Вот он и наступил».

Устиния зовет всех в баню. Проводив Черепанова с Полецким, я в баню не пошел, потому что было воскресенье. Решил посмотреть поселок. Выйдя из дома, увидел наших женщин, стирающих рубахи. Здесь же стояла и Устинья с мужем. Он был слегка под хмельком. «А почему же вы в баню не идете вместе с Черепановым?» — спросила Устинья. «Я по воскресеньям в баню не хожу. Ты же вот не моешься сегодня в бане? А почему?» Устинья смотрит на меня внимательно и говорит: «У нас тоже не моются по воскресным дням в банях. Мне еще бабушка говорила, что если человек ходит в воскресенье в баню, то как в собственной крови моется».— «Ну, вот видишь, все-то ты знаешь, а спрашиваешь. Надо, Устинья, закон соблюдать и не топить бань по воскресным дням, дабы не быть причастным к беззаконию».

Услышав это, муж Устиньи Николай спрашивает меня: «А ты соблюдаешь закон?» «Да, вот, видишь, не стираю рубах в воскресенье».

Вечером мы были приглашены нашей хозяйкой к ужину. Устинья нажарила хариусов. Вот тут-то я его и попробовал. Рыба прекрасная! Хозяйка как-то пообмякла, разговаривала теперь спокойней и терпимей. Смеялась. Я спросил, как с медведями у них здесь? Тут Устинья поведала, что прошлой осенью медведь пришел к ней прямо на двор и без малого корову задрал прямо в стойле.

— Я уж спать легла,— рассказывала она,— муж в тайге был. Знает медведь, когда приходить. Слышу, во дворе залаяла собака. Лает и лает. Я в одной сорочке вышла — замолчи ты! Что привязалась?! А тут вдруг корова заорала дурным голосом. Я — в хлев. А медведь уж верхом на корове. Запустила в него камнем. Медведь соскочил, корова — бежать. А я тоже бежать. Повисла на заборе в одной-то сорочке. Медведь за коровой, а я за ружьем. Выбежала, давай палить! Отбила корову, а она, бедная, вся в крови! Что тут было! Давай ее перевязывать. Выхаживали мы ее два месяца. Но потом пришлось все же сдать. Была она с кривой шеей и помятой головой.

— А как же медведь?

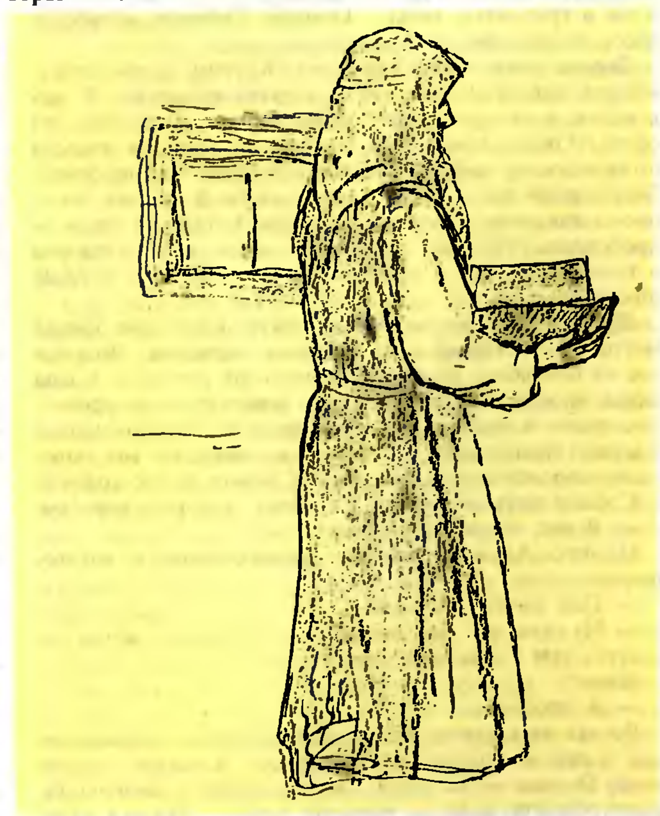
— А медведь на следующий день задрал корову в другом дворе. Встретила меня на улице Татьяна и говорит, что вчера у Ксении корова телилась, да так тяжело теленочка рожала, больно ревела. Я ей говорю: «Тань, а ей не медведь помогал?» Да ну что ты, отвечает, какой медведь. А ведь как раз и вышло, что у Ксении медведь корову-то и задрал. Тогда мужики вечером решили подкараулить его у этой коровы. Вот здесь у нас собирались, еще светло было, а медведь-то уж ее опять пришел жрать. Тут они его и застрелили.

Наслушавшись страшных рассказов, пошли мы спать. Был уже совершенный мрак.

Утром Николай отвез нас в авиапорт к самолету. Около порта, заметив новых людей, подошел к нам председатель Сизимского райисполкома. И началось! Кто вы такие? Как вы попали в погранзону? Есть ли у вас на это документы? Документов у нас, конечно, нет, да и залетели мы сюда нелегально на пожарном вертолете. Вот напасть! Как ноги унести? А он не унимается: придется, говорит, составить акт на ваше пребывание в погранзоне без разрешения. Это нам грозило длительным разбирательством. И в который раз спасло нас от неприятностей имя Агафьи. Узнав, что мы прилетели сюда по Агафьиному делу, мэр Сизима сменил гнев на милость. Слава Богу, отстал!

Итак, прощай, Тува! Как интересно было побывать здесь. Посмотреть тихую женскую обитель. Несколько необычное одеяние монахинь. А знакомство с местным пением? Отрадно видеть, что оно все то же, сохранено в дораскольной чистоте. Сохранены и обычаи. Здесь старообрядцы живут натуральным хозяйством, даже паспортов не имеют и денег не приемлют. Пенсий не получают. Это ли не интересно в наш век, когда кругом только и видишь одну погоню за наживой! И ничего больше. По словам Максимилы: «У нас здесь только один Абрам (Авраам) пенсию получает, так мы с ним не молимся». А Николай, что руку себе отхватил топором? Вот характеры! Попробуй такие найди в Европе! А трагедия с Байбалыком в 30-е годы? Каа-Хем с его порогами, горами, тайгой? Все это еще предстоит продумать и понять.

Но вот и Абакан. Здесь нам необходимо найти следы Агафьи. С этой целью нужно отыскать туристов, с которыми она сплавлялась на плотах.



РАССКАЗЫ КАПИТАНОВ

Теперь, уважаемый читатель, нам придется обогнать череду событий и заглянуть несколько вперед. Дело в том, что руководителя сплава Олега Сергеевича Дерябина я разыскал много позже в Москве. Но без его рассказа наше повествование не может быть полным.

— Сплав наш проходил с 30 июля по 2 августа 1989 года. Возле женского монастыря в случайном разговоре со староверкой Варварой Вяткиной вдруг узнал, что накануне она беседовала с Агафьей Лыковой, «вот так, как с вами! Ее на лошади привозили к матушке Надежде».

В нашем путешествии появилась новая цель — увидеться и поговорить с Агафьей, узнать цель ее приезда на Каа-Хем. Еще полдня пути — и мы в Чёдуралыге. Сразу бегу на Верхний Чёдуралыг...

Еще в 1982 году в составе московской группы я побывал в монастыре. Тогда по просьбе инокинь мы восстановили развалившийся от старости навес над санями и прочим зимним инвентарем. Уже первое знакомство с натуральным хозяйством старых женщин-инокинь удивило и восхитило нас: такие ухоженные и откормленные телята и бычки не встречались за всю мою жизнь на Руси, а какие огороды, овощи! Арбузы выращивались на высоте более 800 метров над уровнем моря и почти в горных условиях!

И теперь внешне почти не было изменений: буйно зеленел огород, цвела картошка, заканчивалась уборка сена... Однако время делает свое. Раньше было семь матушек, теперь — трое, да еще трое просто верующие, помогают. Нас, москвичей, приняли как своих, усадили в моленной. Икон прибавилось, появились в металлических окладах.

Матушка Надежда (настоятельница монастыря, а ей более восьмидесяти лет) в том 1982 году болела, и, по моим оценкам, у нее был сильный приступ аппендицита, но от нашей помощи отказалась: «Надо — Бог возьмет!» Она рассказала, что приход небольшой, за прошедшее время их было и десять человек, но было и четыре... Власти препятствуют приходу молодежи: две молодые девки прожили зиму, а им не разрешили остаться. Просятся совсем немощные старушки, но надо вести хозяйство, да и за ними кому-то надо ухаживать, а мы уже совсем за престарелыми не можем. Раньше было три коровы, теперь осталась одна, из тринадцати ульев клещик оставил только два, да и за теми трудно ухаживать... Монастырь постепенно переходит в дом престарелых...

Самая верхняя по ручью келья. Выглядывают две женские головы. Недоверчивые и любопытные взгляды... Это и были матушка Максимила, помоложе, и Анна, которой уже 78 лет, приютившие Агафью на время ее почти месячного пребывания на Каа-Хеме. Именно эти две монашки по вере полностью принимали Агафью и отвечали ей взаимностью, остальные, даже в монастыре, не полностью отвечали той вере, обычаям и уставам, на которых была воспитана Агафья. Так что староверы бывают разные...

Агафья спала (было воскресенье, значит, праздник, работать грех, все отдыхают), и обе монахини, расспрашивая о целях моего прихода, рассказали об Агафье, что местный климат ей не подходит — задыхается, как будто воздуха не хватает; кашляет, болеет. Ей не нравится местная земля — малоурожайная, а картошка совсем не такая, как на Абакане, да и кедра почти нет...

Спросил, знают ли они о ее замужестве...

Что тут началось! Замахали руками, засуетились и выложили залпом:

— Он ее три дня мучил, домогался ее и, обессиленную, потерявшую сознание... изнасиловал!.. И он такой, что всех, кто ему «приглядывался», насиловал! И даже скотом не брезговал!

Я даже оцепенел, ведь читал о замужестве Агафьи, а тут такой поворот... Монахини ругали Агафью, что она сожгла свою окровавленную после позора одежду и приезжавшему прокурору нечего было предъявить из вещественных доказательств. И удивлялись ее наивной требовательности:

— Надо же написать прокурору: «ПРИКАЗЫВАЮ ВАМ не пускать в лес Тропина...»

Именно «приказываю», на старославянском языке...

Наконец Анна решила разбудить Агафью — разговор происходил во дворе перед крыльцом,— пошла за ней в дом. Через некоторое время появилась Агафья — болезненный вид, большой прямой нос, в новом, темном, сшитом вручную платье. Села напротив меня, рядом с Максимилой, стали решать, оставаться здесь или уезжать, а если уезжать, то одной, или всем троим, или только с Максимилой.

«А как Тропин узнает?! Я боюсь его! Не поеду!» — возражает Максимила (ей 47 лет, на год старше Агафьи). «Я тебя спрячу!» — просит Агафья. «Ну куда ты меня спрячешь, он все равно найдет!» Анна: «Я уже стара, совсем больная, хорошо еще год проживу, уж помирать буду здесь...» Самой Агафье тоже страшно встречаться с Тропиным после перенесенного и пережитого...

Но оставаться здесь Агафье было невозможно: заболела. Своя родная тайга и лучше, и богаче: хозяйство там и посевы многих культур: пшеничка особого ее сорта, картофель (аж тридцать ведер), морковь, свекла и прочее. Дружок остался при доме, в тайге, а коз временно отвела в поселок — на Каир...

Этот спор продолжался бы долго, я начал волноваться за оставшихся на берегу ребят, готовивших обед, попросил: если едете, то мы начинаем готовиться к размещению Агафьи и ее вещей, если нет, то мне пора прощаться.

По дороге на берег Максимила рассказывала, что, если бы не Тропин, она почти согласилась поехать к Агафье сначала на год, а затем... Но Тропина очень боится за его нрав.

Итак, принято решение: Агафья едет с нами одна, на катамаране до Эжея или до Кызыла, откуда мы поможем ей самолетом перебраться в Абакан. Два условия доставки: Агафья не переносит езды на автомашине и моторной лодке, верхом на лошади тоже держаться не может. Инокини подчеркивали, что доверяют организацию этого путешествия мне. (Видимо, моя борода внушала доверие.) Анна даже сказала: «Ну как мы могли бы выйти на берег и просить любого встречного!»

У Агафьи заметно поднялось настроение, перестала покашливать, засуетилась, заверила, что к утру будет готова...

31 июля около полудня подошли на плоту абаканцы, они согласились принять «на борт» Агафью и в течение двух часов ее вместе с мешками-подарками, личными вещами, святыми иконами и книгами разместили на плоту.

Подошло время прощаться с Максимилой. Трогательная сцена прощания их затянулась. Они отошли от всех. Агафья, стоя лицом на восток, крестилась. Наклоняясь к воде, перебирала камешки; они что-то быстро говорили друг другу хорошее, потому что лицо Максимилы светилось, иногда навертывались слезы, она их быстро смахивала и тут же старалась улыбнуться, поддерживая настроение Агафьи.

— Агафья, садись!

Крестясь, она легко вошла на плот, струя реки подхватила его, началось путешествие Агафьи Лыковой по Каа-Хему...

Здесь, дорогой читатель, хочу дополнить Олега Сергеевича еще одним рассказом — капитана плота, абаканца Олега Николаевича Черткова, о том, как проходила Агафья страшные пороги.

— Всего можно ожидать в жизни, но такого, что Агафью повезешь,— нет! Она мне знакома, мы с ней встречались уже на Еринате. Тесен мир!

Половину Байбальского порога она прошла берегом, а потом села на плот. Нас было пятеро: четверо мужчин и одна женщина — Елена, да теперь еще и Агафья. Спасательного жилета у Агафьи нет, поэтому мы решили для солидарности свои жилеты тоже снять. Чтобы всем на равных.

Прошли пороги: Аухемский, Каменушки, Шуйский. Агафья держалась очень напряженно. Я ее посадил специально спиной вперед, чтобы она не видела клокочущей бездны самого порога. Всегда говорил ей, когда подплывали к очередному порогу: «Смотри только на меня, смотри мне в лицо, в лицо смотри!»

Плот наш заливало сильно, мотало хорошо, крутило и качало, большими валами воды захлестывало, порой чуть не на метр покрывая его и доходя до Агафьи, сидевшей высоко в центре плота на укрепленном грузе. Услышав шум очередного порога, Агафья сразу начинала волноваться, креститься и молиться Богу. Натерпелась она страху за этот сплав. Но не жаловалась, была крайне дисциплинированна и все выполняла сразу. Соглашаясь, говорила: «Едак, едак». Страшно боялась Тропина из Абазы. После того случая, кажется, не доверяла всем мужчинам, не сразу она убедилась и в нашей к ней лояльности.

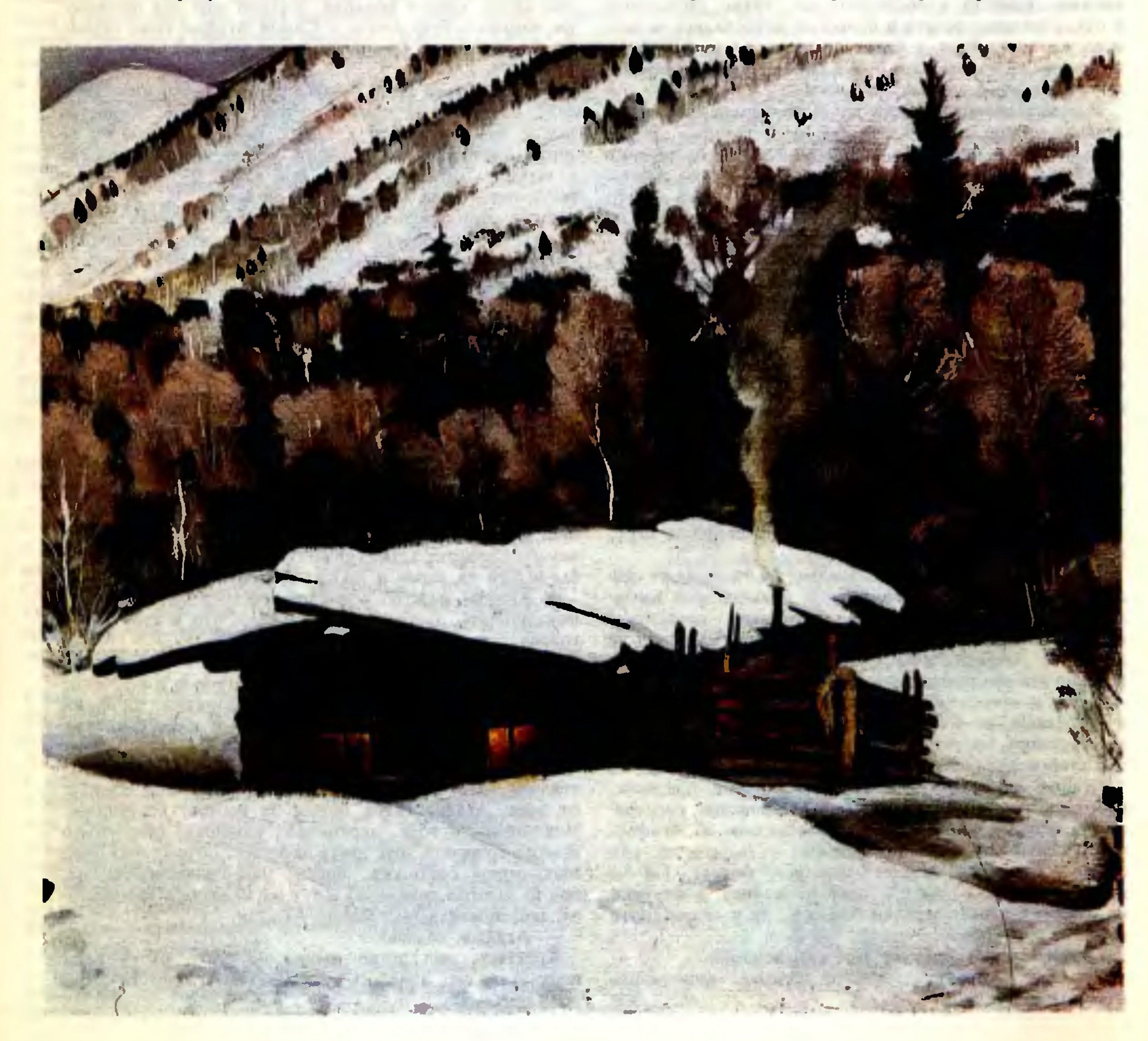
Молилась Богу утром и вечером. Везла с собой сухари, одежду, топленое масло, бидончик с медом, брюкву и другие овощи, пакет риса. Ночевала она с Еленой в отдельной палатке. Вообще она человек весьма доброжелательный, память у нее совершенно поразительная.

Благодаря ее молитвам до Кызыла мы добрались благополучно.

За три дня, с 31 июля по 2 августа, Агафья Карповна Лыкова прошла на камерном плоту по маршруту реки Каа-Хем от местечка Чёдуралыг до Кызыла примерно 200—210 километров (более 30 ходовых часов). Ею пройдены в составе экипажа плота пороги: Шуйский, Улильхемский, Эржей, Москва. Значительно превышен норматив на значок «Турист СССР». Агафье можно присвоить третий спортивный разряд.

Здесь мы закончим повествование о сплаве Агафьи по Каа-Хему на плотах. Нам самим, дорогой читатель, нужно поторопиться за Агафьей.

(Продолжение в первом номере «Церкви».)



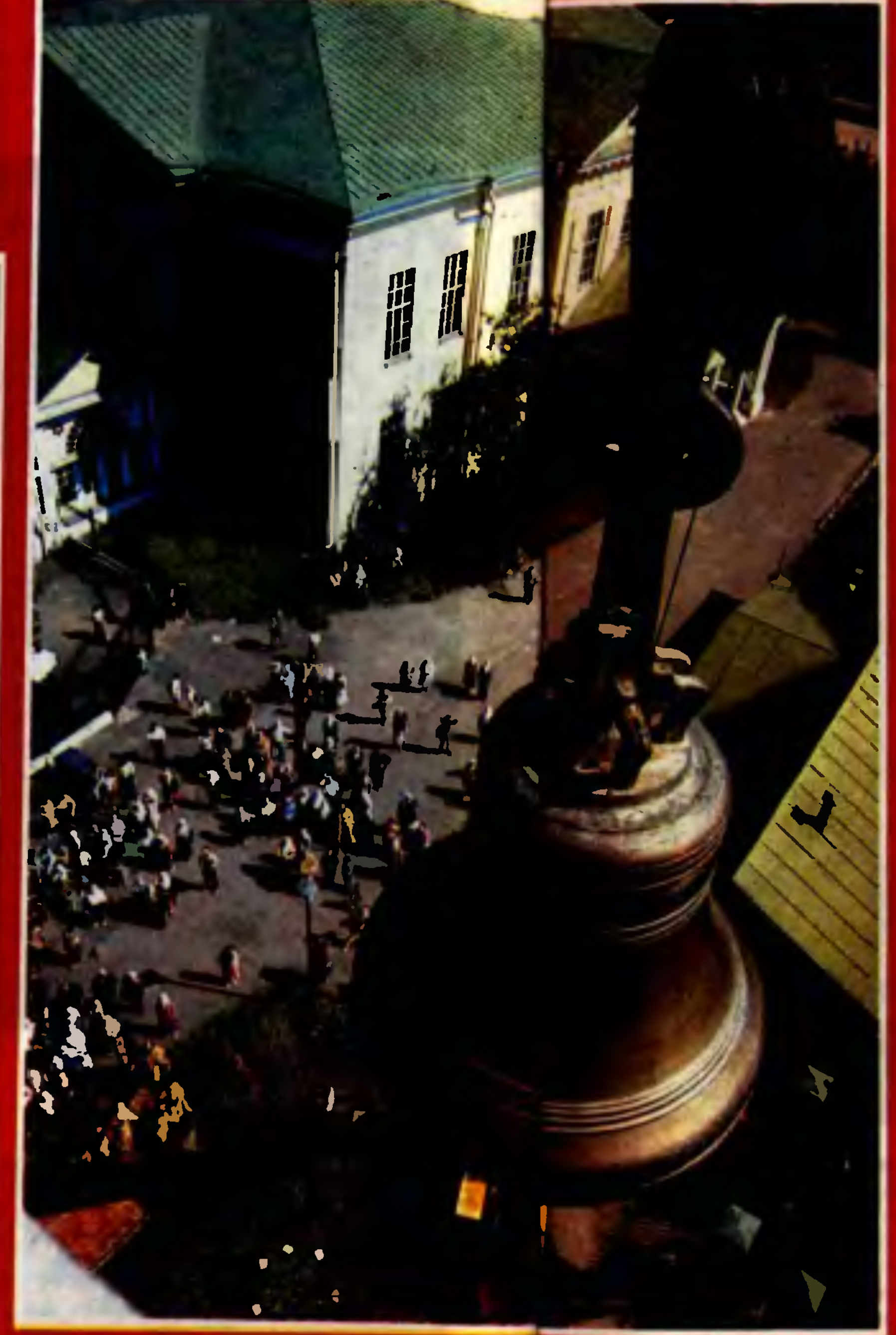
ИЗ МХАТа — НА КОЛОКОЛЬНЮ

Фотографии
АЛЕКСАНДРА БОМЗЫ
НИКОЛАЯ САМОЙЛОВА
АЛЕКСАНДРА ШПИНЁВА

«Помощию всемогущаго Бога в лето 7419 (1910 г.) месяца октября 27 дня слит сей колокол в царствующий град Москву в храм Пресвятыя Богородицы Честнаго и Славнаго Ея Покрова... Лит в граде Ярославле, в заводе товарищества П. И. Оловянишникова сыновья, весу 262 пуда 35 фунтов (4293 кг)...»

Надпись проливает свет на историю рождения этого колокола. Но многие тайны своей жизни колокол молчаливо хранил.

Как он мог уцелеть при Советской власти? Ведь колокола сохранились (и то частично) только в кремлевских звонницах и только



ценой того, что там были открыты музеи.

Наступили тяжелые времена, и кому-то уже казалось, что навсегда будет вычеркнут из памяти колокольный звон. Но Бог судил иначе. Даже в удушающей атмосфере воинствующего безбожия его слышали в московских театрах — в Большом и МХАТе. Конечно, в этих театрах нашла убежище от переплавки маленькая толика московских колоколов. Но среди них уцелел и наш. Всякий раз, когда в пьесе художественного театра «Царь Федор Иоаннович» поднимался занавес и раздавался колокольный звон, весь зал рукоплескал.

Но кто же все-таки спас колокол от неминуемой гибели в переплавке? Молва приписывает это М. Горькому. Известный писатель часто виделся со Станиславским. В одной из его пьес был задуман колокольный звон. Значит, он мог быть в этом заинтересован. Впрочем, пока не беремся ничего утверждать окончательно. Но так или иначе во мхатовском «подполье» колокол дожил до наших дней. Сегодня, когда любые звуки в театре могут быть с высокой достоверностью воспроизведены, стоит лишь нажать на нужную кнопку, когда двери многих храмов распахнулись для верующих, уцелевшие колокола вернулись к своим бывшим владельцам. Настала очередь и нашего колокола. К этому времени руководство старообрядческой общины уже много раз направляло в театр своих гонцов. Переговоры о возвращении колокола продвигались успешно. Сотрудники театра, в общем, не возражали против возврата, но у них возникали опасения за сохранность сложного оборудования сцены. В театре доверяли только одной-единственной организации, которая могла бы выполнить такую сложную работу — подъем четырехтонного колокола из-под сцены,— Московскому механомонтажному специализированному управлению. Дело в том, что несколько лет тому назад именно это управление занималось монтажом уникального сценического оборудования.

Утро 7 августа... Под звуки церковного песнопения из Покровского храма двинулось торжественное шествие. Его возглавлял Митрополит Московский и всея Руси Алимпий. Несли древние иконы, хоругви. После того как был отслужен молебен Всемилостивому Спасу, митрополит освятил колокол.

...Здесь, над Рогожским кладбищем, где покоится прах и «потомственной почетной гражданки» Феодосии Ермиловны Морозовой, чьим усердием «в память вечную о своих скончавшихся родственниках» был отлит сей колокол, гулким эхом прокатился торжественный звон.

ВИТАЛИЙ ЯСТРЖЕМБСКИЙ

Московская Покровская община приносит благодарность людям, без доброй помощи которых не состоялся бы нынешний праздник: Владимиру Никаноровичу Кузнецову, указавшему местонахождение колокола, Олегу Николаевичу Ефремову, художественному руководителю МХАТа, поддержавшему просьбу старообрядцев, и автору этого материала Виталию Антоновичу Ястржембскому, принимавшему горячее участие на всех этапах подготовки к подъему колокола.

че на́шъ,
и҆́же є҆сѝ на нб҃сѣ́хъ,
да ст҃и́тсѧ и҆́мѧ твоѐ,
да прі́идетъ ца́рствіе твоѐ, —
да бꙋ́детъ во́лѧ твоѧ̀, ꙗ҆́ко на нб҃си
и҆ на земли́, хлѣ́бъ на́шъ насꙋ́щный,
да́ждь на́мъ дне́сь и҆ ѡ҆ста́ви на́мъ
до́лги на́шѧ, ꙗ҆́коже и҆ мы̀ ѡ҆став-
лѧ́емъ должникѡ́мъ на́шимъ, и҆
не введи̑ на́съ во и҆скꙋше́ніе,
но и҆зба́ви на́съ
ѿ лꙋка́ваго.

ИОАНН ЗЛАТОУСТЫЙ:

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНИЕ МОЛИТВЫ «ОТЧЕ НАШ»

Отче наш, иже еси на небесех.

Отцом называешь, человек, Бога? Справедиво: конечно, Он всем Отец. Но в такомслучае старайся, чтобы дела твои были угодны Отцу твоему. Если же дела твои злы, тогда, конечно, отцов твоим является диавол: он источник всякого зла. Поэтому старайся удалиться от него и угодить благому Отцу и Создателю твоему.

Да святится имя Твое.

Что это? Разве Бог не свят? Нет, Он свят, а эти слова твои означают: во мне да святится имя Твое, чтобы увидели люди мои добрые дела и прославили Отца и Творца моего.

Да придет царствие Твое.

Что это? Разве Бог не царствует теперь, что Его царство должно еще наступить? Конечно, Он — царь. Но как город, осажденный врагами, просит, чтобы пришло царское войско и освободило его, так и мы, будучи окружены противными силами и своими собственными грехами и злыми помыслами, просим, чтобы наступило царство Божие, чтобы принесло нам избавление. Можно объяснить и другим способом. Пророк говорит: «Воцари ся Бог над языки» (Пс. X VI, 9),— употребляя прошедшее время вместо будущего; подобно ему и мы восклицаем: «Да приидет царствие Твое, Господи!» — то есть: «Пусть придут на нас милости Твои».

Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.

Это значит: Господи! Как совершилась воля Твоя на небе, где все агнелы в мире и нет среди них ни притеснителей, ни притесняемых, ни обидчиков, ни обиженных, но полный мир царствует между ними, так и среди нас — обитателей земли — да будет воля Твоя, чтобы все народы одними устами и одним сердцем, все мы прославили Творца и Спасителя нашего.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь.

Мы просим о насущном хлебе. Хлеб же для души есть слово Божие, как сказал некто из святых: «Сине, отверзай уста твоя слову Божию» (Притч. XXXI, 8). Поэтому хорошо вспоминать о Боге чаще, чем дышать.

И оставим нам долги наша, яко же и мы оставляем должникам нашим.

Смысл такой: прости нам долги наши, то есть грехи и проступки наши, как и мы прощаем всем погрешающим против нас братьям нашим, как свободным, так и рабам и всем зависящим от нас. Говоря так, человек, наблюдай, чтобы и дела твои соответствовали словам, а если нет этого, вспомни, как страшно впасть нам в руки Бога живого, и, исправившись, обратись к Творцу и Господу.

И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Если бы сатана просил сеять нас, как пешницу, как он просил уже апостолов, но справедливо получил отказ на свою просьбу, и если бы случилось так, как было с древним Иовом, не давай ему власти над нами; даже если бы и человек лукавый захотел искусить нас или обидеть, не давай ему воли над нами, но огради нас кровом крыл Твоих.

Яко Твое есть царство и сила.

Господи! Так как Твое есть царство, не допускай, чтобы нас устрашало другое царство или иное владычество, даже если бы мы и достойны были наказания за грехи наши. Ты сам накажи нас, как Тебе угодно, только не передавай нас в руки людей: пусть впадем мы в руки Твои, потому что каково величие Твое, такова и милость Твоя, Отче Вседержителю, вовеки Аминь.

Образ чистаго Рожества Твоего распалаему купину яви неопалиму: и ныне на нас напастей свирепеющую угасити молимся пещь, да Тя, Богородице, непрестанно величаем.

(Ирмос 1-го гласа.)

ДО ВРЕМЕНИ СКРЫТЫЙ ЛИК

В любой русской церкви Пресвятой Богородице Марии посвящено наибольшее число икон, написанных во множестве изводов, каждый из которых имеет свое особое почитание. Подлинники многих из них прославлены как чудотворные или чудесно явленные.

Чудотворные иконы — общенародные святыни. Каждая из них почитается славой своего храма, города, края. Их обилие на Руси создавало как бы священный образ самого нашего Отечества как удела и достояния Пресвятой Богородицы. Почитая Богоматерь Нерушимой Стеной православного царства и Возбранной Воеводой христолюбивого воинства, русские полки носили Ее иконы в походы. А Россия, ожидая вестей с бранного поля, дни и ночи в слезной молитве теплила тысячи свечей у все тех же чудотворных образов Матушки-Заступницы. И дни избавления от вражеской опасности остались в памяти народа именно как Ее праздники — праздники Ее чудотворных икон. Среди них Владимирская и Донская, Казанская и Тихвинская, Феодоровская и Смоленская. Эти праздники появились с конца XIV по начало XVII века — в ходе становления единого Московского царства и последующих испытаний Смутного времени. Если первый, домонгольский, подъем русского христианского духа и государственности выразился в первом отечественном Богородичном празднике Покрова, то в Московское время идея Покрова Божией Матери над Русью еще более ярко подчеркнута общерусским, государственным прославлением Ее чудотворных икон. Даже когда старомосковские верования о богоизбранности Руси к концу XVII века были осмеяны и отвергнуты государственными и церковными властями, праздники чудотворных икон, проникнутые этим «старым» духом, не потеряли своей значимости. И хотя петербургские самодержцы уже не посвящают своих побед Богородице, ее новые праздства продолжают возникать, но уже на «местном» уровне: по случаю прекращения моровой язвы или пожаров, отдельных чудесных исцелений и т. п.

Образ Богоматери с Младенцем Христом осеняет собою русскую историю во всех ее трагических испытаниях. Поруганный в годы церковного разгрома, он в прежнем сиянии встает в годы Отечественной войны. Смогут ли и наши современники увидеть в этом Лике заново открывающийся перед Россией ее извечный путь? Как бы ни тяжело это было именно сегодня, христианин, исповедующий веру праотцев своих, сохраняет и их упование на Божию Матерь как на Заступницу и Путеводительницу земли Русской. И, как научены мы из Давыдовой Псалтыри, пока жива праотеческая вера. Господь «не разорит завета Своего, и исходящая от уст Его не отвержется». С такой надеждой мы начинаем рассказывать о прославленной в России чудотворной Казанской иконе Богоматери. Она далеко не самая древняя по времени своего прославления, но издавна является почитаемой.

Явление Казанской иконы Пресвятой Богородицы известно не по поздним записям устных преданий, как это чаще всего бывает, а по сказанию очевидца и участника событий, которому впоследствии суждено было стать всероссийским патриархом Ермогеном. В год явления иконы он служил приходским священником в одном из казанских храмов — во имя святителя Николы Гостунского или Тульского. Двойное название церковь получила оттого, что стояла при подворье тульских торговых гостей. Итак, 24 июня 7087 года (от Адама, а по нынешнему счету 1579 г.) в русской части Казани вспыхнул большой пожар. Шел 27-й год со времени покорения Казани русскими войсками, и татары относились к русским по-прежнему враждебно. Поскольку пожар истребил многие дома государевых стрельцов, церкви и первый в городе мужской монастырь, среди татар пошла молва о небесной каре на пришельцев-христиан. Как пишет Ермоген, «иноязычнии... неверием одержими в сердцых своих уничижаху нас, не ведуще Божия милости и силы... Бысть им в притчу и в поругание истинная православная вера».

С терпением и покаянием приняв «Божие милосердие» (так называет пожар Ермоген), жители стали отстраиваться заново. И в дни этих трудов, в самом конце июня, десятилетняя стрелецкая дочь Матрона увидела во сне чудесно сияющую икону Пресвятой Богородицы. Исходящий от иконы голос велел ей объявить о видении и о том, что сама икона скрыта в земле по соседству с двором стрельца Данилы Онучина, откуда и начался пожар. Девочка не осмелилась рассказать чужим людям и поведала об этом только матери. Та не придала этому значения. Видение вскоре повторилось, но Мотя больше не стала никому ничего говорить. Прошло еще несколько дней. Девочка спала после обеда, и вдруг опять явилась Богородица. Как будто среди двора, разливая вокруг ослепительный свет. Голос укорял Мотю за ее беспечность и грозил ей: «Аз убо имам во иной улицы явитися, или во ином граде, ты же имаши болезнена быти, дондеже и живота гонзнеши зле». Очнувшись, девочка побежала с горючими слезами к матери. Встревоженная не меньше дочери, мать спешно повела ее к воеводам. Но они не поверили детскому рассказу. Не поверил и архиепископ Иеремия. Мать с дочерью стали созывать соседей. Однако люди, занятые погорельскими делами, отмахнулись от них. Тогда мать взяла заступ и стала одна копать землю среди выгоревшего двора. Она копала с таким усердием, что соседи наконец исполнились к ней сочувствия и пришли на помощь. Но и все вместе они ничего не могли найти, пока наконец лопату не взяла сама девочка. Она подошла к развалу печи и, как будто зная точное место, начала ковырять землю именно здесь. Подошли и взрослые. Дружно взявшись, они наконец на глубине чуть больше двух локтей нашли икону, завернутую в полуистлевшую тряпицу. Ермоген уточняет, что это был рукав однорядки (т. е. кафтана) из вишневого сукна.

Сама икона оказалась именно та-

кова, как видела ее во сне Мотя. В отличие от ткани ее не тронуло тление. Лик был светел, как будто недавно написан. Откуда взялась икона глубоко под печью сгоревшего дома? Может быть, еще в прежние времена схоронил ее здесь русский пленник? Или же татарин, тайно исповедовавший христианство среди неверных соплеменников? Неведомый человек скрыл ее в земле от иконоборной ненависти магометан, с надеждой, что придет еще время образу Богородицы явиться на белый свет и согревать сердца верующих в Ее Божественного Сына.

Сбежался народ. Дали знать архиепископу, и вскоре вся Казань огласилась колокольным звоном. Архиерей со всем собором городского священства, крестами и хоругвями вышел встречать чудесно открытую икону. Сначала она была торжественно принесена в ближнюю церковь св. Николы, а потом, после молебна,— в городской Благовещенский собор. Нес икону тот священник, в приходе которого она явилась,— Никольский настоятель, будущий патриарх Ермоген. Это было хоть и почетным, но тяжелым и даже опасным делом, ибо толпа больных, увечных, «труждающихся и обремененных» людей крепко наседала, ища прикосновения к чудесному образу, и едва не сбивала священника с ног. Может быть, нести икону как раз и поручили Ермогену, зная, что он более других силен сдержать напор людского моря, не упасть, не уронить святыни. Таков же он будет и восьмидесятилетним старцем, на патриаршестве,— крепко держа святыню православия под ударами волн Смуты, едва ли не один твердо стоящий среди бушующей людской стихии.

Уже на пути к собору свершились первые исцеления: прозрели два слепца, много лет просившие милостыню у церковной ограды. И в последующее время более всего исцелялись перед Казанской иконой именно слепые. Оттого впоследствии вошло в обычай молиться об исцелении очей именно Богородице Казанской. В своем сказании Ермоген описывает несколько таких случаев. Вот один из них.

В те дни женщина принесла в церковь слепого младенца. Молясь с горьким плачем и сокрушением сердца, она и не заметила, как мальчик потянулся ручками к ее залитому слезами лицу. Заметил архиепископ: он велел принести красивое яблоко и показать ребенку. Прозревшее дитя сразу же потянулось и за яблоком...

Среди чудес, засвидетельствованных многими,— исцеление Исака, сына просвирни Улиты. Исак, сильный и плотно сбитый парень (прозвище его было Бык), два с половиной года не мог встать на ноги, пораженный какой-то тяжелой болезнью. Услышав о том, как исцеляются недужные у чудотворной иконы Богородицы, он плакал от великого желания хоть ползком добраться до церкви и самому коснуться святыни. И вот Исак почувствовал некоторое облегчение. С трудом приподнялся, оперся на два посоха и медленно побрел к церкви, где вместе с людьми молилась его мать. Когда Улита увидела сына, она чуть не потеряла разум, зная, какое мучение доставляет ему боль в ногах. А когда пришла в себя, то молилась вместе с сыном до конца службы. Из церкви он пошел свободно, отбросив костыли.

Извещение об этих и многих других чудесах явленной иконы было послано царю Ивану Васильевичу вместе с ее тщательно написанным подобием. Вскоре из Москвы пришел государев указ: основать на месте явления иконы девичий монастырь и поселить в нем сорок инокинь. А чудотворному образу — пребывать в соборном храме монастыря, на постройку и украшение которого царь велел выдать деньги из казны. Среди первых постриженниц обители была и десятилетняя Матрона. Рассказывают, что Матрона впоследствии стала игуменьей обители и скончала свою жизнь свято и непорочно.

А как сложилась дальнейшая жизнь священника, в приходе которого был явлен образ? Будучи около шестидесяти лет от роду, овдовевший, он вызван в Москву. Здесь его постригли в иноческий чин и возвратили в Казань игуменом Спасо-Преображенского мужского монастыря, а еще через два года игумен Ермоген был возведен в казанские митрополиты. Уже при нем, в царствование Феодора Иоанновича, Казанский девичий монастырь украсился новым каменным храмом во имя явления чудотворной иконы. Среди тогдашних русских епископов, которые по складу чаще бывали иноками, чем пастырями церкви, Ермоген отличался неустанным проповедничеством и упорными трудами по укреплению православия там, где ему противостоял ислам. Духовный писатель и книжник, обличитель пороков, ревнитель славы новых казанских святых, строгий и деятельный церковный правитель, он подобен великим епископам первых веков Христовой церкви.

Еще ярче эти черты проявляются у него на патриаршестве. Избранный первосвятителем Руси в самый разгар Смуты, он становится главным защитником православной веры от наступающего латинства, а самой державы Русской — от всех сил, ищущих ее сокрушения. Из захваченной поляками Москвы патриарх шлет во все концы страны свои пастырские послания, поднимая народ на освободительную войну. Уже взятый врагами под стражу, он пишет одно из своих последних писем — в Казань. В нем Ермоген убеждает митрополита твердо стоять за единое государство и законных царей, не покоряться мятежникам, захватившим в городе власть и ищущим разделения страны. Узнав о том, что на Нижегородской земле собираются для похода на Москву ополчения Минина и Пожарского, патриарх благословляет им взять в поход Путеводительницу — чудотворную Казанскую икону.

Враги, озлобленные и устрашенные тем, что проповеди, послания и молитвы заточенного старца поднимают народ на восстание, уморили патриарха голодом. Но уже через полгода после его смерти подступают к Москве полки освободителей, неся с собою Казанский образ Заступницы Русской державы. Это был список чудотворной иконы.

Ее самое было невозможно вынести из города, где власть держали силы, враждебные Минину и Пожарскому. Казанские мятежники (стольник Никанор Шульгин «с товарищи») противились самому участию казанского ополчения в освободительном походе.

Накануне решающего боя воеводы заповедали войску трехдневный пост и усиленную молитву о победе. В ночь перед приступом одному находившемуся в Москве греческому епископу явился преп. Сергий Радонежский и сказал ему: «Молитвами Пречистыя Богородицы и московских чудотворцев Петра, Алексия и Ионы («С ними же и аз проситель бых»,— добавил преп. Сергий) заутра град сей Бог предаст в руки православных христиан». Наутро, 22 октября, вся Москва, кроме Кремля, была освобождена в победном бою. А запершиеся в Кремле поляки вскоре сдались.

После этой победы воевода князь Дмитрий Пожарский, в войске которого была Казанская икона, внес ее в свою приходскую церковь на Лубянке, а вновь избранный русский царь Михаил Феодорович уставил праздновать ей дважды в год: в день казанского явления — 8 июля — и в 22-й день октября — «избавления ради царствующаго града Москвы от Литвы». А впоследствии тем же князем Пожарским был выстроен и большой Казанский собор на углу Красной площади и Никольской улицы, куда почитаемая икона была торжественно перенесена.

Примечательно, что в Московском Казанском соборе в это время служил протопоп Аввакум, а настоятелем собора был другой видный защитник святых преданий — протопоп Иоанн Неронов. Отсюда царь с Никоном и разослали их в первые ссылки. Позднее Аввакум вспоминал: «Любо мне, у Казанския тое держался, чел народу книги. Много людей приходило».

В то время осенний праздник Богородицы Казанской оставался местным московским торжеством, не повсюду в России известным. Но в 1649 году во время всенощного бдения на 22 октября у царя Алексея Михайловича родился первый сын. Тогда, полный радости и благих надежд, царь повелел праздновать чудотворной Казанской иконе во всех церквах и монастырях. День Пресвятой Богородицы Казанской стал последним общерусским праздником, учрежденным в древнем, неразделенном отеческом православии, который, таким образом, не только прославляет торжество правой веры над врагами Руси, но и открывает новую эпоху исповедничества и страданий нашей церкви.

Но вернемся к истории явившегося в Казани чудотворного образа. В то время как прославились чудотворениями десятки списков с него — в Москве, Вязниках, Романове, Калуге, на Тамбовщине и во множестве других мест,— подлинная икона осталась как бы местной святыней Казани. Она по-прежнему хранилась в девичьем монастыре. В прошлом веке уже стали считать, что чудотворный образ находится в Москве или даже в Петербурге.

И вот, как грозное предзнаменование, летом 1904 года всю Россию облетела весть: в ночь на 29 июня из собора Казанского девичьего монастыря похищена чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Вскоре были арестованы грабители, виновные уже во многих церковных хищениях по разным городам России. Их привлекали только драгоценные камни, золото и жемчуг риз, сами же иконы они рубили на куски и сжигали. Случилось ли то же самое и с Казанской? Но главарь шайки, некий Варфоломей Стоян, не признавался в уничтожении иконы; ничего не могли подтвердить и соучастники. Не могли поверить в это и многотысячные толпы народа, которые собрались, лишь только услышав о поимке преступников, чтобы узнать судьбу своей святыни. Особенно странные для следователей вещи говорила десятилетняя Евгения, дочь сожительницы Стояна. То она утверждала, что икона сожжена, то, в другой раз, что она, Евгения, не дала Стояну порубить ее и спрятала в печи, то, наконец, что икону продали неким «старообрядцам с Рогожского». Потеряв надежду отличить в ее словах правду от выдумок, следователи пришли к скорбному выводу: грабители уничтожили икону.

Вера в то, что Божий промысел все творит с сокровенным значением, позволяет видеть смысл и в некоторых странных соответствиях событий. Чудотворная икона исчезла на исходе июня, в такой же или почти в такой же день, как она впервые явилась в сонном видении девочке Матроне в 1579 году. И здесь, и там — десятилетняя отроковица, и здесь, и там — печь... Скрытый в землю образ Богоматери с Младенцем Христом явлен тем, кто принес в Казань христианскую веру. И снова скрывается через 325 лет, на пороге нашествия новой орды богоборцев. Настанет ли время ему явиться во второй раз?

В 1964 году на Всемирной выставке в Нью-Йорке была представлена старинная икона Казанской Пресвятой Богородицы, украшенная драгоценной ризой. По стилю письма и другим признакам ученые определили ее древность более чем в пятьсот лет, с большой вероятностью предполагая, что она и есть подлинная чудотворная Казанская икона Богоматери. На некоторое время это известие взволновало многих русских верующих. Сообщалось о намерениях Русской Зарубежной церкви выкупить эту икону. Но потом молва затихла, и более новых сведений об этом мы не имеем.

У нас остается лишь вера в то, что Бог отец наших поругаем не бывает. В то, что Матерь Его не оставит сирыми людей Своего достояния. И даже если праведным судом Божиим суждены России еще новые пожарища и руины,— и тогда из-под обугленных развалин откроется вечно прекрасный Лик Богоматери. И вновь «яко светозарное восияет солнце, преславных чудес лучи пущающе, тмы лютых обстояния отгоня...».

СЕРГЕЙ ДУРАСОВ

ОБРАЗЫ СОКРОВЕННЫЕ, ЧУДЕСАМИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ...

От времени расправ со староверами дошло сказание, также связанное с Казанской иконой Пресвятой Богородицы. Записал его на Керженце в середине прошлого века П. И. Мельников-Печерский. Когда царские войска осаждали Соловецкий монастырь, иноческая братия которого решилась до смерти стоять за древнее благочестие, был в этой обители и некий схимник Арсений. Однажды под утро после долгой молитвы он в тонком сне услышал голос от образа Пресвятой Богородицы Казанской. (Икона эта прежде была комнатной у царя Алексея Михайловича и пожертвована им в монастырь.) Голос возвестил старцу, что завтра монастырь будет взят стрельцами и всех его защитников ждет мученическая кончина. Но он, Арсений, останется живым, и сама Богородица Своею чудотворной иконою наставит его на дальнейший путь. Наутро монастырь был захвачен царскими людьми, которых ввел по тайному ходу монах-предатель. А когда плененную братию вывезли на материк для суда и расправы, Арсению удалось бежать в лес. Оказавшись один в лесной чаще, без дороги и без спутника, возвел он очи к небу и увидел на высоте образ Пресвятой Богородицы, идущий по воздуху. Он и пошел туда, куда двигался образ. И так шел Арсений много дней, пока не достиг лесов Чернораменских. В урочище Шарпан икона опустилась на траву. Здесь Арсений и срубил себе келью, с которой начался первый скит в этих краях.

Это сказание из века в век передавали керженские иноки, веруя, что, доколе с ними пребывает чудотворная икона Богородицы, никакие гонения не истребят на Керженце правую веру. Поэтому гонители особенно стремились лишить старообрядцев этой святыни. В 1849 году Шарпанский скит был разорен: возглавлявший это злое дело чиновник (это был сам П. И. Мельников) своими руками вынес из скитской моленной икону как желанную добычу. Отныне ее водворили в единоверческом монастыре, что должно было стать символом падения керженского старообрядчества. Однако известно, что Мельникову досталась вовсе не та икона, которую он надеялся заполучить. Предупрежденные об опасности, инокини заменили ее другой и отдали свою святыню на сохранение в одну благочестивую семью Семеновского уезда. Имеются сведения и о том, что чудотворная икона пережила бури двадцатого века и до сего дня пребывает где-то в Нижнем Новгороде.

■

Менее известен в старообрядчестве чудотворный образ Казанской Пресвятой Богородицы, находящийся в деревне Губино (в прошлом Владимирской губернии, ныне Московской области). Когда-то во время моровой язвы жители деревни во избавление от смерти дали обет написать икону. Работу исполнил пришлый иконописец, который ничего не взял за труды и ушел так же безвестно, как и появился. (Автор, рассказавший об этой иконе в № 47 журнала «Церковь» за 1910 год, считает, что это было в начале XVIII века. Но, поскольку в устных сказаниях время часто искажается, естественней предположить, что это была знаменитая моровая язва 1771 года.) В 1847 году, когда население Гуслицы страшно страдало от холеры, в деревне Слободище глухонемой девушке трижды во сне явился старец, веля привести из Губина Казанскую икону Пресвятой Богородицы. После этого девушка получила дар речи и смогла рассказать о видении отцу. Икону привезли, стали служить молебен, и в это время по улице прошел страшный вихрь с шумом. Больше никто в деревне от холеры не умер, и эпидемия прекратилась. С тех пор икона была многократно прославлена чудесными исцелениями и часто приносилась для поклонения в разные селения края. В память об этом некоторые старообрядческие храмы Гуслицы и до сих пор с особенным усердием празднуют Богородице Казанской. Эту икону тоже много раз пытались отнять у старообрядцев. До самого 1905 года ее приходилось держать в частных домах, а иногда даже прятать в закрома с рожью. Но после объявления религиозной свободы губинцы выстроили новый храм, освятив его во имя Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Здесь эту икону можно увидеть и сегодня.

Фотографии
АЛЕКСАНДРА БОМЗЫ

На Рожество Христово.
За молитвъ святыхъ ѡтецъ нашихъ, господи
Іисусе Христе сыне Божїи
помилуй насъ, аминь.
Христосъ раждается
славите, Христосъ
с небесе срящите, Хрис
тосъ на земли возноси
теся, пойте Господеви
вся земля, и веселием
воспойте людіе, яко
прославися.

1

Рожество твое Христе
Боже нашъ, возсія
мірови свѣтъ разумный,
в немъ бо иже звѣздамъ
служащіи, звѣздою поу
чахуся, тебѣ кланятися
солнцу праведному и
тебѣ вѣдѣти свыше
востокъ, господи сла
ва тебѣ.
Слава ѿтцу и сыну и
святому духу, и ныне,
гласъ г (третій). И ны
нѣ и присно и во вѣки
вѣкомъ, аминь.

2

бѣды страхом, удобь
молчати, любовію же
дѣво, пѣснь сложи
ти силою обостренною
дѣло есть драго. Но ѡ
мати силу, елико же
бысть изволеніе даж
дь. Слава ѿтцу и
сыну и святому духу,
и нынѣ и присно и во
вѣки вѣкомъ, аминь.
Господи помилуй, гос
поди помилуй, господи
благослови.

5

Рождейся въ вифлее
мѣ іюдейстѣмъ,
и во ясляхъ возлегій,
Господи Іисусе Христе
сыне Божіи, молитвъ
ради пречистыя ти
матере и всѣхъ свя
тыхъ, помилуй и спа
си насъ, яко благъ
и человѣколюбецъ.
Аминь. Господи по
милуй, г (трижды).
С высокоторжествен
ным праздником
Рожества Христова!

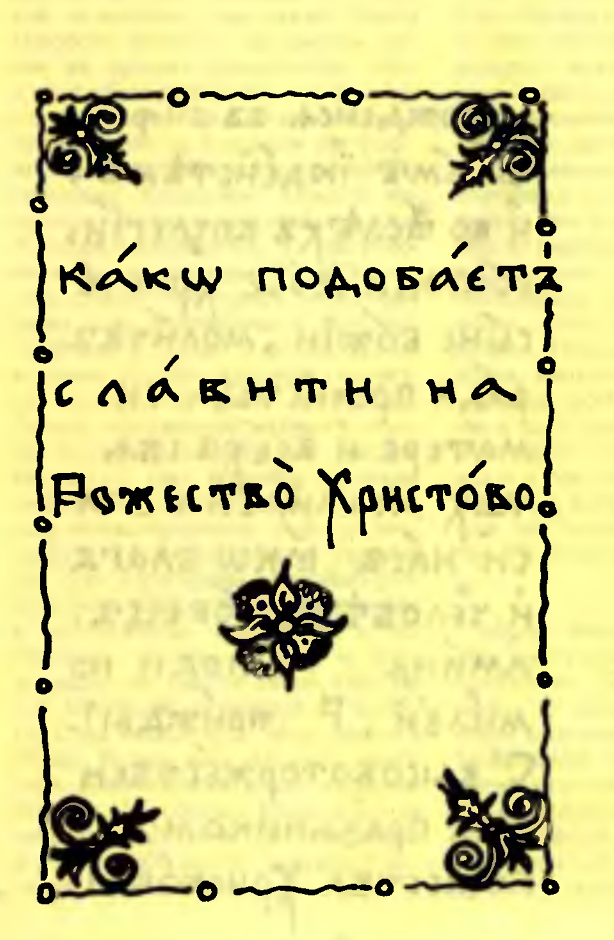
6

Дв҃ва̑ дне́сь, пресу-
щественнаго раж-
да́етъ, и҆ земла̀ верте́пъ
неприкоснове́нному при-
но́ситъ. А҆́нгели съ па́с-
тыри славосло́вятъ,
волсвѝ же со ѕвѣздо́ю
пꙋть ше́ствуютъ. На́съ
бо ра́ди роди́ся, о҆́тро-
ча̀ мла́до превѣ́чный
Бо́гъ.
Велича́й душѐ моя̀, и҆́же
въ верте́пе ро́ждшаго
ся Царя̀ Христа̀.

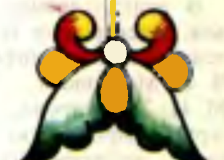
3

Та́инство стра́нно
ви́жу и҆ пресла́вно,
не́бо су́щу пеще́ру, пре-
сто́лъ херуви́мскій дѣ-
ви́цу. Я҆́сли вмести́ли-
ще, въ ни́хже возлѣ-
жѐ невмести́мый Хри-
сто́съ Бо́гъ, е҆го̀же хв-
а́ляще велича́емъ.
Велича́й душѐ моя̀,
честнѣ́йшую небе́сныхъ
во́инствъ, Дѣ́ву пре-
чи́стую, Богоро́дицу.
Подоба́ше убо
намъ, я҆кѡ без

4



Что́ же ви́диши сꙋ́чецъ, и҆́же е҆́сть во о҆че́сѝ бра́та твоегѡ̀, бервна́ же е҆́ж е҆́сть во о҆че́сѝ твое́мъ не чꙋ́еши. (Лоук., зач к҃з)



В НАРОДЕ ГОВОРЯТ...

Добро тому жити,
Кто может в себе пиянство скрыти,
а злая словеса во устех своих сохранити.

Жена мужа чтит, аки тело свое.
Муж жену любит, аки ребро пазушное.

Друга льстива дружба,
аки зимнее солнце греет.
Лукавого язык, аки графия:
сюда пишет, а сюда гладит.

Ум остр без книг,
аки птица без крыл,
яко же покушается взлетети,
и не может.
Тако и ум не домыслится
совершенна разума без книг.

ИЩИТЕ — И ОБРЯЩЕТЕ!

(ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ ИОВА ЛЬГОВСКОГО)

Традиции «путешествующего археографа» в России имеют глубокие корни, а со средины прошлого века, времени широко известной деятельности академика П. Строева, даже создано было специальное ученое подразделение — Археографическая комиссия, призванная способствовать работе и публиковать ее результаты, возвращая народу забытую мудрость, историю, литературу.

Существуют и сегодня «путешествующие археографы», имеется и Археографическая комиссия Академии наук. Только называется теперь деятельность ученых, разыскивающих забытое наше документальное наследие, «полевой археографией», и цель ее далеко не только, да и не столько,— розыск, а изучение древней книги и книжности в среде ее бытования. Археографы должны не только найти сохранившуюся традиционную русскую книжность, но и понять и зафиксировать ее связи с древней народной культурой. Наша история особенно тяжела оказалась именно для тех, кто из поколения в поколение хранил традиционную культуру отцов — для всех согласий русского старообрядчества. Государство десятилетиями уничтожало не только то, что напоминало о вере — церкви, иконы, книги, но и носителей этой веры. В век, когда господствовал лозунг «Все как один...», не было места древним песням, длинным сарафанам, старообрядческой самобытности. Миллионы верующих людей, независимо от того, в кого и как веровали, погибли в лагерях и тюрьмах. И вместе с ними гибли неоцененные памятники прошлого. Гибли с ними, а еще больше — без них, ибо лишилось общество самых духовно грамотных носителей церковного знания, без которых втуне ежедневно разрушались уцелевшие памятники.

В этих условиях развитие полевой археографии (связанное с деятельностью ленинградского ученого В. И. Малышева и академика М. Н. Тихомирова, возродившего Археографическую комиссию) было великим благом, спасшим для русской культуры тысячи памятников. Неизвестные пласты русской народной культуры, целые «континенты», например, Сибирь, по словам академика Д. С. Лихачева, пережили свое археографическое открытие. Из сырых подвалов, открытых всем ветрам чердаков, бабушкиных сундуков, заброшенных заимок, сеновалов, сараев на свет божий возвращались старообрядческие и нередко ценой жизни сохраненные староверами подлинные дониконовские книги. А сколько их не дождалось бережных рук — сгнили, сожжены, разорваны... Недаром археографы-студенты начали свой гимн словами:

Где-то умирают старики...
Тащат молодые в дом серванты,
Загодя снеся на чердаки
Старые седые фолианты...

Сколько погибло! По сознательной злой воле, невежеству, страху или небрежению! Тем важнее вернуть в духовную жизнь сегодняшнего дня то, что уцелело. Одним из уникальных памятников, сохраненных старообрядцами, является впервые публикуемое в нашем журнале «Житие» Иова Льговского — русского монаха, основателя многих монастырей, не принявшего церковные реформы середины XVII века и ставшего одним из наиболее почитаемых распространителей старообрядчества на Дону.

Сборник, содержащий «Житие» Иова Льговского, найден в ветковско-стародубских слободах, где в конце XVII—XVIII веках процветала непокорная Ветка, с ее знаменитыми монастырями, школами, тесно связанная со всем русским старообрядческим миром.

В одной из наиболее богатых слобод, нынешнем районном центре Клинцах (Брянской области), где и теперь есть два старообрядческих храма, белокриницкий епископ Иоасаф (И. А. Карпов) разрешил нам просмотреть церковные книги, отложенные как чуждые, неправильные или уже слишком сильно испорченные. Среди них и оказался большой (539 листов) рукописный сборник, в котором бросались в глаза вклеенные в текст гравюры конца XVII — начала XVIII века. Их характер, очень далекий от древнерусских канонов, и объяснял, почему книга оказалась убранной из церкви как не старообрядческая, почему она была с удовольствием передана в Московский университет, в библиотеке которого хранится под № 293.

Несколько слов о незабываемом владыке Иоасафе, поразившем нас невероятной незлобивостью, истинной любовью к ближнему. И это после Беломоро-Балтийского канала и восемнадцати лет в сталинских лагерях! Владыка умел чувствовать и понимать, что нужно для развития и процветания старообрядчества, не чурался новых форм, если они помогали хранить древнюю духовность. В 1971 году он произнес в Клинцовском храме поразительную по тем временам проповедь, в которой объяснил безыскусными, но такими мудрыми словами общую задачу, объединяющую, по его мнению, староверов и нас, археографов: возвращать прошлое настоящему, а настоящее — будущему.

Поэтому я вижу глубокую справедливость и даже символ в том, что именно владыка Иоасаф помог вернуть всем нам «Житие» Иова Льговского. С искренним волнением посвящаю его памяти эту рубрику.

Однако вернемся к найденному сборнику. Его первоначальный владелец, заказчик, а, может быть, отчасти составитель и автор, оставил нам в конце книги свою владельческую запись. В ней говорится, «что сборник принадлежит сторожу Кремлевского собора, что у Государя на сенях» (т. е. Архангельского), Симеону Федорову сыну Моховикову. Это имя уже было известно, так как еще один рукописный сборник, принадлежавший Моховикову (хранится под № 338 в составе собрания В. М. Ундольского, ВГБиЛ), знаменит тем, что содержит уникальный список полного «Жития» Максима Грека. Вновь найденный сборник, составленный и написанный, очевидно, в Москве в 1715—1716 годах, содержит 32 произведения, подобранных таким образом, чтобы служить грозным и традиционным оружием в борьбе с так называемыми «иконоборцами» — сторонниками реформационных учений, в том числе не признающими святости икон,— истинности чудес, приходящих в мир через мощи святых и иконописные изображения. И ниже приведенная повесть о житии Иова Льговского — еще один веский старообрядческий аргумент против утверждений «проклятых иконоборцев». Однако, если остальные тексты сборника могли быть достаточно быстро изучены, история с «Житием» Иова Льговского только начиналась.

Дело в том, что сведения о его жизни, известные до находки сборника, принципиально не совпадали с изложенным в «Житии». Ранее основным источником о жизни Иова была «История о бегствующем священстве» старообрядческого писателя Ивана Алексеева, и разбросанные по разным произведениям факты, собранные и сопоставленные академиком В. Г. Дружининым, опубликовавшим подробный рассказ об Иове в своей книге «Раскол на Дону в конце XVII в.» (вышла в Санкт-Петербурге в 1882 году), где утверждалось, что Иов — литвин, стал келейником будущего патриарха Филарета во время плена последнего в Литве, привезен в Москву и здесь пострижен в монахи. Однако в тексте «Жития» говорится: Иов родился в подмосковном Волоколамском уезде в боярском доме, и светское его имя Иоанн Тимофеевич Лихачев...

Столь принципиальные расхождения требовали поиска неопровержимых доказательств той или иной версии. Большие надежды возлагались на археографическую экспедицию 1976 года на реку Чир (приток Дона), где в новой созданной им старообрядческой пустыни Иов жил до последнего своего дня. Экспедиция дала значительный и интересный материал, но ни слова об игумене Иове. Таким образом, установить, какая версия «Жития» справедлива, казалось невозможным, и публикация текста откладывалась на неопределенный срок...

В 1977 году мы приехали в Пермскую область, в одном из районов которой вот уже два десятилетия подряд тщательно изучаем все элементы традиционной культуры местных старообрядческих общин. В жаркий июльский день я и двое моих помощников работали в доме старого нашего друга — Селивестра Петровича Соловьева, человека поистине замечательного. Несмотря на чрезвычайно плохое зрение, в обыденном смысле почти полную слепоту, он был богословски образован, имел характер и возможности яркого, убежденного и искреннего проповедника. Из своей библиотеки в первые годы знакомства Соловьев показывал только отдельные книги. В этот раз он позвал нас, чтобы показать все, что у него хранилось.

Две трети избы занимала русская печь, и места для книг просто не было. Около 60 томов хранилось в почти открытом дождю и ветру чуланчике. Мы принялись за описание книг. Жара и духота привели к тому, что на четвертый час напряженной работы я выполняла все необходимые операции совершенно механически. Механически я начала диктовать новое описание: «Минея служебная на декабрь месяц. Книга без выходных листов, однако это круг миней, изданных в сороковых годах XVII века на Московском печатном дворе. Судя по справочнику, издание вышло 7 июля 1645 года. Остальные листы целы, сохранность хорошая, переплет — доски в коже с тиснением XVIII века. Запись на листах 1—52, почерком XVII века в некоторых местах срезана...» Далее так же механически диктую текст вкладной записи (казалось, особого интереса не имеющей): «Сию книгу глаголемую минею декабрь положил в дом Дмитрею Солунскому что на Л(ь)гове... (слово срезано), уезду Никольския пустыни строитель Иев на престол пок(амест та) церковь стоит поминать мои родители...» Ни название Льговской пустыни, ни прямое упоминание ее строителя Иова не заставили меня задуматься. Только очень редкая формула «мои родители», предполагающая, что запись — автограф вкладчика, вдруг помогла очнуться и понять, что я читаю автограф Иова и что сейчас сам иеромонах из своего XVII века сообщит мне имена родителей (то есть подтвердит ошибочность или справедливость версии «Жития» в нашем сборнике). Читаю продолжение записи Иова: «...поминать мои родители отца и матерь — Тимофея и Ирины». Сам Иов собственноручно подтвердил правильность нашей версии и сделал это через 300 лет после смерти.

Но ведь это практически совершенно невозможно! — думаю я.— Не было и нет тысячной доли процента реальной возможности, чтобы книга, подписанная Иовом, во-первых, сохранилась. Сейчас, когда мы знаем тиражи изданий Печатного двора, легко можно высчитать процент сохранившихся экземпляров его изданий: от десятых долей процента для учебных книг до 3 процентов для книг литургических.

Но даже если книга-вклад игумена сохранилась, и этого мало! Сама по себе запись на книге малоинформативна — иной ученый не обратил бы внимания на эту часто встречающуюся, утратившую выходные листы «малоинтересную» книгу. Необходимо было, чтобы книга попала на «ловца». И нет иного слова, чтобы назвать происшедшее, кроме как ЧУДО!

Автор повести о житии зашифровал свое имя в конце текста самой легкой тайнописью — простой цифирью. Зовут его МАКСИМ, о себе он сообщает, что является иконописцем и не только знал святого старца, но даже был с ним в одном из созданных Иовом монастырей. Более того, игумен какое-то время, видимо, являлся духовным отцом Максима.

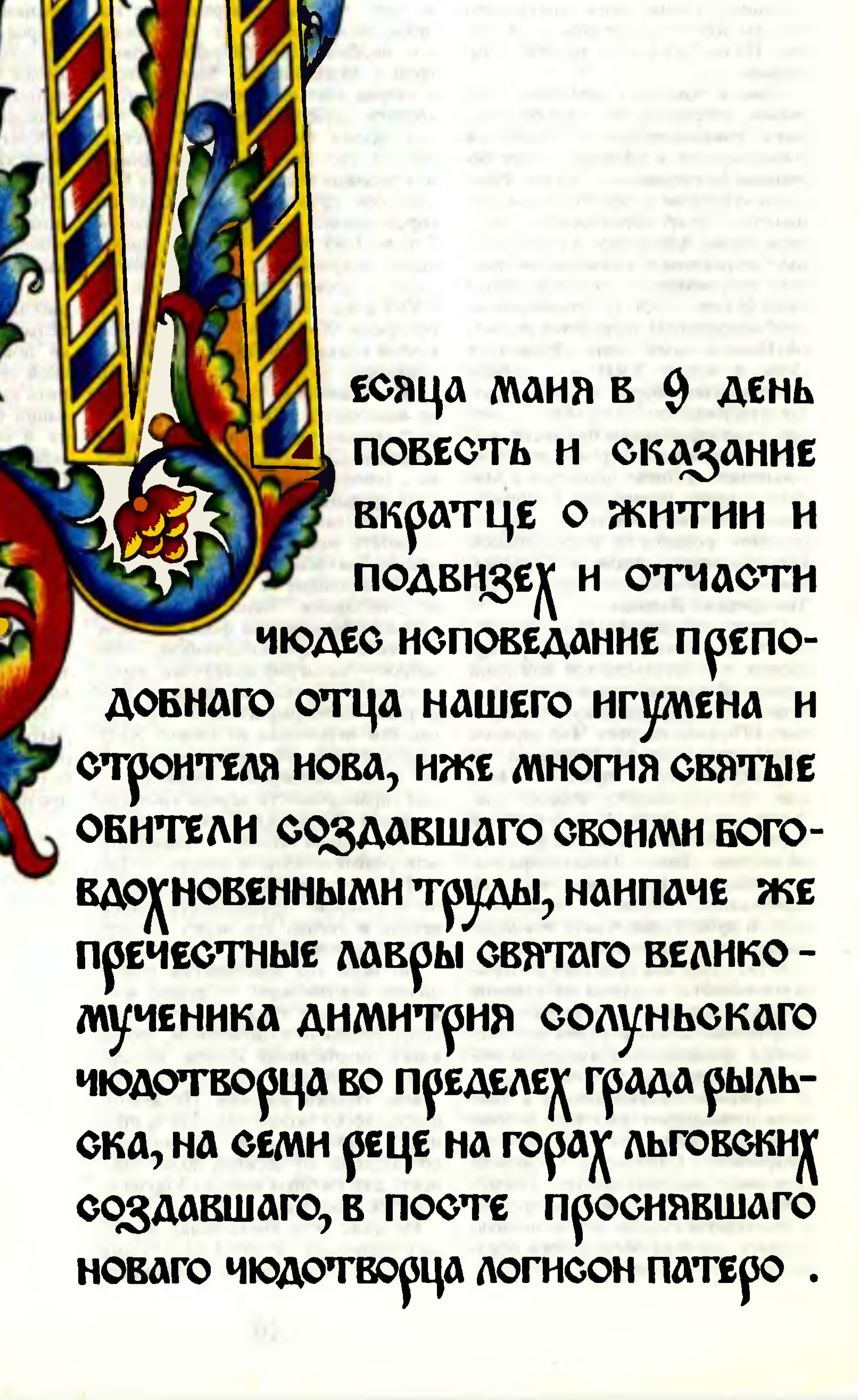
Краткий разбор «Жития» и исторический комментарий к нему мы опубликуем вслед за полным текстом памятника. А сейчас несколько слов о принятых нами принципах передачи церковнославянского текста.

Поскольку журнал «Церковь» рассчитан на самый широкий читательский круг,— тексты передаются пока только современной русской азбукой. Однако, чтобы сохранить аромат подлинника, при публикации учтены все особенности языка и орфографии писца, которые можно передать русскими буквами. Прописные буквы внесены в текст согласно нашим сегодняшним правилам, а знаки препинания вносились в текст минимально, но так, чтобы не возникло двусмысленности или ошибки.

После нескольких слов, написание которых может вызвать впечатление об ошибке при публикации, стоит знак (!), обозначающий, что таково написание слова в подлиннике.

Итак, повесть о житии Иова Льговского — еще одно открытое окно в наше прошлое. Прошлое, без которого нет ни настоящего, ни прочного будущего.

ИРИНА ПОЗДЕЕВА



есяца маия в 9 день повесть и сказание вкратце о житии и подвизех и отчасти чюдес исповедание преподобнаго отца нашего игумена и строителя нова, иже многия святые обители создавшаго своими боговдохновенными труды, наипаче же пречестные лавры святаго великомученика димитрия солуньскаго чюдотворца во пределех града рыльска, на семи реце на горах льговских создавшаго, в посте просиявшаго новаго чюдотворца логисон патер .

Исповедание чюдно и преславно слышите от мене, любимицы, еже есть потребно душам нашим. Но убо зело спешно, аще не точию слышатель будет кто, но и творец, якоже апостол Павел уча глаголет: не бо слышателе **(л. 498)** праведни пред Богом, но творцы закону оправдятся. Аще бо кто скажет, вам сокровище сокровенно, и да может ли обогатети от показания, аще не со многим трудом и спехом ископавше его, приобрящете? Не убо того ради наказую вы, возлюбленная моя иночествующих отцы и братия, да безделно приимете, еже хощу сказати житие чюдно преподобнаго отца. Но и в душах ваших опасне начертавше, поспешите о том слове творцы быти, а не послушницы. Аз бо худдьшии коснухся грехослужимую десницу простерти и на хартии написати, иже успешную души повесть предложив, еще же и самовидец бых и сын непотребный по духу благодати. Многая же и от древних мужей богоугодно с ним поживших слышах, глаголю же отца Феодосия Святогорца и Леонтия Цареградца, **(л. 498 об.)** трудов его и терпения и неповинная изгнания от присных сожителей его. Но не поревновах того ангельскаго и безплотнаго жития — вредне (!) же быв и возлюбив паче духа плоть. Но вы, отцы, да будете ревнители сему чюдному отцу. Мне бо лепо глаголати и вся вам опасне предлагаю. Должники вы творя. Богу бо рекшу к пронырливому рабу аки ко мне: Почто таланта моего непредложи купцем, да аз пришел, с приплодом взял бых? Молю убо вас, отцы и братие, словесе моего в худости не (за)зрите. Без навычения бо есмь риторска и науки богословски и в лепоту не возмогу повести сея сотворити. Но веде вас, яко не противу слову неудобренну зрите, воз(з)ревше же противу силе моей собеседованную, послушайте мною **(л. 499)** исповедуемаго жития. Яко же святый Симеон Метафраст повествует: жития и похвалы святых подобятся светлости звездам. Яко же бо звезды положением на небеси утверждены суть, всю же поднебесную просвещают: тыжде и от индианов зрятся, ни сокрываются от скифов, землю озаряют и морю светят, и плавающих корабле управляют. Их же имен аще и несвемы, множества ради, обаче светлой доброте их чюдимся. Сице и светлость святых: аще и затворены суть мощи их во гробех, но силы их в поднебесной земными пределы не суть определенны. Чюдимся тех житию и удивляемся славе, его (!) же Бог угодившия ему прославляет, якоже прославил и есть сего угодника преподобнаго отца Иова. Его же дивное житие в просвещение и образ хотящим любовию работати Богови, писанием от дальних стран росийския **(л. 499 об.)** державы принесено последнему сему роду, от многих малая предложися сице.

О ЗАЧАЛЕ ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНАГО

Сей преподобный отец наш Иов рождение имея росийскаго царства, во едином от мест богоспасаемаго града Москвы, от предел града Волокаламскаго, от благочестиву родителю християнскаго закона болярска рода: от отца именем Тимофея, а прозванием Лихачева, матери же такоже боголюбивы. Имени же ея в забытии преминух: млад отрок остася в детске сир от матери. От святаго же крещения наречен бысть Иоанн. Отец же его приобщися по закону второму браку и мало поживе и ко Господу отиде в вечное блаженство. Вторая же его мати воспита во всяком благодеянии и вере и чистоте и целомудрию научила, яко присное чадо **(л. 500)** свое. Егда е бысть времени достиже в научение грамоте божественнаго разума, вдаде его мати учителю учитися буквам. Бог же искони провидя еже несоделанное очима, зря сего отрока, откры ему разумети вскоре писания, и всех сверстник своих превзыде, яко учителю его дивитися разуму его и прилежанию и тщанию ко церкви Божией, еже послушати чтомаго Святаго Писания. И вниде в сердце его благодать дара Святаго Духа, еже како угодити Господеви и спасти душю свою, и еже уединитися и устранитися мира сего суетнаго. И егдаже достиже до дванадесятаго лета возраста своего, не восхоте быти в волнении мирския красоты и богатства тленнаго, вся та остави Бога ради. И утаився матери и всех сродник своих, и отиде от дому своего яко един от нищих. И многая монастыри и места пустынная общед **(л. 500 об.)**.

О ПОСТРИЖЕНИИ (СВЯТАГО ОТРОКА) * ВО ИНОЧЕСТВО

Бог же видя теплоту сердца его и кипение разума божественнаго, и доведе его до пристанища жизни нескончаемыя, глаголю же пречестныя обители Святыя Единосущныя и Живоначальныя Троицы — ограды преподобнаго и богоноснаго отца нашего игумена Сергия Радонежскаго чюдотворца иже в Маковце. И молитву велию и слезы теплыя пролия ко пресвятей Троице, и у гроба преподобнаго Сергия любезне припадает и милости просит, еже у него водворитися и спасенну быти, и потом приходит и припадает к честным стопам тоя Лавры настоятелю преподобному отцу архимандриту Дионисию именем, мужю святу и чюдну житием, и молит и просит, еже быти ему во обители, и потрудитися на братию, и святаго иноческаго чина сподобитися от него. Преподобный же Дионисий, провидя духом премудрости отрока, еже в нем любви Божией **(л. 501)** исполнену быти, и прият его яко приснаго сына и сочетовает его ко братии, и посылаем бывает на всякую монастырьскую службу. Святый же сей отрок велие послушание ко братии показа и труды, и ко церкви тщание, и молитву ко Господу возсылая, яко

* Срезано, сохранились незначительные следы букв.

кадило благовонно И паки по времени молит преподобнаго отца Дионисия, еже бы сподобил его лику иноческаго достояния восприяти

Преподобный же видя слезы его и приводит во святую соборную и апостольскую церковь, и по обычаю постризает власы главы его и во иноческии образ облачает, и нарече имя ему вместо Иоанна Иовом, и сочетает братии, и приимает его себе во ученичество в келию. И поучает како быти младому иноку в послушании и целомудрии и чистоте душевней вкупе же и телесней и посту и молитве Пострижеся сей преподобный Иов в лето 7117 (1609) года, во младости яко мало более 17 лет **(л. 501 об.)** труды же и терпение и пост и молитву его кто изочтет Яко дивитися отцу его архимандриту и мнозей братии о бодрости и крепости телесней и зелному посту Еще во отрочестве навыкшему (!) и не вкушати животных заклаему (!), якоже поведают знаеми его пустынножители воздержание его.

Пребысть же преподобный многа лета во обители Пресвятые Троицы и преподобнаго Сергия Труждаяся на братию и наставнику своему отцу Дионисию во всем повинуяся, без лености ревнуя стопам его последовати и житию его святому подражати. По времени же довол(ь)не припадает ко отцу и просит благословения и молитвы от него, еже наедине в пустыне безмолвствовати и неславиму быти от человек

Преподобный же Дионисий сподобляет его благословения и молитвы и поучает его, како ополчатися к невидимым врагом и Христови работати верою **(л. 502)** истинною. Многа от писания святаго пользовав его, отпусти от себе, провидя в нем цветущую добродетель и веру во Христе

ОБ ОТШЕСТВИИ СВЯТАГО В ПУСТЫНЮ МОГИЛЕ(В)СКУЮ И О СОЗДАНИИ МОНАСТЫРЯ БОГОРОДИЦЫНА

Преподобный же отец наш Иов вооружися силою крестною и пойде пустынная места искати, иде же Бог наставит. Где обитати Обходит многия леса и дебри, ища места покойна, идеже мощно Богу работати, от мирския молвы удаляяся и все человеческое житие отринув, моляся Богу со слезами, направитися на место угодно, безмолвию и спасению подобно. И Богом вразумляем и наставляем, прииде преподобный в Новогородския пределы, во область Осташковскую и вселися в месте лесне и темне, зовому Могилеву, ископав в горе пещеру малу, и ту пребысть един безмолвствуя, единому Богу работая, и землю мотыкою копая и насевая от зелия пустыннаго, и тем тело свое питая, душу же **(л. 502 об.)** свою постом и молитвою насыщая. По случаю же некоему купцу заблудившу пути и в стремнины чаща леса впадшу, и обрете сего преподобнаго труждающагося, земныя плоды собирающа. И припадает той купец благословения прося и пути ко граду испытуя, велми плачася и обещание свое полагая Господеви Богу и Пречистей Богородице, да на сем месте созиждет церковь Пресвятыя Богородицы. Преподобный же, много поучив его о спасении души, и обещания своего не изменити. Купец же повеле ему пустыню строити и церковь поставити и келии созидати, понеже зело место угодно к монастырьскому строению, и вда преподобному милостыни сто рублев на созидание церковное. Святыи же путь ему указа. Сам же возложи упование свое на Господа Бога и Пречистую Богородицу и многи беды и искушения от бесовскаго мечтания претерпе и досаждения люта. Вооружив себе блаженный знамением честнаго Креста Господня и нача лес посека **(л. 503)** ти своима рукама и место отребляти и очищати ко строению Святыя церкви и вся приготови. И пойде к Великому Нову граду ко архиерею Исидору митрополиту бити челом о благословении сытыя церкви здати и о антимисе. Святитель же подаде ему на созидание церкви грамоту и всю потребную утварь вручи ему. Блажснный же велми благодарствуя Бога и Пречистую Богородицу, и нача строити на месте своем церковь во има Пресвятыя Богородицы, честнаго Ея Успения, в помощь призывая християнскую заступницу Пресвятую Богородицу. И прилагаше труды ко трудом и подвиги к подвигом, и разгарашеся яго огнь на божественную добродетель. И в то время един по единому начаша братия к нему приходити пустыннолюбцы. Святый же с радостию приимаше их, яко Богом посланнии, и поучаще их, како спастися. И вскоре созда церковь Пресвятыя Богородицы, и внезапу божиим изволением от огня сгоре до основания прежде (!) освящения храма. Прежде реченный (!) же купец по **(л. 503 об.)** времени прииде соглядати свое обещание и церковное строение, и виде згоревшу от огня, опечалился велми, виновна себе творя пред Богом и недостойна, и паки вторицею вручи преподобному отцу Иову сто рублев на создание церковное. И инии мнози християне начаша потребная ко церковному строению приносити. И воскоре совершиша вторую церковь Пресвятыя Богородицы, и та, Богу попустившу, от молнии згоре. Преподобный же благодарив Бога и Пресвятую Богородицу и братию утешив от печали, пойде сам ко православным христолюбцем на создание церковное просити милостыни. Овии начаша денгами подаяти, овии же младым скотом. И множество собрася всякаго скота, и сами разплодишася по пустыни ходяще. Молитвой же святаго отца Иова ни един зверь какой вреди скота его. И нача посылати братию по градом и продаяти скота, и тем имением паки третию церковь созда в похвалу Пресвятей Богородице честнаго Ея Успения, **(л. 504)** и святыми иконами украси ю яко невесту, и книгами

и ризами удоволи ея, и освящением освяти ея по благословению преосвященнаго Макария митрополита новгородскаго. От него же и священства сан восприя и строительства чин пастырства. Службы же и литоргии всегда сам служаше, и о благочестивом царе моляше: еж(е) бы Господь в мире и тишине и благоденствии пода ослабу християном от иноплеменных *. Пение же единогласное наречное любляше и сам на клиросе в церкви часто пояше, якоже и учитель его преподобный Дионисий архимандрит радонежский чюдотворец. И келии многим братиям сам созидая и древие рубяше сырое, и печи делаше, а угару в зимное время отнюдь не биваше молитвами его святыми. А спание его на ребрех николи же биваше, но сидя мало сна приимаше и до кончины своея. Многажды же сам пасяше и скот монастырскии меж службою и вечернею, а пастырей **(л. 504 об.)** посылаше в полуденное время отдыхати. Сам же втайне во блатех розблачася с комаром и оводом и мшицам плоть свою даяше ясти. О, велия мужа сего чюднаго самовол(ь)ное терпение, кто не ублажит! А егда же путем от царствующаго града Москвы шествоваше и где видя человека древняго леты и взимаше в монастырь свой, и доволяше его пищею и одеждою(!) и о спасении души его моляшеся. Таков бе страннолюбив и нищелюбив. Иногда же богомольцы и нищии прихождаху и милостыни прошаху, всем подаяше хлебы. Аще кто от братии поропщет святому сему, еже много даеши, он же вдвое и втрое подаяше. Хлеба же наипаче множашеся молитвами святаго, якоже напреди будет написуемо в чюдотворении его. Ово же пруды и кладези многи прекоповаше и мелницы строяше **(л. 505)** и труждашеся, образ собою всем братиям показоваше. Многих же неверных человек поляков и татар и черкас и корелов привождаше учением своим во православную христову веру. И сам крестяше их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, без лености до старости в бодрости и силе пребываше. И в крестном хождении отнюдь недаяше себе вести дияконом на высокия горы Льговския, сам о себе идяше в такой древности. И тако пасяше христоименитое стадо словесных овец своея ограды. Слово бо его полезное и сладостное ко всем великим и малы любезное а не гневное и не гордостное, всем угождаше Богу и человеком.

* Речь идет о времени польско-литовского вторжения.

О ИЗГНАНИИ ИЗ МОНАСТЫРЯ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА ИОВА

Искони же ненавидяи рода християнскаго враг диявол востает и водвизает во братии мятеж и ропот на преподобнаго сего мужа **(л. 505 об.)**, пустыннолюбца и страннопитателя и нищеприятеля, яко всегда литоргисаше, и многажды всеношная пения многим святым пояше и служаше. И худость ризную многошвенную его ненавидяху и гнушахуся, яко невежди и поселянина. И то яко странным много раздаваше хлеба, и скудость себе мнеще терпети, а неведуще враждующии, яко молитвами его святыми вся преизобильствует во обители его. Преподобный же отец наш Иов строитель, дая место гневу роптавшим братиям, отиде втай нощию никому же ведущу в далечайшия пустынныя места, ища безмолвия. Ничтоже взем, ни пищи ни одеяния, но токмо сам себе пасяше и соблюдаше душу свою от вражия сети и пронырства лукаваго. Многи стремнины и блата и чаща леса обыйде и многажды со зверьми в разселинах и пещерах горских обиташе, Божиею помощию покрываем от них, никоея пакости прием, неякоже от ропчющих иноков.

О ПРИШЕСТВИИ ПРЕПОДОБНАГО В РАКОВУ ПУСТЫНЮ

Бог же, видя его пустынное пребывание, доведе его в место зовомо Ракова пустыня на речке глаголеме имя рек, и возлюби **(л. 506)** е зело. И сотвори молитву Господеви, и постави крест и малу хлевину, понеже место угодно бе ему безмолвствовати, от человеческие молвы удалено. И пребысть многое время ту подвизаяся и труды ко трудом прилагая, и пост к посту, зелнейши себе удручаше воздержанием, тело же свое питаше вершием дубовым, до конца смирив себе и очисти душу свою яко зерцало. Бог же премилостивый паки устрояет его пастырем, еже пещися ему душами християньскими, посылает к нему от далечайших стран иноков Бога ради странствовавших. И моляху преподобнаго отца, еже сожительствовати с ним вкупе, и святыни его сообещники быти и ревновати во всем добродетели его. Преподобный же толико беззлобив, паки братию Богом посланных приимаше, повсюду бо слава об нем происхождаше, неможе нигде укрытися.

О СОЗДАНИИ ЦЕРКВИ И МОНАСТЫРЯ БОГОРОДИЦЫНА

По времени же многих христолюбцов милостыни подаянием и церковь постави в похвалу Пресвятыя Богородицы честнаго ея Покрова, славословие Божие. Такожде украси ю иконами и книгами и ризами и всякою утварию церковною. Паки таяжде добрая дела творяше и поучаше **(л. 506 об.)** братию посту и молитве и любви нелицемерней между собою. Веру же

истинную держати непорочну, и латыньския ереси уклонятися, последовати же Святых Отец преданию седми Вселенских Соборов. Сам же всегда во трудех пребывая, работая на братию: ово дрова сецаше, ово же жито меляше своима рукама, и воду ношаше. Иногда же и власяницы мыяше на престаревших иноков, и всем им служаше, яко истовый раб или пленник. Бе, бо зело бодр и крепок телом. Мнози же слышаху окрестнии и далнии жителие, велми удивляхуся жестокому его труду и терпению и блажаху его. Преподобныи же, бегая славы, отнюдь ненавидя славим быти от человек, желаше бо любиму быти ему от Бога, уклонися паки в пустыни и дебри, и многое время един Богови работая.

О ПРИШЕСТВИИ К МОСКВЕ ПРЕПОДОБНАГО ИОВА И КАКО БЫСТЬ У СВЯТЕЙШАГО ПАТРИАРХА В КЕЛЕЙНИКАХ

Божием же изволением невкое время дойде царствующаго **(л. 507)** града Москвы, еже помолитися святей соборней церкви и святым угодником, Божиим, честным ракам их достигну-ти и мощем их приложитися. Мановением же и действием Пресвятаго Духа извещение прим пресвятейший патриарх Филарет Никитичь Московский и всея Росии, присмотре сего преподоб-наго Иова пустынножителя, и пригласи его к себе и благослови десницею своею, и повеле ему ити после божественныя литоргии в келию к себе, и приобщи его к трапезе своеи, и потом вопроси его, кто и откуду и где пребывание его. Блаженный же отец вся по ряду бываемая поведа ему о себе, крайнему пастырю. Святейший же патриарх возлюби его зело за толикий труд иночества, и повеле ему у себе в келии пребывати, насыщаяся добродетельми его божественными. И многое время пребысть у него в послушании, паки воспомяну преподобный пустынное **(л. 507 об.)** свое первое житие, не восхоте славы сея маловременныя. По пророку (!) Давыдову словеси, се удалихся бегая и водворихся в пустыню.

О ОТШЕСТВИИ ПРЕПОДОБНАГО В ПУСТЫНЮ ОТ СЛАВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЯ

Се же помыслив преподобный то и сотвори: утаився пресвятейшаго патриарха и отиде паки на прежнюю свою пустыню Могилевскую. Братия же вси возрадовашася о пришествии его а прежде негодовавшии иноцы на святаго, прежде его в бегство, претворившеся инамо. Егда же святейший патриарх Филарет ко Господу отиде, преподобный же паки ища безмолвия на пустынное житие обратися. И прииде в пределы града Тфери во Верховской стан Старицскаго уезда на речку Держичю, в Красныя горы, и возлюби место сие, и нача жителствовати един о Христе Бозе, инаго брата себе не имея. Господь же и ту его пришествием место освяти и уготова любящим его воистинну, посла своя рабы к нему на подвизание и на создание сея пустыни, во дни святейшаго Иоасафа перваго патриарха Московскаго и всея Росии, при преосвященном епископе Нектарии **(л. 508)** Тферском и Кашинском. Нигде не може блаженный утаитися и укрытися. Господь бо рече: славящая бо мя прославлю пред ангелы и человеки. Не может бо град укрытися верху горы стоящ, ни светимник под спудом или под одром держимый, но на свещнице поставляемый да светит всем, иже во храмине суть. Тако и сему преподобному мнози христолюбцы желающе отцем и пастырем его имети, и ревнующе его благоговеинству, моляху его, да созиждет дом молитвенный на словословие Божие. Преподобный же аще и не хотяше, но повинуяся братии и созда церковь малу во имя великого во ерарсех святаго Николы чюдотворца, также с Божиею помощию и Пресвятыя Богородицы, снабдеваем христоименитыми людьми их подаянием.

О СОЗДАНИИ НИКОЛЬСКАГО МОНАСТЫРЯ ПРЕПОДОБНЫМ ОТЦЕМ ИОВОМ

Повсюду бо яко луча солнечная осиявающи добродетельми своими и досязающи в слухи до царствующаго града Москвы и до его царскаго Величества Государя и Царя Михайла Феодоро-вича всеа Росии самодержца. По преставлении Святейшаго Иоасафа патриарха царским повеле-нием и всего Освященнаго Собора всем властем собранным бывшим в царствующии **(л. 508 об.)** град Москву, доиде же царсткое повелительство и до сея пустыни Святаго Николы чюдотворца, еже быти преподобному отцу нашему на Соборе со святители. Еже нужда бе ему укрытися и с великою печалию пойде до Московскаго царства. И егда предста царскому лицу и всему освященному Собору и много избрания сотвориша меж себе по Апостолу по жребию. И паде жребий на дву достойных престола архиерейскаго седалища: на Симановскаго архимандрита Иосифа и на сего блаженнейшаго Иова отца нашего и пастыря. И царева избрания ради много

нудим бе, еже прияти сан архиерейства. Святый же, видя себе отовсюду утесняема, не восхоте пустыню оставити, претвори себе Бога ради уродством и невеждою, аще и саном и брадою величества и доброгласием украшена. Но обаче божиею помощию покрываем, утаися всего собора и царскаго величества и бежа во свою пустыню желанную, окрылате умом, яко серна от тенята. И паки радость сотвори учеником своим и много благодарение Богови возсылая и Пречистеи Богоматере (!) и великому заступнику **(л. 509)** Николе чюдотворцу. И того ради обет полагает преподобный отец святым верховным апостолом Петру и Павлу, еже создати храм во имя их зде во пустыни, что на их память Господь его укрыл от избрания царева и всего Освященнаго Собора на пастырский престол патриаршества. Разумейте, христолюбцы, блажен-наго сего мужа, еже не восхоте сана величества прияти себе. Но паче пустынное житие лобзаше, поминая Господне слово глаголющее, еже кому много дано, много и взыщется от него; и Приточника глаголюща: еже бо чести многи воздвижют во человецех брови и отменяют в человецех крови; жестоко убо быти в сану высоком. Се же преподобный помыслив то и сотвори бегство Христа ради, и Божиим изволением и милостынею христолюбцов созда церковь Святых апостол Петра и Павла во ограде своей, и освяти ю сам **(л. 509 об.)**. И иная многая строения в пустыни сей полагая труды своими, не дая себе покоя телеснаго никогда же, но присно в подвизех пребывая день и нощь, собою братии образ показуя всем.

О ОТШЕСТВИИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА ИОВА ВО ГРАД КИЕВ И В ПЕЩЕРЫ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЕЦ

(В л)его 161 (го)ду (1653)*. Некогда бо прииде ему желание духовное, еже посетити ему святая места Богом спасаемаго града Киева дойти, и Богом зданныя пещеры преподобных отец Антония и Феодосия видети, и Святым мощем помолитися о нашедшем серпе немилостивем на Рускую землю мороваго поветрия. Чтобы Господь милостивым оком призрел на нас грешных и недостойных рабех своих. Еже и сотвори блаженный обещание свое, предложи учеником своим, еже достигнути святых пещер. Братия же много сетующе по нем и много молиша его со слезами, еже не оставити их сирых неимуще такова пастыря себе. Преподобный же отец наш Иов предложи **(л. 510)** им свое боговдохновенное учение от святых отец и мало утешив их от печали, яко присная своя духовная чада, обещася по молитве паки возвратитися, аще Господь Бог и Пречистая Богородица изволит и угодник их великий святитель Николае чюдотворец. И потом поручи братию Господеви и благослови их, пойде в путь свой, взя единаго токмо ученика и сопостника своего Феодосия именем Святогорца. И достизают града Киева и святыя соборныя церкви Премудрости Божии Софии, и пещер преподобных отец. И любезно к мощем их припадают и молятся о себе и о всем православном християнстве. Приидоша же и во обитель Пресвятыя Богородицы Межицкаго монастыря, и ту селитву себе и обитание приемлют, и прочия святыя места обходят. Таможе обретает себе ученика и послушника некоего дворянска рода именем Иоанна Петрова ** пореклу Савеловых, желающа иноческаго чина вседушно **(л. 510 об.)**. Преподобный же сподобляет его иноческаго чина постризает его во святый ангельский образ и нарицает по писанию именем Иоаким. И поучи его от писания божественнаго, како подобает иноческое житие проходити непорочно и соблюдати обещание свое. И тако вси трие вкупе пребыша во граде Киеве и Межицком монастыре. И потом возвратишася паки в Великую Росию в Лавру Святаго Николы чюдотворца с новопостриженым учеником Иоакимом. И мало поживе в келии преподобнаго отца Иова в послушании, и отиде по благословению во град Можаеск посетити отца своего Петра при старости (иже бысть последи на Москве патриархом) ***. Паки же да речем вам, иночествующих лицы, еще о блаженнем, елико слышах от ученика его священноинока Святогорца Феодосия, еже многих его трудов и подвизаний самовидец **(л. 511)** быв и ученика же его старца Тихона.

---

* Написано рукой писца на левом поле листа.
** Отчество вписано рукой писца на нижнем поле листа.
*** Квадратные скобки поставлены писцом в тексте.

Окончание в первом номере «Церкви».

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ВЕНЕЦИЯ

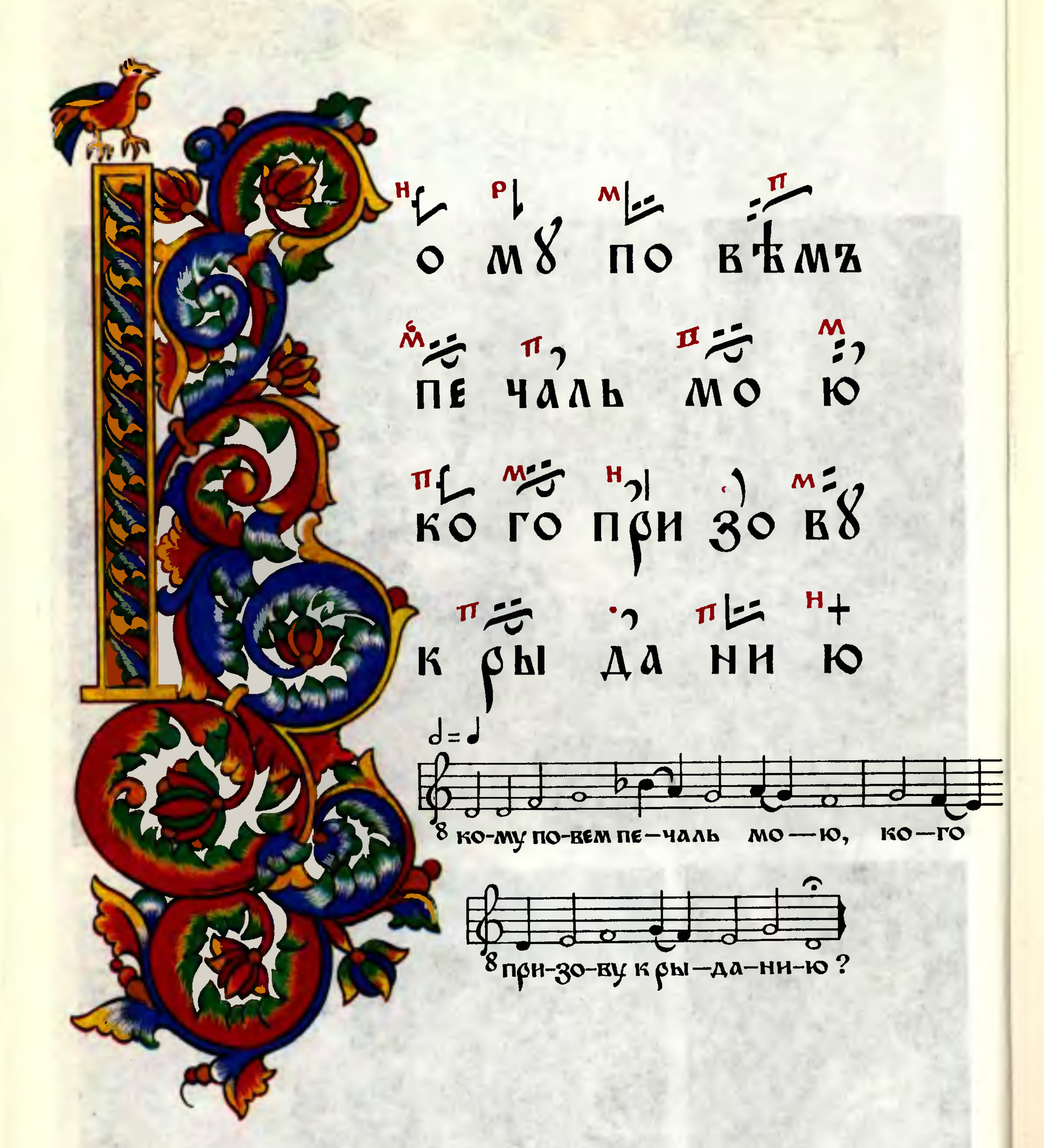
Фотографии ВЛАДИМИРА ЛАГРАНЖА

Небольшой городок Вилково, расположенный в дельте Дуная, летосчисление свое ведет с середины XVIII века. Основан и заселен в большинстве своем старообрядцами. Здесь, в труднодоступных плавнях, наши предки укрывались в стародавние времена от преследований за истинную веру свою.

Благодатный климат, изобилие рыбы и дичи — все располагало к устройству поселения в этом краю. Не было только твердой земли, на которой можно было бы поставить дом, завести хозяйство. Однако природная смекалка помогла русскому человеку и здесь. Со дна лимана без устали черпали грунт, складывали его в островки, которые постепенно росли в окружении рукотворных каналов. Природа же подсказала и самый приемлемый тип жилища: строили его на легком деревянном каркасе, из камыша и глины. Зимою в таких домах тепло, а жарким летом они спасают от зноя.

Местные женщины в основном занимаются огородничеством, а у мужчин главное дело — рыбацкое. Потому и самый почитаемый в здешних краях святой — Никола-чудотворец, покровитель мореходов и рыбаков. Николин день и сегодня является традиционно нерабочим, празднуется особенно торжественно.

Предметом неизбывной гордости вилковцев являются колокола, которые они бережно сохранили до наших дней. К колокольному звону вилковцы относятся с особым благочестием и ревностью, считая его святыней и достопримечательностью своего города.

Издавна в Вилково было два старообрядческих храма. В печально известные времена один из них был у прихожан отобран, потом сгорел. Сегодня вилковцы полны решимости его восстановить.

Кому повем печаль мою,
кого призову ко рыданию?
Токмо Тебе, Владыко мой,
известен Тебе плач сердечной мой.
Самому Творцу, Создателю,
и всех благих подателю.
Кто бы мне дал источник слез,
я плакал бы и день и нощь.
Кто бы мне дал голубицу,
вещающу беседами,
возвестила бы Израилю,
отцу моему Иякову:
— Отче, отче Иякове!
Пролей слезы ко Господу.
Не знаешь ты, Иякове,
о своем сыне Иосифе.
Твоя дети, моя братия,
продаша мя во ину землю.
Исчезнуша мои слезы
о моем с тобой разлучении.
Умолкну гортань моя
и несть того, кто б утешил мя.
Земле, земле, возопившая
ко Господу за Авеля,
возопи ныне ко Иякову,
отцу моему Израилю.
Видев я гроб своей матери
Рахили, начал плач многии.
Токи струями явилися,
перси слезами мочилися.
— Увиждь, мати, Иосифа,
востани скоро из гроба.
Твое чадо любимое
ведомо есть погаными.
Моя братия продаша мя,
иду ныне в работу к ним.
Отец же мой не весть сего,
что сын ныне лишен его.
Отверзи гроб, моя мати,
прими к себе чадо свое.
Буди твой гроб тебе и мне,
умру ныне я горце зде.
Прими мя, мати, лишеннаго,
от отца моего разлученнаго.
Внуши, мати, плачь горкии
и жалостный глас тонкии.
Виждь плачевный образ мой,
прими мя скоро во гроб твой.
Не могу аз больши плакати,
хотят врази мя заклати.
Рахиль, Рахиль, не слышишь ли,
сердечный плач не примешь ли?
Призывал много Иякова,
не услышал он моего гласа.
Ныне зову к тебе, мати,
держат мене супостати.
Смутилися поганыя
купцы злии агаряне.
— Не дей чары, Иосифе,
не вводи в печаль господей своих.
Прободем тя на сем месте,
погубим злато, за тя данное.
Тогда купцы поверили,
дряхлое лице уведели.
— Скажи, наш раб Иосифе,
за что продан в работу к нам?
Тех ли ты раб или пленник,
но любезный сын Израилев?
— Пастуси же суть мне братия,
единаго отца есмы.
Послан аз был отцем моим
доити скоро к братьям своим.
Братия мя вам продали,
в работу вечно отдали.
Рекли ему вси мужие:
— Не плачь, не плачь ты, юноша.
Несть ты нам раб, но буди брат,
в славе будешь в велицей там.
Послали весть ко Иякову
о своем брате Иосифе.
— Мы нашли ризу своего брата,
на горах лежит повержена.
Отче, отче Иякове,
сия риза твоего сына.
Впечали же мы вси о нем,
горки слезы и ты пролей.
Пестру ризу послахом ти,
А Иосифа нельзя найти.
Познай и ты его ли есть,
Иосифа нигде же несть.
Зрит Ияков в крови ризу,
поверг себя лицем низу.
Возопи с плачем, с рыданием
и горким воздыханием:
— Сия риза моего сына,
козья несет от нея псина.
Почто не сьял меня той зверь,
токмо бы ты был, сыне, цел.
Почто не встретил мя той зверь,
тако всего мя скоро сьял.
Увы мне, увы, Иосифе,

утроба болит весма во мне.
Увы, увы мне, сыне мой,
где растерзан есть весь
возраст твой.
Растерзан бы аз шед един,
мои слезы испустил там.
Не хощу аз на свете жить,
по Иосифе в печали быть.
Чадо мое пресладкое,
вина бых аз твоей смерти.
Убил, чадо, пославый тя
зрети стада и чада вся.
Восплачю аз, возсетую,
чадо мое есть мертвое.
С плачем моим во ад сниду,
тамо бо тя, сыне, найду.
Ризу твою вместо тела
положу пред ся, Иосифе.
На ин разум приводит мя —
риза твоя есть вся цела.
Не вредил зверь твоего тела,
тя убиц рука умертвила.
Жизни сея лишила есть...
Растерзал бы зверь твою ризу,
повергши зле с тобой книзу...
На твоей ризе не быть
признак.
Токмо сьяден един твой зрак...
Умру, чадо Иосифе.
Не хощу зрети сего света...
— Продали купцы Иосифа
служити царю неверному,
Петерфириеви поганому,
злому мужу лукавому,
взяли цену премногую.
— И быть у него слугою мне,
поручен мне весь дом его.—
И радость всем рабом его
злая жена Петерфириева.
Прельстить его умыслила,
всегда себя украшала.
Иосифа же прельщала:
— Дерзни на мя, Иосифе.
Никого отнюдь не боися,
моего мужа не убойся.
Иди ко мне, Иосифе,
отраву дам, уморю его,
жизни сея лишу его.
Иосиф же рек госпожи своей:
— Погибель есть души моей,
не хощу сего сотворити.
Не хощу Бога разгневати! —
Возопи ко Творцу ко Господу:
— Боже, Боже отец наших,
избави мя от сего зверя,
не хощу умереть, жены деля...
Отче, отче Иякове!
Пролей слезы ко Господу,
впадох в беду вселютую.
От жены стыда неимущия...
Молись, отче Иякове,
о своем сыне Иосифе,
да избавлюся беды сея.
Избегнуть могу беды сея.—
О злая жена безстудница,
Петерфириева блудница,
вселукавая пагубница
держит крепко Иосифа,
влечет его к себе в ложницу.
Остави же он свою ризу,
избег скоро от нея низу.
Зрит себе она посрамлену,
сшивает лесть несказанну.
Взявши ризу, кажет мужу:
— Почто купил сего раба,
жидовина прекрасного,
дому всему невернаго? —
Веру поят Петерфирии
своей жене всепрескверней,
всадил его во темницу
за жену свою всескверницу.
Иосиф же сказует сон
двоим рабом фараоновым.
Един от них он молится
ис темницы свободитися:
— Никих злых дел
неповинен есть,
воистину един Бог весть.—
Фараон же, царь египетский,
видит он сны зело страшны.
Призывает царь Иосифа,
вопрошает о снах несказанных.
Иосиф же сон толкует,
глад велии всем сказует.
Вторым царем быть Иосифу,
в свою руку жезл приемлет.
Его царем называют,
царство ему все вручают.
Житие мирно провожают,
славу Богу возсылают,
всегда его воспоминают
во вся веки веком, аминь.

УПОЕНИЕ СТИХОМ

Старообрядцы ревностно и верно сберегали старину, связанную с Церковью; сохранили они и древний чин богослужения, и древнее, церковное пение, исполняемое не по нотам, а по особым знакам — крюкам, пришедшим не позднее XI века из Византии. Первоначально этими знаками записывалась только мелодика церковных песнопений. Но уже в конце XV — начале XVI века (сколько мы можем судить по известным сегодня рукописям) появляются и крюковые записи мелодий песнопений на религиозную тему, но не связанных непосредственно со службой в церкви,— так называемых «стихов покаянных». Их мелодии, однако, практически не отличались от мелодий традиционного знаменного роспева. Но в XVIII веке положение меняется. В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в фонде известного собирателя старинных книг Е. В. Барсова (ф.17) имеется рукопись, написанная в 1720—1740 годах. В ней среди всего прочего есть и первая известная нам запись собственно крюкового духовного стиха. Текст его уже не похож на тексты стихов покаянных, копирующих строение стихир; это типичные для того времени силлабические стихи с рифмовкой. Да и мелодия представляет собой уже не прежний «непрерывный поток» (как она льется, например, в песнопениях знаменного роспева), а повторяется через две строчки, как бы «куплетами». К концу XVIII — началу XIX века записей подобных стихов в старообрядческой среде появляется уже столько, что из них составляют целые сборники — стиховники.

Сейчас трудно сказать, что же было причиной подобного взрыва. Возможно, сыграло свою роль усовершенствование, введенное в крюки в конце XVI — начале XVII века,— особые значки, называемые «пометы», уточнявшие высоту звука. До этого крюками было трудно записать какую-либо мелодию, не состоящую из формул знаменного роспева — попевок, ибо попевки заучивались на память, а крюки только напоминали певцу мелодию. С введением помет крюки стали более точно передавать мелодию, и появилась возможность записывать различные напевы. Так, очевидно, и появились записи духовных стихов...

Мелодика большинства этих сочинений сохраняет некую общность со знаменным роспевом, но не более того. В ней чувствуются иные влияния: народной песни, иногда — канта XVIII века, а в более поздних появляются интонации так называемого городского жестокого романса, но воспринятого как бы через призму старинного пения; нередко обороты, свойственные знаменному роспеву, соединяются между собою в мелодии стиха по канонам романса.

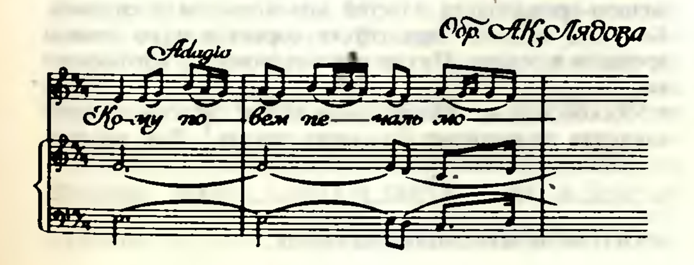
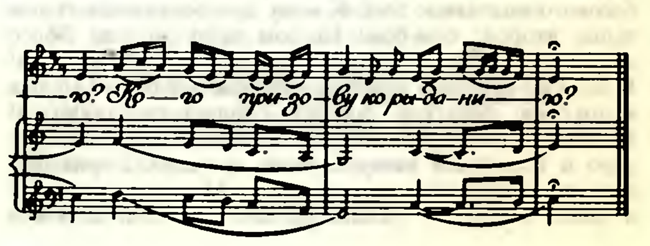
Начать эту публикацию мы хотели бы с одного из наиболее ранних (если судить по известным нам записям) стихов — стиха об Иосифе Прекрасном, начинающегося словами: «Кому повем печаль мою...» Он и по сию пору является одним из наиболее известных.

Существует множество его вариантов, записанных фольклористами в самых разных уголках России, не только у старообрядцев. Особо примечательно, что все эти варианты весьма схожи между собою — как по тексту, так и по напевам; крюковые же записи стиха (самого разного времени, из самых разных мест!) почти точно повторяют друг друга, причем крюковой напев довольно близок к мелодиям, записанным фольклористами. Очевидно, этот стих уже давно поется на Руси, скорее всего еще до реформ Никона, и был в XVIII веке записан старообрядцами, тогда, когда никто другой записывать его и не думал. Мы приводим два образца напева этого замечательного стиха. Первый — крюковой — взят из рукописи, написанной вскоре после 1818 года; второй представляет собой обработку для голоса с фортепиано замечательного русского композитора А. К. Лядова, сделанную им по фольклорной записи конца XIX века в Палехе. Нетрудно заметить, что их напевы весьма схожи. Видно и иное — своеобразие напевов. В них чувствуется влияние народных песен (особенно в варианте Лядова и в начале и в конце крюкового). Вместе с тем в обоих напевах есть и нечто иное, отличное от народных песен. Строгость, малый объем лада, заунывность (прекрасно согласующаяся с сюжетом плача Иосифа Прекрасного) — все это говорит о влиянии и старинных напевов, и в первую очередь знаменного, но насколько прочно и органично это соединение! То же можно видеть и в тексте, в котором просто-народные обороты речи легко и непринужденно соединены с церковнославянскими. Это придает стиху возвышенность и в то же время задушевность; библейская история словно становится чем-то близким, родным, щемящим до слез, но мы не забываем, что имеем дело не просто с историей человека, но с чем-то бесконечно более важным и вечным...

В других стихах, как правило, нет такого идеального соединения древнецерковного и народного. Но об этом — в следующих номерах.

Лев ИГОШЕВ

НЕОБХОДИМОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

В целом мелодические различия между строфами обусловлены только длиной строки и малозначительны, а потому не оговариваются нами специально. Имеет значение только одно из них: конец первой строки («мою» в примере мелодии) оканчивается на ноте «фа» лишь в строфах 1—11, 30—34, 59, 80, 83—100, в остальных случаях там имеется нота «ми», при сохранности в целом напева. Это особенность изложения этого стиха в данной рукописи. Следует отметить, что крюки в ней не имеют признáков.



В ОЖИДАНИИ БЛАГОВЕСТА

О жизни Рогожского кладбища в 20-е и 30-е годы вспоминает ГАЛИНА МАРИНИЧЕВА

«Как-то поздно вечером, подойдя к окну, я увидела внизу словно бы ночное небо с ярко светящимися крупными звездами... В храме закончилась Всенощная, за которой молящиеся стояли со свечами, и теперь по окончании службы каждый прихожанин понес свою горящую свечу домой, чтобы этим огоньком зажечь лампады пред иконами. С тех пор понятие всякого торжества настолько глубоко соединилось во мне с картиной звездного неба, что и сейчас при слове «праздник» я вижу сияющие звезды».

Середина 20-х годов, страницы раннего моего детства.

Рогожское кладбище. Или, как его теперь называют, Рогожский поселок...

Что ярче всего запечатлелось в памяти? Пожалуй, музыка колокольного звона, пробуждавшего меня по утрам. Вот прозвучал первый удар самого большого басового колокола: бом! К нему присоединяется тоном выше второй: бом-бом! Следом зазвучал еще более высокий голос третьего колокола: бом-бом, бом-бом! И вот уже вступили нежные, серебристые голоса малых колоколов: бом-бом, бом-бом, дили-дили, дили-бом! И понеслись окрест ликующие звуки, возвещая доброе утро и торжество наступающего праздника, призывая всех присоединиться к торжеству. Мне казалось, что я даже явственно различаю, как большой колокол степенно, басовито выговаривает: «К нам! К нам!» А все остальные колокола вторят ему радостными подголосками: «К нам — в храм! К нам — в храм!»

Увы! Этот звон колокольный с Рогожского кладбища сохранился лишь в памяти старожилов, а таковых уже немного...

Полвека спустя мне пришлось слышать в записи знаменитые ростовские звоны. Но перезвон рогожских колоколов запомнился мне более звучным, а сама мелодия — красивее, торжественнее.

Может, так и было. Старообрядцы никогда ничего не жалели для благоукрашения храмов и торжественности богослужений. И, как я слышала от пожилых прихожан Рогожского кладбища, в отливаемые колокола добавлялось немалое количество серебра, а некоторые, говорят, и вовсе были отлиты из чистого серебра. Этим, наверное, можно объяснить их необыкновенно звучный и мелодичный голос.

Не помню точно, пожалуй, году в 28-м по распоряжению гражданских властей колокола стали снимать. Большой колокол при спуске сорвался и со стоном врезался в землю. Позже одни старожилы Рогожского кладбища уверяли меня, что видели наши колокола в Московском Художественном театре, другие — будто слышали их в операх Большого театра[1]. Так ли, нет, но колокольня Рогожского кладбища, лишенная возможности говорить, простояла в молчаливом оцепенении до 1988 года.

[1] Подробнее об этом вы можете прочитать в материале «Из МХАТа — на колокольню» на стр. 33.

Первые годы моей жизни прошли в доме, находившемся напротив нынешней Митрополии (недавно дом был снесен). Квартира помещалась на 2-м этаже. Както поздно вечером, подойдя к окну, я увидела внизу словно бы ночное небо с ярко светящимися крупными звездами. Но в отличие от небесных светил эти звездочки двигались, одни быстрей, другие медленнее. В полном недоумении я позвала маму, и она объяснила, что это праздник: в храме закончилась Всенощная, за которой молящиеся стояли со свечами, и теперь по окончании службы каждый прихожанин несет свою горящую свечу домой, чтобы этим огоньком зажечь лампады перед иконами. С тех пор понятие всякого торжества настолько глубоко соединилось во мне с картиной звезд, что и сейчас при произношении слова «праздник» я вижу сияющие звезды.

Сильное впечатление производило на меня и само богослужение в храме. Величественный вид Покровской церкви, парящие в воздухе паникадила, бесчисленные трепещущие огоньки свечей и лампад, духовенство в сверкающих парчовых облачениях, самый вид молящихся — длиннобородых мужчин в кафтанах, женщин в цветных сарафанах с «золотыми» пуговицами и в белых шелковых платках — все привлекало и радовало праздничной гаммой красок.

Своеобразное впечатление производило и церковное пение.

Я различала в нем только два голоса — мужской и женский.

Каково же было удивление, когда я узнала, что поют не два человека, а целый хор, но настолько слаженно, что все голоса сливались воедино. С той поры у меня появилась мечта — петь в церковном хоре, но осуществиться ей было суждено еще не скоро.

Богослужение проводилось в двух церквах: с праздника Пасхи до праздника Покрова — в летнем Покровском храме, а с Покрова и до Светлого Христова Воскресения — в зимнем, освященном во имя Рожества Христова.

Рожественский храм я помню смутно. Припоминается только, что при входе в него, на паперти, была решетка отопления, откуда веяло ароматным теплом, и, входя с мороза, я сразу же ощущала атмосферу отдыха и умиротворения. Да и сам храм, несмотря на внушительные размеры, был всегда как-то по-особому уютным.

Летом 1929 года власти объявили, что зимняя церковь подлежит закрытию. После такого известия было решено, несмотря на летнее время, отслужить в храме прощальную службу. И вот на праздник Преображения Господня в Христо-Рожественском храме были совершены всенощное бдение и святая божественная литургия — в последний раз! Чтение канона Преображению Господню в это прощальное богослужение исполняла замечательная певчая Рогожского кладбища, тогда совсем юная, Александра Андреевна Зубова. О том, каково было настроение молящихся, нетрудно догадаться.

Храм был закрыт, крест и главы снесены, замечательная настенная роспись уничтожена... А к Пасхе 30-го или, может быть, 31-го года в бывшем здании храма открыли столовую. В первый день ее работы на одном из столов красовалась «пасха», сделанная из картошки и политая киселем... Вскоре при столовой появился буфет со спиртными напитками. И на той самой площадке, где еще недавно взоры верующих поднимались к куполу храма с крестом и произносились молитвы, пьяные изрыгали сквернословия и богохульства. От столовой ветер доносил далеко не аппетитные кухонные ароматы, смешанные с запахами винного перегара из буфета и непромытых туалетов, сооруженных при входе, на бывшей паперти. Воистину на святом месте храма Божия воцарилась «мерзость запустения».

Вскоре стало приходить в упадок и само здание. Памятник русского зодчества превращался в полуразрушенный грязный свинарник, с кучами мусора и гниющих пищевых отходов...

В годы войны в подвале здания было устроено бомбоубежище, а когда надобность в нем отпала, здесь разместилась какая-то фабричонка.

В 70-е годы столовую наконец закрыли, и помещение передали сначала Мосаттракциону, а затем под склады музеев Московского Кремля с обязательным условием — привести здания в приличный вид. Кое-какие ремонтные работы были выполнены, но явно недостаточные. Но уже то хорошо: не стало здесь больше пьяных хулиганов.

После закрытия зимнего храма предполагалось и летний приспособить под театр. Лишь чудом храм уцелел, существует и поныне — сам как чудо, как осколочек Древней Руси, храм мой родной, любимый... Всю жизнь хожу сюда и все равно не могу каждый раз унять волнения.

Величавые колонны.
Купол тонет в вышине.
Фрески, древние иконы,
Свечи в трепетном огне...

Чувство мира и успокоения неприметно овладевает душой. Взгляд устремляется к иконам. Кажется, что старинные мастера, писавшие их, провидели будущее и старались мглу грядущих веков прорезать светлым лучом своих творений. Пусть исстрадавшаяся душа, страждущая истины, увидит свет и поймет, куда ей идти, во что верить, на что надеяться и что любить. Рукотворные образы столь прекрасны, одухотворенны, что искусство их написания кажется непостижимым таинством. В этих иконах, особенно школы Рублева, таинственно отражен тот невещественный свет Божественной Славы, который не погас в веках и дошел до наших дней. Этот свет рассеял тьму язычества, утверждал голос совести, дарил мудрость, силу и мужество. Справа, у алтаря, икона XV века — образ Спасителя. Искусствоведы считают, что она принадлежит кисти ближайших учеников Андрея Рублева. Некоторые приписывают ее авторство самому великому художнику.

При созерцании этой иконы невольно вспоминаются слова тропаря: «Весь еси, Спасе мой, сладость, весь еси желание и любовь воистину ненасытная, весь еси доброта несказанная. Твоея красоты наслаждатися благоволи и божественныя доброты Твоея сподоби» (песнь 9-я канона за умерших).

Трудно передать обыкновенными словами силу воздействия, исходящую от этого образа. Свои чувства я даже когда-то попыталась выразить стихами:

Какое множество икон в Покровском храме!
И перед каждой я склоняюсь головой.
Они сияют мне, как маяки в тумане,
Своею истинной, нетленной красотой.
Но среди них одна — как солнце среди звезд!
(Быть может, труд сей самого Рублева?)
Немею перед ней, не вымолвлю ни слова
И не могу сдержать бегущих слез.
Не верится, что бренная рука
Своей здесь кистью тленною водила,—
Мне Высшая здесь чувствуется Сила,
Что нам дала сей образ на века!
Живой Христос стоит передо мной.
Каким-то внутренним огнем лицо сияет.
В его чертах — величье и покой,

А взгляд к любви и миру призывает.
...Он — Неба Вечный Сын, но Он и Сын Земли,
Вселенной Властелин, но Он и наш Спаситель,
Он сострадает горестям людским
И призывает в горнюю обитель.
В смятеньи опускаю я глаза,
Не смея видеть чистоты блистанье...
Как тяжко стало мне греха воспоминанье!
Из глаз скатилась горькая слеза...
Какая боль в душе! Как захотелось мне
Быть пред Его лицом в одеждах чистых,
Чтоб не стыдиться этих глаз лучистых
И жить достойно на земле.
И голос слышу я: «Сыны Мои и дщери!
Очистите сердца, не пребывайте в зле!
Я вас зову! Мои открыты двери!
Я жду вас, жду... Грядите все ко Мне...»

А вот другая икона — «Казанской Царицы Небесной» монастырских писем XVII века. (Находится на первом от алтаря столбе с левой стороны.) Взгляд Божией Матери устремлен прямо на нас, в глубину сердца, он будто бы высвечивает все темные пятна на одеянии вашей души. Но вместе со строгостью во взгляде этом сквозят и нежность, сострадание и мягкость. Перед этим образом хочется молиться, молиться...

И точно так же другие иконы Покровского храма вызывают настроения душевного мира, любви — всего того, что необходимо для христианского единения в молитвенных общениях верующих.

После закрытия зимнего храма все службы в течение круглого года стали совершаться в летнем Покровском храме, который остался в ведении Московской Старообрядческой общины Рогожского кладбища. В зимнюю стужу тонкие стены его промерзали насквозь, покрывались изнутри инеем, который при скоплении молящихся таял, и тогда стены начинали «плакать». Тускнели и трескались фрески, приходили в негодность древние уникальные иконы... и каково было духовенству и пастве стоять в мерзлом помещении пять — семь часов! Каково было певцам, разгоряченным от пения, всей грудью вдыхать ледяной, морозный воздух! Надевали на себя все, что только находилось теплого. Иные мужчины прикрывали головы платком или шарфом. Но ничего не помогало, холод пробирал насквозь, сковывал руки и ноги. Даже вернувшись домой, в теплую квартиру, никак не удавалось согреться — лихорадило всю ночь. А наутро — снова к обедне, опять в такой же холод.

Духовенству доставалось особенно, ведь священники являлись часа за два до начала литургии. Да и во время службы, когда молящиеся в храме своим дыханием хоть немного согревали воздух, в пустынном алтаре мороз лютовал вовсю: даже на клиросах чувствовалось леденящее дуновение из открытых его дверей. Помню, когда литургия заканчивалась, во время ограждения крестом, старый и слепой протодиакон о. Федор приходил на клирос погреться в гуще певчих.

Для проведения будничных служб, небольших праздников и исполнения треб поначалу использовалось помещение под колокольней — храм во имя Воскресения Христова. Но в середине 30-х годов все здание колокольни у общины было отобрано. Пришлось терпеть: не только праздничные, но и будничные службы совершать в насквозь промерзшем храме. Там же исполняли и все требы. Крестить детей старались в теплое время, а зимой крестины, случалось, проводили прямо на дому.

Брошенная на произвол судьбы колокольня стала разрушаться. Стены ее чернели, облицовка трескалась и отлетала. Внизу колокольни был устроен какой-то склад. Я видела, как туда сгружали огромные оплетенные бутыли. А вокруг колокольни грязь, каменья, чуть ли не отхожее место.

Однажды, в мае 1938 года, я сидела дома, готовясь к школьным экзаменам. Внезапно за окном потемнело, в небе раскатисто загрохотало — и началась страшная, с ураганным ветром и ливнем, гроза. Когда ненастье уже стало затихать, к нам в квартиру прямо-таки влетела с криком одна из моих подруг: «Крест! Крест упал!» Мы сразу же выскочили на улицу и бегом к колокольне. С южной ее стороны, около сквера, лежал огромный крест, глубоко врезавшись в землю. Какая же это была громадина! Мы и не представляли, что маленький крест, парящий над куполом колокольни, может быть таких гигантских размеров. Вознесли его в поднебесье в 1909 году на праздник Воздвижения Креста Господня, а сорвался он в мае 1938 года.

Русский народ всегда любил праздничные богослужения, особенно крестный ход, совершаемый по случаю особых церковных празднеств или событий. И, конечно же, крестный ход был неотъемлемой частью празднования Священной Пасхи — праздника праздников и торжества торжеств.

Но увы! Как тяжело вспоминать о пасхальных торжествах 30-х годов!

Уже перед началом праздника тревожно болело сердце: какие сюрпризы ждут нас в святую ночь?

Правда, накануне, в ночь на Великую Субботу, крестный ход проходил спокойно. Служба боготелесного погребения начиналась в то время в час ночи — на субботу,— и крестный ход с плащаницей был в пятом часу утра. Молящихся ночью собиралось немного, тем более что наступающие суббота и воскресенье были рабочими днями. (В то время месяцы были разделены на «шестидневки» и выходным был шестой день, на какой бы день недели он ни приходился.)

Процессия выходила из храма степенно, без толкотни. В ночной тиши умилительно хор пел стихеру «Приидите, ублажим Иосифа приснопамятного...». На улице ни души, нет даже ветерка. Спокойно горят свечи в руках молящихся. При ожидании завтрашних беспорядков даже возникало чувство удовлетворения: вот сейчас, в эти минуты, никто не отнимет у нас этой священной ночи, и мы можем спокойно шествовать за плащаницей, ничем не омрачая своего молитвенного настроения и чувства сопричастности к воспоминаемым евангельским событиям.

Но что будет завтра, когда наступит самый радостный момент пасхальной службы, когда раздастся благовестие о Воскресении Христовом и в знак всемирной радости начнется крестный ход?

И вот он — предпраздничный вечер. Время близится к полуночи, густо идет к храму народ. И тут начинается...

На спортивной площадке, устроенной прямо напротив храма, к пасхальной ночи натянули полотно и демонстрируют кинофильм. Рядом кто-то уже бравурно заиграл на гармошке, забренчала по соседству гитара. Ошалелый свист, крики, разудалое пение... Началось какое-то беснование. А в здании бывшего зимнего храма широко открылись двери, и оттуда грянул духовой оркестр, бесцеремонно смявший церковный хор.

Но скоро и такие крестные ходы сделались невозможными: вся территория вокруг храма была отобрана. На площадке с северной стороны — между Покровским и единоверческим Никольским храмами — построили длинное деревянное, барачного типа здание, в котором открылся универмаг. И вскоре около него стали выстраиваться тысячные очереди покупателей и спекулянтов за дефицитной мануфактурой. Помнится, как соседские ребятишки бегали вдоль изнывающих от жары и жажды людей и предлагали воду из колодца: «Свежая холодная вода! Всего пять копеек кружка!» Воду охотно разбирали, и ребятишки хвастались друг перед другом заработанным. Потом универмаг закрыли, и в его помещении обосновалась сначала обувная, а затем прядильная фабрика. Целые пуки пряжи лежали на северной паперти храма, оказавшейся теперь на территории фабрики.

Огромное пространство с восточной стороны храма забрали под стадион. Находившийся здесь замечательный пруд, в котором была «Иордань» для освящения воды и где мы, детвора, любили купаться, был объявлен «рассадником малярии» и приговорен к уничтожению. В пруд сбросили несколько тонн мазута. Затем туда же стали свозить и сбрасывать кучи мусора. На дне пруда были ключи, и вот наперекор всему среди гор мазута и мусора образовался ручей, в котором билась задыхающаяся рыба. Жители поселка без труда вылавливали ее корзинами.

Затем... Затем образовалась свалка, и чудесный пруд был окончательно похоронен. Место это разровняли, засыпали землей...

Часть южной территории также ушла под стадион. После всего этого крестный ход вокруг храма стал невозможен, его теперь совершали частично, лишь на одну четверть круга. А положенные по уставу крестные ходы в течение пасхальной седмицы на улицу не выходили вовсе — они совершались внутри храма.

В конце 20-х — начале 30-х годов борьба против религии резко усилилась. Это выражалось в самых разнообразных формах: повсеместном закрытии церквей, массовом распространении антирелигиозных изданий, устных и печатных богоборческих выступлениях без права ответа на них со стороны верующих, оскорбительных выпадах против лиц, замеченных в посещении церкви или совершении религиозного обряда. Причем эти «преступления» обнародовались в печати: сатирические заметки, карикатурные рисунки и прочее. Вся эта процедура нередко заканчивалась увольнением с работы, особенно если работник занимал ответственный или заметный пост.

Многие стали скрывать свои религиозные воззрения. Снимали нательные кресты, обручальные кольца, ношение которых теперь считалось «религиозным предрассудком» и чуть ли не преступлением. Прятали по сундукам и чердакам иконы.

С амвона еще раздавались голоса в защиту св. Церкви, икон, старинных христианских традиций. Отстаивалось право ношения нательного креста, данного при Св. Крещении, ведь Крест — это символ нашей веры во Христа, пострадавшего на кресте ради нашего спасения. И если мы боимся или стыдимся носить крест, значит, мы стыдимся Света перед лицом тьмы, стыдимся Жизни перед лицом смрадной смерти, стыдимся светлого образа Христова перед лицом изменчивой, невежественной толпы, еще вчера кричавшей «Осанна Сыну Давыдову», а нынче под напором изменившихся обстоятельств и злой воли начавших вопить: «Распни, распни Его!»

Но вскоре и эти голоса смолкли: начались массовые репрессии, аресты...

Гонения обрушились прежде всего на лиц духовного звания, а из мирян выбирали наиболее активных: чтецов и певчих, церковных апологетов, начетчиков — всех тех, кто мог действенно выступить в защиту гонимой религии.

Много примеров приводить не буду, расскажу лишь один случай из жизни наших ближайших соседей по Рогожскому поселку. Иван Степанович Алексеев был человек исключительной порядочности и скромности. Четверых детей вместе с женой своей Еленой Фоминичной воспитали честными и трудолюбивыми людьми. Один из них впоследствии, в годы Великой Отечественной войны, отдал свою жизнь, защищая Родину.

Иван Степанович принимал активное участие в богослужениях: постоянно читал каноны. Однажды ночью его арестовали. Через некоторое время жена получила письмо, в котором он писал, что, не чувствуя за собой вины, он не знает, за что его арестовали. И далее сообщал: «Меня заставили подписать обвинение и приговор, не читая». Елена Фоминична с этим письмом, как доказательством невиновности, решила искать правосудия. Письмо у нее взяли, пообещав разобраться. И «разобрались»: выслали арестованного неизвестно куда «без права переписки». Больше никаких сведений ни жена, ни дети о нем не получили.

Такая судьба постигла многих и многих. Одни с подлинно христианским мужеством встретили богоборческое наступление, открыто и твердо отстаивали свою веру. Эти подвижники не шли ни на какие компромиссы и на предложения и уговоры отречься от своих убеждений отвечали твердым отказом, предпочитая пострадать и умереть, чем изменить своей вере. Другие внешне не выказывали своих религиозных убеждений, сохраняя их тайно. Но были и такие, кто полностью отошел от Церкви и стал «атеистом», иногда даже воинствующим, сделав атеизм своим знаменем и яростно нападая на все то, чему поклонялись отцы и праотцы, а в недавнем времени и они сами.

Атеизм, видимо, устраивал их в том отношении, что освобождал их от всяких моральных норм, давал полную свободу разгулу страстей и животных инстинктов, которые до того сдерживались законами религии.

Понятия о нравственности менялись на глазах с непостижимой быстротой. Браки сделались преимущественно внецерковными, причем заключались и расторгались в отделах загса с легкостью необыкновенной. А о незаконных связях, о множестве матерей-одиночек, разыскивающих по свету несостоявшихся супругов, можно и не говорить. На Рогожском кладбище все чаще слышалась нецензурная брань, в дотоле тихий поселок явились пьянки и драки...

Но самым страшным оказалось другое. Страх ли или намерение выслужиться, чувство ли низкой зависти или желание отомстить обидчику расплодили множество иуд. Это была какая-то эпидемия, проникшая и в среду старообрядчества. Услышав из уст собеседника, что тот чем-то недоволен или ему плохо живется, такой иуда спешил в «синедрион» донести слышанное слово, приукрасив его собственными домыслами. Несчастного немедленно арестовывали, и он пополнял миллионную армию «врагов народа». Страсти кипели, и в мутной пене всплывали грязь, человеконенавистничество, духовный каннибализм...

А храм света и радости, красоты и целомудрия — Божий храм пустел... В огромном Покровском соборе колонн было больше, чем молящихся. Прежде чем войти в него, многие из прихожан тревожно оглядывались, не следит ли за ними чей недобрый глаз, и если замечали подозрительное лицо — проходили мимо.

Наиболее ощутимые потери понесло духовенство. Одни томились в тюрьмах и ссылках, другие, обложенные непосильным налогом и измученные положением «лишенцев», вынуждены были оставлять службу при церкви и искать себе работу на государственных предприятиях.

Положение «лишенцев» было крайне тяжелое. Лишение прав касалось не только самого священнослужителя, но и всех членов семьи, включая детей. Они не имели права голоса, не могли учиться в высших учебных заведениях. Не полагались им и продовольственные карточки. И не в редкость было увидеть, как дети священников побирались по домам, а родители их... Помню как-то на площадке между Рогожским поселком и Смирновской улицей был устроен увеселительный аттракцион, карусели вертел... старообрядческий священник Стефан Коновалов. Нужно же было как-то кормиться.

В положении изгоев оказывались и многодетные семьи, из жизни которых припоминаются и трагические, и героические страницы.

В семье одного священнослужителя было шестеро детей. Продовольственных карточек не давали. Жили впроголодь. Однажды его вызвали в «органы» и предложили свою «помощь». Условие простое: чтобы он отрекся от духовного сана и пошел бы работать в театр (у него был прекрасный голос)— по примеру М. Д. Михайлова. В этом случае были обещаны все права и для него, и для его семьи, а также достаточное материальное обеспечение. В противном же случае, пообещали, пусть пеняет на себя...

С тяжелым сердцем пришел он домой и поделился с женой сделанным ему предложением: «Как быть? Ведь у нас малые дети...» Что же она ответила? Да словами Марковны[2]: «Что тут раздумывать? Разве можно отрекаться от священного сана даже и ради детей? Если и придется тебе пострадать, не смущайся и за нас не волнуйся: детей воспитаю сама — Бог не оставит сирот».

Ее ответ успокоил смятенное сердце мужа и отца, и он с твердостью отказался от «соблазнительного» предложения. Через несколько дней священнослужителя арестовали. Семья больше никогда не увидала его... Детей вырастила и воспитала одна мать, вложив им в душу светлую память об отце — исповеднике и мученике, вырастила их честными тружениками и патриотами своей Родины.

А вот другая семья священника. Детей семь человек, причем все малолетние, погодки. Чтобы питаться хоть впроголодь, продали все, что было можно, в том числе и те нехитрые ценности, которыми когда-то украшала себя в юности мать и мечтала передать их своим дочерям. Однако уже и нести на рынок нечего, а дети плачут, просят хлебушка. В этот тяжелый момент, когда бедная мать выпрашивала в различных инстанциях хлебные карточки, хотя бы на малолетних детей, она получает неожиданное предложение о помощи, но опять же с условием: надо отречься от своего мужа-попа и развестись с ним.

Эта матушка тоже оказалась стойкой Марковной, решив нести общий крест со своим мужем-священником до конца жизни. Но как помочь малым детям? То не беда, что вся семья — девять человек — ютится в одной маленькой комнатушке, и не то беда, что детям не во что одеться, а в том-то и горе, что детям хочется есть, что просят они хлебушка, плачут... И где ж его взять?

«Сыночек, миленький,— обратилась мать к одному из мальчиков лет семи,— сходи по домам, попроси у добрых людей ради Христа кусочков хлеба, а мы будем тебя ждать...» Ушел сынок. Тяжко болит материнское сердце...

Вот уже и вечер. Наконец, тихонько открывается дверь и появляется сынок. Низко опустив голову, молчит. «Что же? Ничего тебе не дали?» — «Да нет, дали... Только... только... я... я съел...» — И залился слезами.

Общими усилиями со своим мужем-священником, которому пришлось теперь работать на случайной низкооплачиваемой работе, она вырастила их всех — семерых...

Вечная память вам, стойкие мужи и жены, сумевшие честно выполнить свой человеческий и христианский долг.

В 30-х годах в Москве закрылись все старообрядческие церкви: на Апухтинке, Остоженке, Тверской, Генеральной, Новокузнецкой, в Гавриковом переулке, Каринкинская и другие. Покровский храм держался на волоске. Напуганные репрессиями прихожане общины Рогожского кладбища отказывались регистрироваться в «двадцатку», тем паче никто не хотел принимать на себя звание председателя, а по действовавшему законодательству храм без «двадцатки» подлежал закрытию. И здесь нужно отдать должное настоятелю храма протоиерею В. Ф. Королеву, который проявил огромную энергию в поисках самоотверженных людей для спасения храма. И такие люди нашлись! «Двадцатка» была зарегистрирована.

Но остальные старообрядческие общины все-таки оказались бессильны перед произволом властей. И тогда их прихожане были вынуждены обратиться к единственному уцелевшему храму на Рогожском кладбище. Пополнился замечательными голосами, ожил и обедневший дотоле хор. Появилось новое, не слышанное до того времени на Рогожском, исполнение херувимской песни болгарского распева, который очаровал молящихся своей глубиной, задушевностью.

Запомнился мне один случай. В то время я еще не была на клиросе и стояла «в народе». Была Всенощная под воскресенье. Запели славословие. Сначала чуть слышно, как легкое дуновение ветерка, но постепенно звучнее и звучнее. И так вдохновенно, умиленно и торжественно это было исполнено, что у меня замерла душа. Казалось, что сами ангелы собрались в храме и возвещают радостное благовестие: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение...» Я почувствовала светлый восторг, окрыленность. И когда вышла на улицу, меня охватило острое чувство жалости ко всем, кто не был в храме.

С того дня мне еще больше захотелось стать участницей хора, но еще долго я не осмеливалась приблизиться к клиросу и смотрела на певцов со стороны, как на особенные существа... Только примерно году в 39-м, когда училась уже в старших классах, я приблизилась к правому клиросу, постояла рядом, а потом по приглашению одной из певиц несмело поднялась на ступени... И здесь для меня началась новая жизнь.

Руководителем правого клироса в то время был Василий Ферапонтович Лазарев. Прекрасный знаток старинного крюкового пения, он обладал к тому же очень звучным, красивым, чистым и высоким, казалось, без предела, голосом. Самый его характер, очень общительный, давал ему возможность объединить вокруг себя певцов в согласный хор, который пел под его руководством мощно, высоко и торжественно.

Левый клирос звучал значительно тише, спокойней, лиричнее. Руководил им в то время Василий Павлович Марков, обладавший приятным, мягким тенором. Пение левого клироса меня как-то по-особому трогало своей задушевностью. Особенно поражало исполнение по великим праздникам припева 9-й песни — «Величай душе моя...». Казалось, поет сама бестелесная душа — так тихо, нежно, на одном дыхании разносился этот молитвенный призыв. Тайна этого исполнения мне стала понятна, когда я сама оказалась на левом клиросе под непосредственным руководством Василия Павловича и услышала его предупреждение перед началом пения: «Будьте внимательнее, не забывайте, чтó вы поете и перед кем вы поете». И затем он запевал спокойным, но твердым голосом. И весь хор, как послушный инструмент, проникнувшись чувством полного единения, вдохновенно пел, передавая молящимся всю гамму чувств, вызванных торжеством, глубину и величие молитвословий.

После смерти архиепископа Мелетия в 1934 году местоблюстителем Московского архиепископского престола был определен владыка Викентий, епископ Кавказский, который и стал нередко возглавлять богослужение в Покровском храме.

В это время я уже училась в начальной школе. В преподавании главный упор тогда делался на атеизм, причем в очень вульгарной форме. Учебники были напичканы антирелигиозными статьями, даже грязными частушками, которые меня, ребенка из верующей семьи, и оскорбляли, и вместе с тем вводили в смущение. Тогда же я услышала с амвона проповеди епископа Викентия, которые воспламеняли огонь веры в моем сердце, давали ответ на многие недоуменные вопросы... Это была такая радость! Но увы! Святительское служение епископа Викентия оказалось чрезвычайно коротким.

Случилось это в 1937 году. В газете (если не ошибаюсь, в «Известиях») появилась большая статья, в которой епископ Викентий был очернен до крайности. Он обвинялся чуть ли не во всех смертных грехах. Ему даже приписывалось, что он, желая скорее достигнуть епископского сана, умышленно довел свою жену до смерти от туберкулеза. Все рогожане, еще в бытность служения о. Викентия священником Рогожского кладбища, хорошо знали и самого владыку, покойную матушку — женщину исключительной, тонкой красоты, ведали, как глубоко он ее любил и как заботливо к ней относился; знали, что никакого туберкулеза у нее никогда не было и умерла она от другой тяжелой болезни; видели воочию безмерное и неутешное горе вдовца с малыми детьми; известно было и то, с каким великим трудом уговорили его принять сан епископа в тяжелейшее для Церкви время. Помнили также, как, наконец, дав согласие взять на себя бремя епископства, он со слезами молил всех: «Только не оставьте моих детей». Да, знали все, но никто не решился написать опровержение на явную клевету. Было ясно, что эта статья — подготовка к аресту человека, пользующегося огромным авторитетом у верующих. И действительно, вскоре после публикации статьи епископ Викентий был арестован и там, в Бутырской тюрьме, скончался весной 1938 года. Московская Архиепископия полностью осиротела.

Церковный корабль оказался без кормчего. Во всем старообрядчестве на свободе оставался один-единственный епископ Савва Калужский, престарелый и больной. Остальные иерархи уже закончили свой путь земной в изгнании, а два епископа хотя и были живы, но находились в заключении. Это были епископ Иринарх Самарский и епископ Геронтий Ленинградский. К 1940 году епископ Иринарх был освобожден и поселился в Костроме, у дочери Ольги Ивановны Грусковой. А вскоре к нему прибыл участковый и предложил немедленно явиться к начальнику городской милиции. Решив, что ему снова грозит заключение, Владыка Иринарх попрощался с семьей. Каково же было его удивление, когда в органах сообщили, что его разыскивает Москва и ему предлагается в ближайшее время выехать туда и явиться на Рогожское кладбище. Чья это была инициатива — неизвестно, вероятно, протоиерея В. Ф. Королева, озабоченного вдовством Московской Архиепископии.

После приезда в Москву Владыка Иринарх и протоиерей В. Ф. Королев отправились в Калугу, к епископу Савве, который там, на месте, и возвел епископа Иринарха в сан Архиепископа Московского и всея Руси.

Наконец-то у кормила никем не управляемого, колеблемого по воле волн корабля — Старообрядческой Церкви — появился Кормчий. А вместе с его пришествием в жизни Рогожского кладбища и всего старообрядчества наступила новая эра.

Ее начало совпало с годами моей юности. Впереди — целая жизнь, которой, кажется, не будет конца и которая, конечно, должна быть светлой, интересной и радостной!

Моя юность, чем я могу вспомнить тебя? Помню школу, в которой ежедневно произносились слова о нашем свободном и справедливом строе, о равенстве и братстве всех граждан, о счастливой жизни. Эта проповедь подкреплялась и ежедневными выступлениями по радио и в газетах: «Спасибо товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь».

Но помню и облик женщины-скелета, сидящей на земле около булочной и держащей на руках скелетика-младенца, сосущего высохшую кожу ее груди. Это была беженка с «житницы России» — Украины: «Ради Христа — кусочек хлеба...»

Никогда не забуду рассказа женщины из другого хлебородного края, Ессентуков, о смерти ее семилетней девочки от голода: «У нее так исхудало личико, что, когда она умерла, глаза ее не могли закрыться веками, так она и смотрела на меня немигающими голодными глазами. Это было первое мое дитя. Я трижды раскапывала ее могилу и смотрела на нее. А она так и лежала с выражением укора, что я не исполнила ее последнюю просьбу — не дала ей кусочек хлебушка...» С просьбой о кусочке хлебушка скончался от голода и брат этой женщины — мальчик 14 лет. Сама она каким-то чудом выжила..

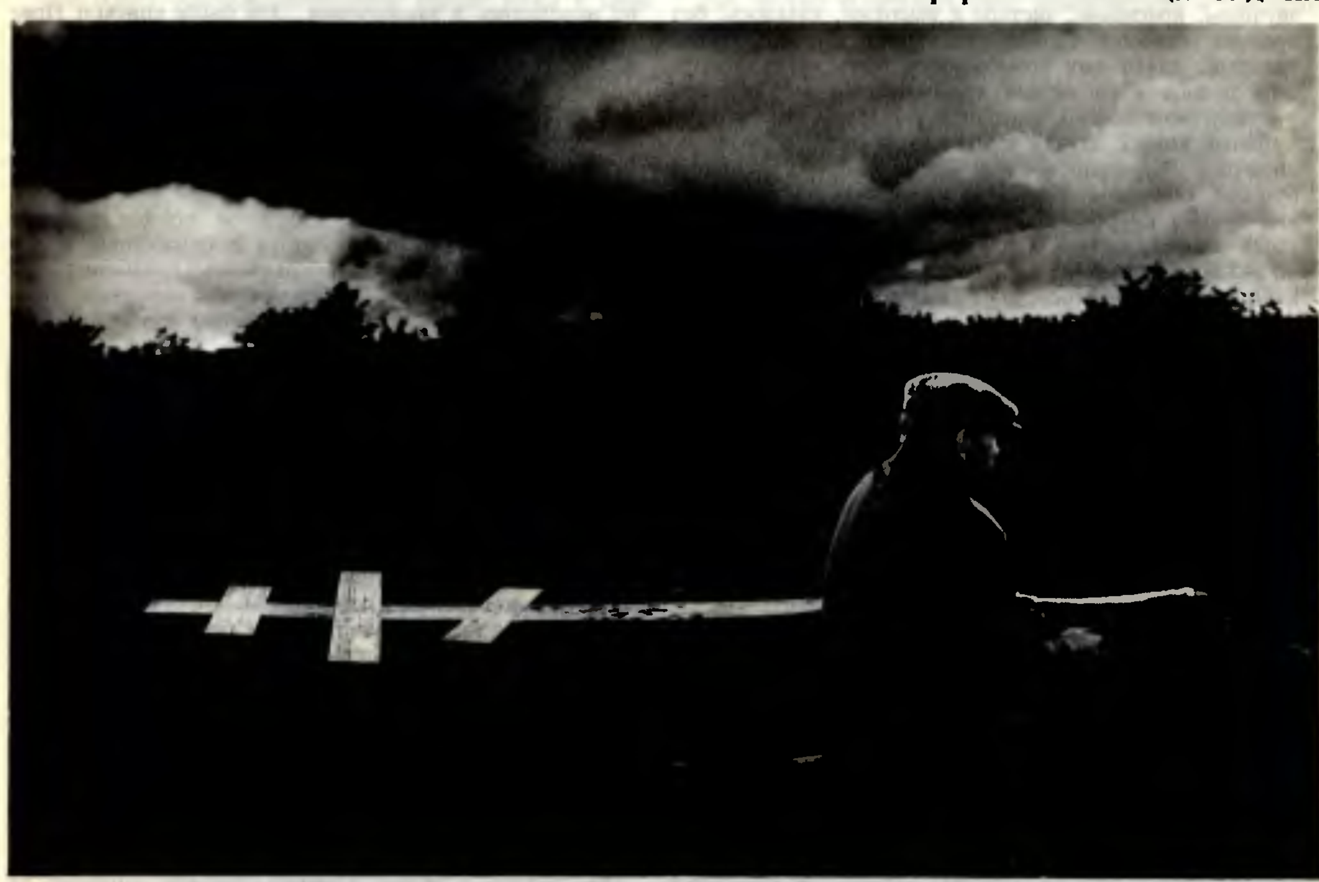
Ну, а дальше — репрессии, аресты, произвол и насилие. Но об этом — в следующий раз.

[2] Марковна — Анастасия Марковна, жена протопопа Аввакума. Когда он усомнился: «Что сотворю? Проповедую ли слово Божие или скроюся? Жена и дети связали меня»,— стойкая Марковна поддержала его: «Что ты, Петрович, говоришь? Аз и с детьми благословляю тебя, дерзай проповедать Слово Божие по-прежнему, о нас не тужи... силен Христос и нас не покинуть» (из «Жития» протопопа Аввакума).

ЯКОВ КРОТОВ

НЕ ГОВОРИ С ТОСКОЙ: ИХ НЕТ...

Фотография **ВАЛЕРИЯ ЩЕКОЛДИНА**



На поля философии я заглядываю, к сожалению, лишь время от времени, но с благоговением. Меньше жалею о том, что на кладбищах тоже пока бываю от случая к случаю (тоже с благоговением). Будучи историком, я дилетант во всем, кроме сопряжения всего со всем, и вот сопряжение философии с кладбищами кажется мне необходимым.

Несколько лет я работал около разоренного кладбища Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря, в музее, и мечтал — о, не восстановить это кладбище, оно было разорено не только на поверхности, но и в глубине,— мечтал собрать оббитые и раскиданные надгробия вместе, как памятники уже не людям, а времени. Но идея создать выставку надгробий возмутила моих коллег. Они сознавали, что эти именно надгробия никогда не лягут над гробами, но мысль сделать из могильных камней «объекты музейного показа» так возмутила их — и верующих, и атеистов,— что я понял: задето нечто столь основательное в душах, что относится именно к философии, тем более неуязвимой, что таится эта философия в подсознании.

Всякое погребение действительно самим фактом своего существования отвечает на основной вопрос философии, как нас учили в школе: что первично — материя или сознание? Ответ этот не однозначен, из известных философских систем он ближе всего к философии всеединства Владимира Соловьева и к питавшей его святоотеческой философии. Тело человеческое хоронят не потому, что первично тело, и не потому, что первично сознание. Точно так же строители птицефабрики не решают вопроса: что было раньше — яйцо или курица; они знают, что яйцо и курица — это единство. Если мы оберегаем, храним останки человека, то нами движет философия, которой неинтересно, первично тело или вторично, но которая убеждена, что тело и душа — единство, что материя, которую покинуло сознание, не есть все же только материя, как камень или дерево, она по-прежнему имеет некое иное качество и по-прежнему соотнесена с сознанием.

Даже кремация говорит о том же. Имеет ли она гигиенический смысл, как в Москве, или мистический, как в античном Риме или Бомбее, она остается обрядом, действием, которого достойны останки человека и недостойны остатки застолья.

Кладбище хранит, конечно, материю — такую же, как кладбищенская земля. Так и золотые монеты, зарытые в землю, столь же материальны, как земля. Но иное качество дремлет в золоте и пробуждается, когда его открывают. Знаменитые слова: «Земля еси и в землю пойдёши» — поэзия, а не философия. Философия же кладбищ знает, что человек — земля иного качества. Кладбище есть клад (не свалка!) надежды, философии бесконечности человеческого существования. Кладбище верит в вечную жизнь именно человека — не порознь его души или тела. Миф может говорить о безнадежной маете души в Шеоле или Аиде, но кладбище договаривает о большем, о подсознательной философии воскресения, воссоединения души и тела, о возможности восстановления их единства.

Мы живем в бывшей христианской стране и потому склонны полагать, что до Христа представления о воскресении не было. На самом деле философия воскресения существует столько же, сколько люди хоронят людей, а они это делают, кажется, с тех пор, как слезли с деревьев. Читая сообщения археологов, иногда думаешь, что «обезьяна стала человеком», взяв в руки палку, чтобы вырыть могилу. Ведь похороны — проявление отношения к смерти как к чему-то чуждому человеку, как к завоевателю, к узам, поэтому похороны есть знак самоопределения человека в мире, знак, отличающий его от животного. Да, только Исус — не Дионис или Адонис — попрал этого завоевателя, развязал эти узы, но Исус не был незваным гостем. Он пришел, потому что Его ждали. Вера в воскресение предшествовала воскресению. Христос даровал жизнь «сущим во гробех» — кто бы получил ее, не будь гробов, не будь кладбищенской безмолвной философии — самой оптимистической из всех философий. Никто не закапывает мусор так бережно, как закапывают труп,— так, наверное, сеют зерна.

Повторю: только после Христа, благодаря Ему, в христианской философии было сказано о будущей жизни человека именно в теле, но и всякий дохристианский погребальный обряд немо философствует о том же. Даже в мелочах кладбища возглашали нерасторжимость тела и души: за перевоз в царство мертвых платила душа, но деньги клали с телом. Это видно и по философии могил — непрестанно множащихся клеток кладбища.

Могила, в сущности, дом. Пирамида фараона — дом, могила царя Мавзола — дом. «Домиком мертвых» метко назвали археологи и уникальное захоронение дославянской эпохи, найденное недалеко от Сторожевского монастыря: сожженный прах хранился в миниатюрной модели землянки. Да и славянские курганы тоже напоминают дома. Дело не только в архитектурных формах, но прежде всего в утвари, которой снабжали посмертное жилище и которая делала символический дом действительным домом.

Впрочем, «домик мертвых» и курганная утварь были внесены в Сторожевский монастырь музейными археологами. Монастырское кладбище — христианское. В его могилах не было посуды, ножей, украшений. Но в них было нечто, что еще более уподобляло могилу дому, однако совершенно иначе: надгробие — плоский белый камень — походило на дверь. Это завершающий штрих, и неудивительно, что посуда стал лишней. Дом без двери не выпускал хозяина. Надгробие-дверь — знак, что воскресение есть не только надежда, но и опыт во Христе.

Христианство впервые увидело в смерти новое качество бытия, не продолжение жизни и не исчезновение жизни, а трагический итог греха, преодолеваемый победой над грехом. Более того, христианство узнало, кроме жизни и смерти, еще одно измерение: жизнь вечную, следующую после воскресения и Страшного Суда. Эта вечная жизнь отличается от земной не протяженностью своей, а содержательностью: земная жизнь — жизнь суеты сует, как говорил Соломон, а вечная — слава и исполнение личности.

Естественно, христианская могила в средние века превращается в маленькую модель Голгофы. Напомню, что, по преданию Церкви, под Голгофой, где распяли Исуса, был похоронен Адам — отсюда изображение черепа под крестом в церковной символике. Смысл прост: над могилой первого человека, Адама, умирает «последний Адам» — Христос, открывая выход из могил для всех людей. И обычная деревенская могилка более других напоминала Голгофу: холмик над захоронением и крест на холме. Неудивительно, что «крестьянин»... от слова «христианин». И все же двускатная крыша над могильным крестом не только защищала от непогоды — вольно или невольно она напоминает крышу крестьянской избы. А нередко крест ставился прямо на небольшом срубе — «горобце».

Дело, наверное, еще и в том, что человеческое сознание, словно слоеный пирог, складывается из отложений различных эпох; символика дома на кладбищах не исчезает, она только меняет свое наполнение. Известны на Руси и саркофаги — модель античного дома, пришедшая из Византии, и «сени» над мощами — подобие шатров. Но для христиан этот дом, повторю, имеет дверь, он временен.

Символика могилы-дома благополучно здравствует и сегодня. Самое замечательное, что символика и скрытая за ней философия — одна, а образ дома меняется в соответствии с большой, живой архитектурой. На деревенском кладбище под Боровском, где лежит мой отец, холмы с крестами окружены металлическими оградами с непременной скамейкой, напоминая нынешнюю крестьянскую усадьбу, с оградой же и непременной скамейкой у дома. Кажется, и степень ухоженности одна и та же. Я бы назвал смесь бурьяна, скорлупы, бутылок, обрывков бумажных цветов на русских кладбищах естественным беспорядком, если бы он не творился невольными дизайнерами — родственниками. В Прибалтике могилы непривычно для нас чисты и металлических оградок практически нет — все так же, как на прибалтийских усадьбах. Но самая новая и даже этим самая разительная гармония — в близких мне московских крематориях. Содержит человека «административно-командная система» в грязно-белых блочных коробках, испепеляет его начальственное недовольство — и вот он умирает, из него делают кучку мусора и со слащаво-казенными мытарствами поселяют в таких же, только миниатюрных, еще более малогабаритных блочных домах. Бесконечные лабиринты крематорских ульев — по эстетике и символике те же «спальные районы» Юго-Запада и Севера, только сон — «вечный». Руководители при этом, естественно, предпочитают отдельные могилы.

Надгробие из всех жанров искусства — самый типизированный и консервативный, минимально личный. В нем традиция почти безраздельно господствует над автором. Философия надгробий всегда философия общества, а не одиночек. Тем они и интересны.

Это относится, в частности, к эпитафиям. В них тоже проявляются жесткое соответствие философии кладбища — философии жизни. Надгробию христиани-

на, собственно, эпитафия, хотя бы в виде имени, не нужна. Ведь его могила все-таки не столько дом, сколько камера хранения, шифр от которой ведает один Господь. Титулы и имена были уместны лишь на гробницах лиц владетельных — князей мира и церкви, которые все имели власть от Бога, так что титулы их были не столько анкетными данными, сколько литургическими поименованиями. Человек бессмертен не потому, что его помнят люди, а потому, что его помнит Бог. И об усопшем молятся не «Помоги мне, Господи, помнить раба Твоего», а «Помяни, Господи...». Пока творец — художник или писатель — помнит созданную им картину или книгу, ей ничего не грозит: в случае утраты он восстановит картину, напишет заново книгу, да еще и улучшит, преобразив. Человека восстановит его Творец. Поэтому отсутствие имени на средневековых надгробиях огорчение для историков и торжество для философии воскресения.

По эпитафиям лучше всего видна смена кладбищенской философии в Новое время России, после Петра. Сначала текст просто расширялся за счет фактических данных, так что указывали иногда час и минуту кончины, продолжительность прожитых годов — с точностью до дня, называли имя святого, в день которого совершилась смерть. И — до известной степени «вдруг» — на надгробия выплеснулся вал поэтических и прозаических размышлений о смерти. Всплеск этот пришелся на сверкающий век Екатерины, но не затухал и до середины, даже до конца прошлого века. Это была новая философия кладбища, но то было и хорошо забытое старое, ибо лейтмотивом стала мысль (то светлая, то мрачная) о суете, о посмертной пустоте; надежды на воскресение в этом потоке звучали как пустая вежливость, дань традиции. Вот надпись 1768 года:

Всяк, прочтет сию таблицу, внемли,
Коль кратка есть жизнь наша на земли.
Для того ставятся на гробах приметы,
Дабы память была в вечныя леты...

Философия эта, безусловно, религиозная и также, безусловно, нехристианская или христианская поверхностно. Дореволюционную Россию часто упрекали в фарисействе — увы, вернее было бы упрекнуть ее в саддукействе, то есть в неверии в воскресение. Дело не в озабоченности земной суетой. Погребальные стихеры Иоанна Дамаскина, говоря о ничтожности земных дел, прозревают за нею жизнь вечную во Христе, наслаждение Его красотой. А в переводе Алексея Толстого осталось только первая нота. Вместо мелодии зазвучал стон:

ПОГРЕБАЛЬНАЯ СТИХЕРА ИОАННА ДАМАСКИНА

Кая житейская пища
Пребывает печали непричастна?
Кая ли слава
Стоит на земли непреложна?
Вся сени немощнейша
И вся сна прелестнейша:
Во един час
Вся сия смерть приемлет.
Но во свете, Христе, лица Твоего
И в наслаждении Твоея красоты,
Его же избра
Покой, яко человеколюбец.

(Древнерусский перевод)

Какая сладость в жизни сей
Земной печали непричастна?
Чье ожиданье не напрасно
И где счастливый меж людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что мы с трудом приобрели —
Какая слава на земли
Стоит тверда и непреложна?
Все пепел, призрак, тень и дым,
Исчезнет все, как вихорь пыльный,
И перед смертью мы стоим
И безоружны, и бессильны.

(Перевод А. К. Толстого)

Конечно, эпитафии бывали очень благочестивы — с молитвами, с цитатами из Библии. Но важна суть: смерть перестала быть дверью в вечную жизнь и стала обрывом. Могила отныне разверстая пасть, поглощающая и бесследно переваривающая трупы. Надгробие из крыши дома, или сигнального буйка, или двери превращается просто в камень, на котором можно писать все, что угодно. Вплоть до начала XX века обезбоживание философии кладбищ (обезбоживание — то же, что «секуляризация») скрыто за словесным благочестием. Эпитафии XVIII — XIX веков не назвать атеистическими по словам, но они таковы по сути своей — обращаются к людям, не к Богу:

Осталась вечная лишь память ваших дел,
Что дух ваш к небесам любовию горел.

(1822 год)

Именно такие надписи придали выражению «кладбищенская философия» мрачный оттенок. Настоящая вечная память — у Творца — отныне немыслима, ищут лишь памяти у потомства, и это рождает пространные, велеречивые эпитафии XVIII века: «Твердость в законе, примерная любовь к родителям, кротость, сострадание, чадолюбие и постоянство составляли в сей временной жизни отличительные свойства добродетельной души ея» (1798 год). Первоначально эти надписи обращались к Богу, но ведь то была не настоящая живая молитва, а лишь ее письменный заменитель, имитация. Молитва на камне мертва, к а м е н н а. И постепенно молитвы исчезают с надгробий, уступая место благочестивым поучениям, уже явно адресованным этому, а не внешнему миру:

Здесь покоится прах Оттона Богдановича Форхгаммера, первого книгоноши Общества для распространения Св. Писания в России и одного из учредителей его, скончавшегося 5 апреля 1898, на 86-м году своей земной жизни. «Заблуждаетесь, не зная писаний». Ев. Матф. XXII. 29.

О подобных эпитафиях (и надгробиях, на которых они появлялись) писал Честертон: «Гробница знатнейшего из знатных поистине народна, ибо создана для того, чтобы на нее смотрели... Эпитафия на церковной стене предназначена для толпы, как и предвыборный плакат». Для толпы предназначены и бесконечные «от неутешной жены», «от внуков и детей». Из камеры хранения могила становится предметом, вещью, принадлежащей семье покойного, свалкой, а в лучшем случае музеем, где показывают принадлежащие знаменитости останки, как показывают его кабинет и спальню. Во всяком случае, никто не думает, что знаменитости еще понадобится тело. Апогея эта выставочность достигает в художественных надгробиях, которые словно уверяют, что лежащий под ними достоин таланта камнереза или скульптора. Даже неловко молиться о прощении грехов того, кто удостоен покоиться под пышным надгробием с похвальной эпитафией. Да и зачем? Грехи прощаются, чтобы победить смерть, а теперь, когда вечная жизнь, вечная память аннулированы вместе с вечностью, долг памяти берут на себя живые — попытка столь же благородная, сколь безнадежная:

Покойся, милый прах, и внемли уверенью,
Что гроб твой не предам я хладному забвенью.

Это 1826 год, а вот 1833-й:

Кто ближним помогал, кто всех любил душою,
Того надгробие не зарастет травою.

«Всего-то?» — хочется спросить в ответ; и еще: «Неужели?»

Философия кладбищенской поэзии перешла и в поэзию живую. Русская поэзия и началась с «Сельского кладбища» Жуковского:

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села в гробах уединенных,
Навеки затворясь, сном непробудным спят.
И здесь спокойно спят под сенью гробовою —
И скромный памятник, в приюте сосн густых
С непышной надписью и резьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.
Любовь на камне сем их память сохранила,
Их лета, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

«Непышная надпись» зовет — не Бога, а прохожего, и зовет не молиться, а «вздохнуть». Но самое неожиданное, шокирующее (христианина) и ключевое здесь слово — «непробудный» сон. О пробуждении в воскресении забыто. И если тут упомянута «библейская мораль», то это мораль Ветхого Завета, мораль Экклезиаста, мораль дохристианская. Новый Завет учит не смерти, а воскресению. Ветхозаветность эта мрачно освещает всю расцерковленную культуру новой России, ею дышал Пушкин, томясь по Благой вести, но находя в себе лишь «любовь к отеческим гробам», не молитву об усопших — уснувших! Недаром сказал Лесков: «Евангелие на Руси еще не проповедано». Ветхозаветная светлая печаль о мертвых непревзойденно выражена уже зрелым Жуковским:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: «Их нет»,
Но с благодарностию — «Были».

Слово «будут» из поэтического запаса исключено. Мощно этот безнадежный скепсис сформулировал в своих предсмертных стихах Державин:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

И через век ему со смиренной силой откликнулся Заболоцкий:

И уходим навсегда,
Увидавши, как в трубе
Легкий ток из чаши А
Тихо льется в чашу Бе.

Впрочем, если быть исторически точным и вернуться от поэзии к камням, то во времена Державина и Пушкина скепсис облекался — в аристократической по крайней мере среде — не в библейские, а в классические античные одежды. Вдруг появились родовые склепы, как в усадьбе Суханово — античная ротонда, усыпальница Волконских (1813), или в усадьбе Отрада — схожая усыпальница Орловых (1832—1835). Такие склепы появлялись не только в усадьбах, но и на монастырских даже кладбищах. А сколько надгробий, изображающих античные колонны, античных плакальщиц, античные вазы!..

Кладбища нашего времени воплощают в себе, наверное, все возможные философии. Даже за «варварством на кладбищах», которым так озабочена общественность, тоже стоит философия, и отнюдь не варварская. Не был же варваром Понтийский Пилат, повелевавший устанавливать кресты, не были варварами и российские Пилаты, повелевавшие кресты уничтожать (самый наглядный пример — надгробие Владимира Соловьева, до сих пор лишенное креста). И если за древним Пилатом стояла философия скептиков, то за новыми — философия марксистов. Говорят, что они ее дурно поняли, но и дурно понятая — это именно марксистская философия, а не, к примеру, томистская.

Справедливости ради скажу, что небрежное отношение к покойнику заложено и в Евангелии, в словах Исуса: «Предоставь мертвым хоронить своих мертвецов». Те, для кого воскресение из бессознательной надежды стало фактом, не цеплялись за плоть — они знали, что материя в свое время расточится и в свое время соберется. В похоронах — любых — есть ведь и нечто магическое, насилие над плотью и ее Творцом, навязывание некоего «залога» божественной мощи. Христианские подвижники, вырвавшиеся из оков магизма, могли отказываться от будущих похорон, были и такие, кто завещал сбросить труп свой псам на съедение и поругание,— их вера не нуждалась в материальных знаках.

Но кладбища разоряют не христианские святые, а те, по евангельскому выражению, мертвецы, которые не хотят хранить своих мертвецов. Для их философии крест неприятен и как символ воскресения, и даже как символ смерти, да еще смерти через репрессии. Смерть вообще не гармонирует со светлым будущим да и со всемерным удовлетворением духовных и материальных потребностей не согласуется. Поэтому так легко в последние десятилетия исчезали кладбища. Поэтому появился мавзолей: своеобразная победа над смертью через превращение трупа в музейно-политический атрибут. Такая победа над смертью может быть рождена лишь безразличием к ней, и это безразличие, в свою очередь, рождает тех, кто раскапывает военные могилы в поисках сувениров и патронов.

Деятели культуры по мере сил борются с этим варварством, но сопровождают это такими оговорками, что о культуре нашей складывается странное представление. Почему, в самом деле, с таким напором протестовали против устройства дискотеки у захоронений родственников Пушкина? А как быть с могилами тех, кто не в родстве с поэтами или прозаиками? На кладбища проникла философия очереди, элиты, господствующая в стране. Для одних — спецроддома, спецполиклиники, на случай провала — спецлагеря и, как логическое завершение, Новодевичье кладбище. (Что до захоронений на Красной площади, то и они иерархичны, как места на партийном съезде; и опять подчинявшиеся испепелены, испепелявшие и подчинявшие погребены «по-людски».) Для участников войны в число привилегий включают — по крайней мере теоретически — и заботу об их могилах. А культурные люди требуют не отмены кладбищенских привилегий, а распространения их на творцов культуры и их родственников. Что ж, такая культура.

Кладбища тоже смертны. Кажется, старше пяти веков в России кладбищ нет. Раскопки курганных могильников лишены вкуса осквернения именно потому, что эти кладбища скончались. Прах Цезаря давно пошел на штукатурку. Но нашим кладбищам — вот в чем трагедия — не дано умирать своей смертью: их либо уничтожают на глазах у детей и внуков умерших, либо мумифицируют, чтобы через века люди дивились надгробиям прочно забытых чиновников, артистов, орденоносцев.

От новой кладбищенской философии хочется бежать. По-своему это сделал Константин Симонов, завещавший развеять свой прах над полями Смоленщины. Но это обряд для Востока — итог философии, а для нас — бегство от проблемы кладбища и могилы. Кладбища лежат, поджидая нас, и каждый рано или поздно примыкает к той или иной философии кладбища.

СОЦИАЛИЗМ И СТАРООБРЯДЧЕСТВО

Новая жизнь, в которую вступила Россия, дав ряд политических, национальных и религиозных свобод, поставила вместе со страной и нас, старообрядцев, на новый путь развития. Перед старообрядцами открылись новые горизонты, до сих пор совсем или почти неизвестные: нас призвали к строительству гражданской политической жизни. Привыкшая хорошо разбираться в вопросах религиозных, полемических, масса старообрядческая оказалась почти совсем не подготовленной к этой новой работе.

Полученные свободы налагают на каждого из нас известный долг, исполнить который необходимо всякому гражданину. Чтобы полнее использовать это право, люди начинают объединяться в союзы и партии, а так как эти партии стремятся руководить политикой, то есть общим направлением государства, то они и называются поэтому партиями политическими. И вот, когда жизнь столкнула нас с этими организациями, когда мы поняли, что необходимо организоваться, что в единении — сила, перед нами встал вопрос: с кем быть старообрядцам?

Вопрос, поставленный моментом, очень важен и требует от нас серьезного к нему отношения. Партий так много, все они так себя хорошо расхваливают, что прямо не знаешь, кому отдать предпочтение. Попытаемся хоть немного разобраться в этом запутанном вопросе. Прежде всего надо помнить, что все существующие партии делятся на две главные группы — на партии социалистические и партии несоциалистические. Не будем пока входить в обсуждение других существующих партий, а остановимся на партиях социалистических, из которых укажем на более популярные и более известные: это партии социал-демократов (меньшевики и большевики) и социалистов-революционеров.

Отношение к этим партиям со стороны старообрядцев должно быть глубоко продумано. Мы должны очень серьезно, а вместе с тем очень осторожно подойти к учению, положенному в основу всех социалистических партий. Но, как последователи истинного христианства, в основу своих понятий прежде всего должны положить учение Христа и на этом учении как на краеугольном камне будем испытывать всякое другое учение: от Бога ли оно **(1 Иоанна, 4.1).**

Социалистические партии мы выделяем в одну группу, потому что в основе всех этих партий лежит одно общее учение, называемое социализмом. Но что такое социализм?

Социализм — это такое политико-экономическое учение, которое проповедует уничтожение личных преимуществ и интересов, общность труда и соответственное справедливое распределение продуктов между трудящимися.

Конечной целью этого учения должно осуществиться на земле царство социализма, когда каждый работает и получает из всего продукта свою долю; когда все имущество — земля, как помещиков, так и крестьян, скот и инвентарь, полное оборудование фабрик с машинами и станками — должно быть общенародным, должно перейти в руки демократического государства[1].

Идеи братства, равенства, свободы, общности имуществ и труда присущи христианству, и с этой стороны, казалось бы, социализм имеет основные нити христианства. Но, к сожалению, современный революционный социализм основой ставит совершенно противоположное.

Творцом экономического социализма является немецкий ученый Карл Маркс; в 40-х годах прошлого столетия совместно с другом своим, Фридрихом Энгельсом, он привел социализм в стройную научную теорию и наметил пути, по которым должно идти социальное движение, то есть практическое осуществление идей социализма. Будучи сам человеком неверующим, отрицая Божество, как о нем говорит его ученик Каутский[2], К. Маркс в основу своего учения положил идеи, почти две тысячи лет известные миру,— идеи христианства: равенство и братство. Но, взяв христианские идеи, основатель этого учения не хочет говорить ничего о Божественной Личности Христа. Оказывается, ни Бог, ни Христос ему не нужен; так же учат и последователи марксизма. «Раз,— говорят они,— средства, предложенные Христом, не уничтожают Вавилона (зла жизни), а уничтожить его необходимо, то нужно уничтожить и Христа»[3]. «Социализм сам хочет быть общественной религией, а для этого надо очистить место»,— откровенно заявляет Бебель, вождь немецкой социал-демократии. Мы прежде всего общество атеистическое (безбожное), заявляют социалисты в одном из своих воззваний и начинают поход против христианства, пытаясь «стереть пресветлый Лик Богочеловека, Его нравственную недостижимость, Его чудную и чудотворную красоту». К этому социалисты действительно и стремятся. Посмотрите, как думают, что готовят религии вожди социализма.

Роберт Оуэн называет «троицею зла», от которого страдает человечество, религию, собственность и брак.[4] Этот английский социалист считает религию просто злом, от которого страдает человечество и от которого надо его избавить. С точки зрения К. Маркса, религия, как и всякая иная идеология, является лишь продуктом данной экономической структуры общества, которая должна исчезнуть в социальном строе. Таким образом, если восторжествует это учение и воцарится царство социализма, то религия, всякая связь с Богом, утратится, а нравственные законы будут заменены законами экономическими. «Поэтому,— как заявил Энрико Ферри на Эрфуртском конгрессе 1891 года,— социализм не чувствует потребности бороться с религиозными верованиями, которые осуждены на исчезновение...»

...Революционный социализм и христианство не могут идти по одному и тому же пути, и это должен знать каждый стоящий перед выбором своего пути. Тут ничего нет общего. «Возьмемте дух христианства и дух современного социализма; они различны во всем — можно сказать, что они почти противоположны. Противоречие обнаруживается уже в языке: христианство говорит главным образом об обязанностях, социализм говорит почти исключительно о правах... Нужно ли доказывать, что если дух христианства есть дух мира, то дух современного социализма вовсе не есть дух мира. Там, где христианство, где религия проповедует любовь, братство, мир, социализм проповедует теперь, наоборот, ненависть, борьбу, войну... Вместо того, чтобы призывать к миру, они призывают к злобе, к мести, к ненависти»[5]. Раскрывая дальнейшее противоречие между христианством и социализмом, Анатоль Болье приходит к заключению, что равенство и братство социалистов распространяются лишь на тех, кто доверяется доктринам и обещаниям коллективизма; к тем же, которые твердо держатся христианской веры, социалисты не чувствуют ничего, кроме вражды и ненависти. «Противоречие так велико,— говорит этот американский ученый,— что его совершенно достаточно для объяснения антагонизма между воинствующим социализмом и христианством»[6]. «Социализм,— писал великий русский мыслитель Ф. М. Достоевский,— есть не только рабочий вопрос, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога не для достижения небес с земли, но для сведения небес на землю»[7]. «Современный социалист иррелигиозен и враждебен церкви до мозга костей. Он говорит: церковь есть полицейское учреждение капитала. Она обманывает пролетариат «векселем на небо» и должна быть уничтожена»[8].

Путь социализма — путь через разрушение религии, Церкви, путь к строительству новой жизни, к разрешению, может быть, судеб человечества, но уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа.

С кем же старообрядцы? Каково должно быть их отношение к социалистическим партиям?

Ответ здесь может быть только отрицательный. Ведь по одному уже тому, что в основе всех этих партий положено одно общее учение — социализм Маркса, который носит безрелигиозный, антихристианский характер, по одному по этому мы, старообрядцы, не можем и не должны примкнуть к этим партиям. Цель и стремление всех социалистических партий одно и то же: царство социализма,— и разница между ними только в средствах достижения этой цели. Социал-демократия, например, думает достичь этого царства, своей победы через диктатуру пролетариата (рабочих). Социал-революционеры — через господство всего трудового народа (рабочие и крестьяне). Разница лишь в сфере деятельности. Но беда в том, что, объявляя господство того или другого класса, тем самым кладут они начало классовой борьбе, борьбе за шкурные вопросы, которая может вылиться в самые уродливые формы. Мы не будем говорить, нужна или не нужна классовая борьба, возможна она или нет для страны, охваченной кровавым кольцом войны: за нас говорят факты. Эти несколько месяцев борьбы, вылившейся наконец в борьбу за власть, сказались на хозяйстве нашей страны. Мы видим: везде и всюду разруха, полный развал; государство расстроено, создались невозможные условия жизни; вместо любви восстала ненависть, вместо объединения, так необходимого стране,— раздор, Родина погибает... Почему? Вспомните, чему учат наши социалисты, что вбивают в головы русскому народу вот уже несколько месяцев. Нас заставляют забыть Родину, заменяя борьбу за Отечество борьбой за углубление революции. По Марксу, для рабочего нет и не должно быть Родины и национальных стремлений; все эти понятия он должен выкинуть из своей головы, для него есть и должен быть только союз рабочего класса всего мира. Имя этого вненационального союза — интернационал. Вот родина, вот бог, которому призывается служить рабочий! Во имя этого «священного интернационала» и ведется борьба, благодаря этому понятию и гибнет Россия. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — заканчивает К. Маркс свой коммунистический манифест 1847 года и этим самым кладет начало классовой борьбе, в судорогах которой бьется сейчас наше Отечество.

«...Полный, цельный и окончательный социализм — невозможен, он есть лишь ложная и порабощенная мечта»,— говорит Бердяев, а с точки зрения самого Маркса, он возможен в стране промышленной, культурной, с высоким уровнем развития. Таким образом, даже с точки зрения Маркса, у нас невозможен социализм, как в стране с не подходящими для него условиями. И, каким бы путем ни шли социалисты, социализм вечно будет их мечтой, потому что они не знают о живом Боге и живом народе. Вместо Бога они ставят развитие техники, вместо народа — пролетариат: два понятия вместо двух сил жизни. Вместе с Ф. М. Достоевским скажем им: «Нормальное устроение людей здесь — на земле невозможно вне христианства,— невозможно без веры в Бога, бессмертие души и загробную жизнь; (невозможно) без веры в Христа, как необходимого условия нравственного единения между людьми... Не общественные неустройства, не грубость среды, а наши собственные недостатки — вот главная язва общественной жизни. Жизнь наша плоха потому, что сами мы плохи. Сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем ее лучшею»[9]. К этому выводу пришел Достоевский через эшафот, через каторгу. И Достоевский не ошибся, чутье не изменило ему: его слова как нельзя лучше иллюстрируются текущими событиями. Пора понять, что недостаточно человека-зверя выпустить на свободу, напичкав его крикливыми лозунгами, общими местами «социалистической справедливости». Надо вытравить, уничтожить в нем зверя, ибо «без духовного изменения человека, без нравственного перерождения, побеждающего исключительную власть эгоизма и корыстных интересов и устанавливающего между людьми возможность единения и братства, ни о каком социализме, ни о каком социальном возрождении не может быть и речи»[10]. Совершить эту работу может только одна сила, способная оградить нас от недовольства, вложить в наши уста тихую жалобу и полную веры молитву: эта сила — религия.

Поэтому мы решительно против социалистов типа Маркса!

Вообще должно сказать: по существу своему, духу и укладу нашей жизни не может удовлетворить нас ни одна из существующих партий. Старообрядцы всех согласий должны образовать свою партию, основываясь в духовной, внутренней жизни на учении Христа, во внешней же, политической жизни — на своей политической программе. И в этом отношении кое-что уже сделано. Старообрядческая Русь покрылась сетью организованных ячеек, которые помогли во многих губерниях выступить со своими списками кандидатов в Учредительное собрание. Но сделано все-таки мало, и трудно надеяться на успех. Однако нас это не должно смущать. С удвоенной энергией должны мы продолжать работу по организации старообрядчества.

«Голос Церкви», 1918 г.

---

[1] Определений социализма дано очень много. Одним из более точных определений является определение А. Амоиа: «Социализм есть система о-ва, в которой средства производства социализированы». Под средствами производства понимаются: земля, ее недра, воды, недвижимость, машинное производство и вообще все хозяйственные орудия.

[2] «Карл Маркс» Каутского, стр. 2, в прим.

[3] «Христос в век машин» арх. Михаила, стр. 157.

[4] Брокгауз и Ефрон. Социализм.

[5] «Христианство и социализм» А. Л. Болье, стр. 34—38.

[6] Там же, стр. 42.

[7] 12 т., стр. 31.

[8] А. Шеффле «Квинтэссенция социализма», стр. 58.

[9] Н. Отлиик «Достоевский и соц. вопрос», стр. 61 и 86.

[10] Н. Бердяев «Возможна ли соц. революция?», стр. 8—9.

ИВАН ЛУКАШ

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

Иван Созонтович Лукаш (1892 — 1940) родился в Петербурге, умер в эмиграции — в Париже. Окончил Петербургский университет, выпустил книгу стихов, служил офицером в Преображенском полку, был участником февральской революции.

В литературный мир русского зарубежья Лукаш вошел со своей темой и своеобычным авторским почерком. Став очевидцем крушения последней мировой христианской державы, он мучительно пытался найти ответ на вопрос: когда, в какую лихую годину вселилась в сердцевину российского бытия погибельная ржа, которая в конце концов разъела скрепы, столетиями державшие Русь, и она провалилась в историческую бездну. Позже этот вопрос будет подспудно питать творчество А. И. Солженицына. И оба писателя придут к одинаковому ответу. Они укажут на две роковые даты: «звериное число» 1666 года — время «Большого Московского Собора», на котором была проклята и растоптана наша религиозная святыня, — и год 1698-й — начало Петровских преобразований, когда была унижена и оскорблена наша святыня национальная. Именно с той поры до самого корня народной души пробежала трещина, которая и доныне не позволяет нефальшиво зазвучать Большому Колоколу чаемого русского единогласия.

Старообрядцем в строгом смысле Лукаш не был. Отсюда характерные выражения («раскольники») и оговорки («заблуждающаяся ли в упорстве своем, или вдохновенно видящая тайные видения небесные»).

До последней, чисто религиозной истины старообрядчества, опознания его как православно-кафолической церкви Христовой, Лукаш не дошел. Но предпоследнюю, национально-религиозную, правду староверия он выразил с такой пронзительной силой, которая вряд ли оставит равнодушным даже пресыщенного литературными переживаниями нашего современника.

В 1936—1937 годах Лукаш печатает в парижской газете «Возрождение» рассказы из цикла «Московия — страна отцов». Публикуемый ниже очерк (1936, октябрь — ноябрь) — из этого цикла.

В глухом Боровске на городище, у острога, лежал белый камень, поросший мхом, а на камне были высечены забвенной московитской вязью буквы, полустертые еще в шестидесятых годах прошлого века:

«Лета 7... погребены на сем месте сентября в 11 день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокия Прокопьевна, да ноября во 2 день боярина Морозова жена Федосья Прокопьевна, а в иноках схимница Феодора, дщери окольничьего Прокопья Федоровича Соковнина. А сию положили на сестрах своих родных боярин Федор Прокопьевич, да окольничий Алексий Прокопьевич Соковнины».

Огни лампад никогда не горели над суровой могилой Федосьи Морозовой и меньшей ее сестры, Евдокии, не теплилось никогда церковной свечи *.

Только звезды небес. Тихая ночь.

Боярыня Морозова и княгиня Урусова — раскольницы. Они приняли все мучительства за одно то, что крестились тем двуперстием, каким крестились до них Филипп Московский и преподобный Корнилий, игумен Печерский, Сергий Радонежский и великая четверица святителей московских. Во времена Никона и Сергий Радонежский, и весь сонм святых, до Никона в Русской земле просиявших, тоже оказались внезапно той же старой, двуперстной «веры невежд», как вера Морозовой и Урусовой.

Это надо понять прежде всего, чтобы понять что-нибудь в образе боярыни Морозовой.

Надо понять, что, живи во времена Никона Сергий Радонежский, он, может быть, еще грознее, чем протопоп Аввакум, восстал бы против «правления» вековой русской молитвы, векового подвига Руси во Христе, и «правления» — кем? — такими непрочными греками, невеждами и торгашами, как Лигарид или Лихуды.

Надо понять, что не за пресловутую «букву» поднялись стояльцы двоеперстия, а за самый Дух Святой Руси. Они поняли, что с «новинами Никона» искажается призвание Руси, почуяли ужасающий разрыв единой народной души, единой мысли народной, падение и гибель русской земли.

Все это надо понять, чтобы осмелиться коснуться самого прекрасного, самого вдохновенного русского образа — образа московитской боярыни Федосьи Морозовой.

Свет тихий, все разгорающийся, исходит от нее, чем ближе о ней узнаешь.

Великомученица раскола. Но никакого раскола, откола в ней нет. В образе боярыни Морозовой дышит самое глубокое, основное, что есть в русских, наше последнее живое дыхание: боярыня Морозова — живая душа всего русского героического христианства.

Не те, вероятно, слова и не мне найти настоящие слова о ней, но кажется боярыня Морозова потомку разгадкой всей Московии, ее душой, живым ее светом.

И потому это так, что боярыня Морозова — одна из тех, в ком сосредоточивается как бы все вдохновение народа, предельная его правда и святыня, последняя, религиозная тайна его бытия.

Эта молодая женщина, боярыня московитская, как бы вобрала в себя свет вдохновения старой Святой Руси и за нее возжелала всех жертв и самой смерти.

Боярышне Федосье Соковниной шел семнадцатый год, когда за нее посватался стольник и ближний боярин царя Алексея, Глеб Иванович Морозов.

В семье окольничего Прокопия Соковнина старше Федосьи были братья Федор и Алексей, а ее младше сестра Евдокия.

У Соковниных хранилась от Василия Третьего память об иноземных предках: они вышли из немцев и в своих праотичах были сродни ливонским Икскюлям, а имя Соковнины приняли от жалованного села Соковня.

Как странно подумать, что в страстотерпице русского раскола, в той, в ком дышит так прекрасно душа всей Московии, шла издалека твердая и упорная немецкая кровь.

Мы не любопытны знать о предках, ничтожна наша историческая память. И боярыню Морозову мы помним разве только по картине Сурикова. Одинокий Суриков могуче чуял Московию, она, можно сказать, запеклась в нем страшным видением «Утра стрелецкой казни».

Но в образе боярыни Морозовой Суриков ошибся, словно бы поддался толкованию раскольничьей Москвы как толпы изуверов, ярых невежд.

И его Морозова на дровнях, в зимний день, в метелицу,— страшная раскольничья старуха, глазастая, исступленная изуверка.

Так же, с пустым огнем безумия в глазах, у нас обычно изображали и протопопа Аввакума: дикие самосожженцы, пугающие, непонятные — какой-то невнятный вопль московитской тьмы...

А было боярышне Федосье Прокопьевне семнадцать, когда сам царь благословил ее на венец образом Живоначальной Троицы, в серебряных окладах и на цветах.

Ближний боярин Морозов — ему далеко перевалило за пятьдесят, суровый вдовец, ревнитель Домостроя, спальник царей Михаила и Алексия, спальники же следили за нравами дворцовых теремов и девичьих,— крепко тронулся светлой красой синеглазой Федосьюшки и ввел ее в свой дом.

С нею вошли в дом Морозова молодость и веселость. Старшие братья, Алексий и Федор, без сомнения, любили сестру: только глубоким братским чувством могло быть написано такое замечательное сказание о ее жизни, какое написал позже о сестре брат Федор. А младшая, Евдокия, как то бывает часто, во всем, не думая, подражала старшей, как бы повторяла ее жизнь. Брат Федор позже напишет о сестрах, что они были «во двою телесах едина душа».

Знаменитый человек Московии, один из самых ее мудрых и светлых людей, Борис Морозов, брат мужа юной боярыни, также полюбил ее за «радость душевную».

Радость душевная — какие хорошие, простые слова... В них сквозит вся юная боярыня Морозова, усмешливая, синеглазая, легкая, с ее светлой головой, сияющей, как в теплое солнце, в жемчуговой кике.

Вот это надо заметить: подвижницы раскола вышли не от ярых изуверов и изуверок, не от дряхлых начетчиц моленец, а из живой, веселой и простодушной московской молодежи.

Молодой Московией была боярыня Морозова, радость душевная...

Правда, за молодежью морозовского дома подымается вскоре такой могучий, такой огромный, точно само грозовое небо Московии, человек, как Аввакум.

С 1650 года он стал духовником молодой боярыни, ее домашним человеком, другом, учителем. Это были те времена неукротимого протопопа, когда он был близок к Цареву Верху, водил дружбу с царским духовником Стефаном Вонифатьевичем, те времена, о каких Аввакум отзовется позже с веселой насмешливостью:

— Тогда я при духовнике в тех же палатах шатался, яко в бездне мнозе.

А на Москве это были времена Никона. Точно черная туча, гнетущая, налегла и затмила свет: Никон.

Смута духа, поднятая Никоном, без сомнения, куда страшнее всех наших Смутных Времен.

Из Смутных Времен Русь вышла победоносная, в светлом единодушии. Она вышла из великого настроения порывом единодушного вдохновения. Русь в испытаниях Смуты впервые за все века вполне обрела, поняла себя. Она была охвачена единодушным желанием устройства, освящения и освежения всей своей жизни. Она уже нашла свою твердую основу в двенадцати Земских Соборах царя Михаила. Такой она приблизилась и к временам царя Алексея.

Тишайший царь как бы только длил тихую весну, какая стала на Руси со светлых дней царя Михаила, и своими Уложениями, в общем движении к устройству Дома Московского, желал все уладить и в Московской церкви.

Но с крутым самовластием Никона церковное Уложение обернулось духовным разложением, исправление — искажением, перемена — изменой. Никонианство для крепких московских людей обернулось предательством самой Христовой Руси.

Именно Никон расколол народное единодушие, вынесенное из Смуты, рассек душу народа смутой духовной. И те, кого отсекли, откололи «новины», с вещей силой почуяли в «черном Никоне» дуновение жесточайшей бури «черного бритоусца Петра», конечное потопление Московии, забвение народом его призвания о преображении Отчего Дома в светлый Дом Богородицы. Они поняли, что так померкнуть самому духу Святой Руси. С какой нестерпимой болью поняли они, что Никон нанес удар по самому глубокому, последнему, что есть у народа: по его вере.

За русскую веру, как они ее понимали, заблуждаясь или не заблуждаясь, за русскую душу, за дух Святой Руси они и пошли на дыбы и в костры.

Из Смутных Времен Русь вышла единодушной. Но после духовной смуты, поднятой Никоном, не нашла она единодушия и до наших дней.

Можно представить, как в доме стольника Морозова молодежь, родня Федосьи Прокопьевны, и она сама слушали огненные речи Аввакума.

Он-то весь как сверкание последней молнии московской, как один вопль о спасении Руси, об отведении чудом Божьим сокрушительного, занесенного над Русью удара. Аввакум уже провидел за Никоном кнут и дыбы Петра. И вещий клекот его тревоги передался молодой боярыне.

Морозова переняла его святую тревогу.

Весь мир веселой и простодушной молодой женщины, знатной боярыни, большой московитки, был потрясен. Аввакумовы зарницы осветили ей все: Русь зашаталась в вере, гибнет. И жизнь стала для нее в одном: как спасти Русь, отдавши для того, когда надо, и себя.

Последнее допетровское поколение, последняя молодая Московия — такие, как Федосья Морозова, или княгиня Евдокия Урусова, или их брат Алексей Соковнин,— вошло в Никонову смуту и в ней погибло в истязаниях и пытках смертельной борьбы за Русь.

Над Московией, по слову одного современника, воскурилась великая буря. Духовная гроза потрясала всех.

Вся Москва сотрясалась от воплей, споров. Всюду: в избах, в хоромах, в церквах, на мостах, в Китай-городе, на Пожаре — вопили, исходили яростью, больше не понимая друг друга, спорящие о вере, о Никоне, о перстах, аллилуйе, на скольких просфорах служить обедню; сколько концов должно быть у креста, как писать Исус, о жезлах и клобуках, и как стали Троицу четверить, и как звонить церковные звоны.

Точно всю душу Московии перетряхнуло. Распря шла о словах, о буквах, о клобуках, а желали понять

* Неточно. После «дарования религиозных свобод» в 1905 году старообрядцам было разрешено над могилой боярыни Морозовой поставить крест с негасимой лампадой, который был снесен в 20-е годы.— (Прим. ред.)

и защитить самую Русь, с ее праотеческой верой, старым крестом и старой молитвой.

Страшная смута духа перекатывалась тяжелыми валами от торжищ и корчемниц до дворца, где спорили много дней о вере, когда стал мутить Девичий Терем, закачала все царство и хлынула, наконец, страшным стрелецким бунтом.

И рухнула у ног Петра в утро стрелецкой казни, когда Московия с зажженными свечами сама пела себе отходную под виселицами и пыточными колесами. Рухнула, растеклась, как будто исчезла.

Нет, не исчезла, но вбилась, глубоко и глухо, как клин в каждую русскую душу.

У боярыни Морозовой родился сын, его нарекли Иваном. Но радость материнства не победила, не утишила нестерпимой тревоги за Русь.

Морозова точно ищет, чем спасти Русь от всего, что надвинулось на нее, и, как все люди, ставшие за старую Русь, не знает другого спасения, кроме молитвы. Молодая боярыня, можно сказать, припала к молитве. Суровым обрядом, истовым чином она точно желает огородиться от потемневшего мира, так чает вымолить светлую Русь.

Пора нам, наконец, понять, в чем наши московские отцы полагали силу обряда: молящийся обрядом воплощает дух, как бы оформляет его, как бы преображает обрядом жизнь вокруг себя, отодвигает всю небожественную, нестройную, неистовую стихию мира, заполняя вокруг себя все божественной стройностью, истовостью обряда, чина каждочастной молитвы.

В доме Морозова шли самые суровые долгие службы, правила, чтения. Боярыня замкнулась в монастырском домашнем обиходе.

Особенно заговорили о том на Москве после смерти ее мужа, в 1662 году.

Ей еще не было тридцати, когда она стала Домодержицей, Матерой Вдовой.

Потомка ослепят невольно пышная византийская мощь, тяжкое великолепие большой и богатой московитской боярыни, звенящей от кованого золота и драгоценных камней.

— Друг мой милый, Федосья Прокопьевна,— напишет позже о тех ее временах Аввакум.— Была ты вдова честная, в Верху чина царева, близ царицы. В дому твоем тебе служило человек с триста. Ездила ты по Москве в карете дорогой, украшенной мусией и серебром, на аргамаках многих, по шести и двенадцати запрягали, с гремячими цепями, за тобою слуг, рабов и рабынь шло иногда и триста тридцать, оберегая честь твою и здоровье...

Как иконостас, отягощенный золотом, горящий византийским жаром, была с виду недосягаемая боярыня.

А что за этими аргамаками, мусией, гремячими цепями?

Во вдовьем доме тихий гул молитв, нощных и дневных, церковное пение, в столовых палатах — нищие, странные, убогие, калеки, юродивые, старцы и старицы. Ее дом становится и больницей, и странноприемницей, и монастырем.

Морозова точно приняла на себя неслышный подвиг все отдавать тем, кто обижен миром, где уже дышит сатана. Ее жизнь двоится: то выезды ко двору и в боярство в золоте, на гремячих цепях, а то в тонком сумраке московском, скрывая лицо под шугаем вдовьих смирных цветов, обход с милостыней темниц и убогих домов.

Кругом гонимые, смятенные, охваченные ужасом пред замыслом Никона сместить старую веру, сдунуть Святую Русь.

Мир кругом останел, зашатался.

И в доме Морозовой, как в Божьей крепости, спасаются от осатаневшего мира.

Она принимает к себе пять изгнанных за старую веру монахинь. Монах Симонова монастыря Трефилий тайно посылает инокиню Меланью в игуменьи этого домашнего морозовского монастыря.

На своем примере, подвиге, жертве хочет отбиться, отмолиться и от страшного мира Морозова.

Со старицей Анной Амосовой она прядет рубахи, переодевается с нею в рубища и «ввечеру ходит по улицам, по темницам и оделяет рубахами и раздает деньги».

Она точно хочет умилостивить добродеяниями надвинувшийся сатанинский мир.

Среди больных она принимает к себе нищего Стефана, в гнойных язвах и струпьях.

Молодая женщина сама «язвы гнойные ему измывала, своими руками служила, ела с ним из одного блюда». Она точно хочет победить отвращение перед всеми страданиями и сама готовится к ним.

В доме у нее таятся от властей юродивые Федор и Киприан, стояльцы за старую веру. Теперь мы не понимаем юродства, брезгуем им: для нас юродивый либо слабоумный чудак, либо ломающий комедию пройдоха.

А для московита юродивый был народным пророком, и подвиг юродства так, например, разъясняет Кедрин: «Повелел ему Бог ходить нагу и необувену, да не повинующиеся слову возбудятся зрелищем странным и чудным».

Юродивые отдавали себя на зрелище, на людскую потеху, за дело Христово. Так и Федор, и Киприан, неведомые пророки московские.

Киприан из верховых богомольцев самого царя, босой, в веригах, не раз молил государя о восстановлении древнего благочестия, ходил по торжищам, гремя пудовыми ржавыми цепями, и на толпе обличал Никона. Это было юродство воющее, брящающее железом.

А кроткое юродство принял на себя Федор. Он был потрясен потемнением мира, дыханием сатаны, тронувшим все. И открылся у него дар слез.

Он плакал о гибели Московии. Босой, в одной рубахе, он днем юродствовал, мерз на стуле, а ночью молился, да отвратится гибель Руси.

Аввакум с замечательной силой и простотой рассказывает о молитве Федора:

— Пожил он у меня полгода на Москве, а мне еще не моглося, в задней комнате двое нас с ним. И много час-другой полежит, да встанет, да и тысячу поклонов отбросает, да сядет на полу, а иное, стоя, часа с три плачет. А я-таки сплю, иное неможется. Когда же наплачется гораздо, тогда ко мне приступит:

— Долго ли тебе, протопоп, лежать, как сорома нет, встань, миленькой батюшко.

Ну так вытащит меня как-нибудь, сидя мне молитвы велит говорить, а он за меня поклоны кладет, то-то друг мой сердечный был...

О чем плакал гораздо ночами беглый молодой монах или мужик, неведомый русский пророк Федор? О гибели Руси, уже неотвратимой, о попрании царства Московского, о лютых казнях Петровых.

О том же плакала с ним на ночных молитвах и молодая боярыня Морозова.

В 1662 году в доме Морозовой поселился сильный гость: вернулся на Москву Аввакум, помученный ссылками и острогами, полысевший, согбенный, но полный светлой силы и неукротимой жажды борьбы.

Царь Алексей все шатался. Властью царской шел на поводу Никона, а человеческая совесть «стонала». Аввакум так и пишет о царе Алексее — «постанывал». В царе Алексее с Никона страшный разлад: по власти за Никона, по совести нет. Чует и царь Алексей, что последнее, основное, раскалывают на Москве Никоновские новины, но будто и новины хороши и раз сделано — сделано, чего невежды упорствуют. В таких безвольных колебаниях, в «постанованиях», то судит царь всем собором защитников старого креста и молитвы на отлучение, на анафему и лютые казни, то снова пришатывается к ним и уже судит самого Никона, то опять гонит людей за их старую веру в Сибирь, на костры.

В 1662 году царь как будто снова пришатнулся к Аввакуму, протопоп в чести.

— Се посулили мне,— рассказывает Аввакум,— Семенова дни сести на печатном дворе книги править, и я рад сильно, мне то надобно лучше и духовничества. Пожаловал царь, царица, дружище наш Федор Ртищев тот и шестьдесят рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть, а о иных нечего и сказывать, всяк тащит, да и несет всячиною. У света моего Федосьи Прокопьевны жил, не выходя, на дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокия Прокопьевна, дочь же моя...

Аввакум, как видно, уже не верил ни посулам, ни ласке царя, и сколько презрения у него к тем подобострастникам московским, что тащили ему, в угоду царю, «всячину».

Аввакум и его духовные дочери ждали другого: страдания. Для них Русь уже шатнулась к сатане и померкла. Может быть, в эти дни и сказал впервые Аввакум боярыне Морозовой удивительные, странные слова:

— Выпросил у Бога Светлую Русь сатана, даже очервенить кровью мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал и нам-то любо, Христа ради, нашего Света, пострадати...

Для них вся Русь, царь и патриарх, священство ее, боярство и людство, выпрошены у Бога сатаной. Один только выкуп остался: кровь мучеников.

И они мученичества-выкупа дождались.

Царь снова шатнулся от неверной стонущей ласки к жесточи.

Над Московией загремел Собор 1666 года, тот «темный собор звериного числа», кому суждено было поколебать русскую душу до самого сокровенного, на целые века, и залить Русь кровью, и озарить ее кострами мучеников.

Царь в великолепии державы и скипетра, с синклитом боярства, с восточными патриархами, с архиепископом великой Александрии, папой и судией вселенной, архиепископами, архимандритами, игуменами, со всем освященным Собором осудил, как думали сторонники старой молитвы, все восемьсот лет русского христианства, отринулся старого русского двоеперстия, каким сжаты руки мощей всех святителей русской земли, и самый символ русской веры прочел на Соборе искаженным. А митрополиты ответили «все принимаем, и на небрегущие о сем употребити крепкие твои царские десницы».

И вот куда, в какие ямы Мезени и Пустозерска, снова согнан с Москвы не поколебленный соборными анафемами Аввакум и где ближние молитвенники боярыни Морозовой, Федор и Киприан?

Федора, рыдальца за Русь, сослали под начало в Рязань к архиепископу Иллариону. Его били плетьми, держали скованного в железа, «принуждая к новому антихристову таинству», не принудили, сослали в Мезень и там повесили.

Киприана казнили «за упорство» в Пустозерском остроге.

Стала готовиться и Морозова к страданию — выкупу Светлой Руси от сатаны.

Под тяжкой боярской одежей молодая женщина начала носить жесткую белую власяницу, закаляла себя. Наконец, тайно приняла постриг от защитника старой веры, бывшего Тихвинского игумена Досифея.

В боярстве, на Царевом Верху, по всей Москве знали, что вдова стольника Морозова — приверженка старой веры, первая раскольщица, ненавистница Никона; знали, что раскольщики текут через ее высокие хоромы, таятся там — хотя бы пятерица ее инокинь,— но боярыню не трогали.

Больше того, в самый год «темного собора» государь возвратил Морозовой отписанные было от нее вотчины «для прощения государыни царицы Марьи Ильинишны и для всемирной радости рождения царевича Ивана Алексеевича».

Но боярыня точно отталкивает от себя царскую милость, отказывается от возвращенных богатств. Она расточает их в милостынях, она выкупает с правежа людей.

Боярство, круг Морозовой, ее ближняя и дальняя родня, кроме сестры и братьев, не понимали ее, дивились, чего ей-то стоять за ярых московских раскольных мужиков и невежд-попов. Они не понимали терзающего ужаса Морозовой о гибели Руси, ее чуяния неминуемого конца Московии.

Почти все, и самые умные из людей московских, сами уже подались на сладкое и привольное житие польской шляхты и на любопытные затеи иноземщины. Жилистая сухота московщины, суровое мужичество, уже гнетет их, жмет. Сами-то они почти уже не верят в стародавний чин и обряд. Москва для них помертвела, и не у одного из верховых московских людей мелькает мысль: «Вера-де хороша для мужиков, а мы-де поболе видали, мы-де умнее».

Зияющая расщелина прошла по народной душе: верхи уже отделились от понимания народа, и начался, покуда еще невидимый, раскол единой нации московской на две нации: обритых, окургуженных Петром «бар» и бородатого «мужичья».

Такие верхи московские уже не верили в молитву, устали от обряда. Они равнодушно приняли Никона и, может быть, с насмешкой умников смотрели на боярыню, омужичевшую вдруг с попами-раскольниками. Они не понимали вовсе, что так опалило, зажгло ее душу.

Знатная родня страшила Морозову, что не ей, честной вдове, быть в распре с царем и патриархом.

Ее дядя, царский окольничий, умный и холодный Михайло Ртищев, не раз ездил к Морозовой отвращать ее от раскольников.

Дочь Ртищева, Анна, пыталась тронуть иное: самые глубокие чувства Морозовой, ее материнство.

— Ох, сестрица-голубушка,— причитала Ртищева.— Съели тебя старицы-белевки...

Ртищева говорила о пятерице инокинь старой веры, таившихся в доме Морозовой:

— Проглотили они душу твою... И о сыне своем не радишь. Одно у тебя чадо, а ты и на него не глядишь... Да еще какое чадо-то, кто не подивится красе его, подобало бы тебе и на сонного на него любоваться... Сам государь с царицей удивлялись красоте его... Ох, многие скорби подымешь, а сына твоего сделаешь нищим.

Брат Морозовой Федор, записавший в «Сказании» эту беседу, записал и ответ Морозовой. Ответ могучей матери-христианки:

— Ивана я люблю, и молю о нем Бога беспрестанно, и радею о полезных ему душевных и телесных. Но если вы думаете, чтобы из любви к Ивану душу свою повредила или, его жалеючи, отступила благочестия и этой руки знаменной...— говоря так, боярыня подняла, вероятно, руку с двуперстием,— ...то сохрани меня Сын Божий от такого неподобного милования. Христа люблю более сына... Знайте, если вы умышляете сыном меня отвлекать от Христова пути, вот что прямо вам скажу: если хотите, выводите моего сына Ивана на Пожар и отдайте его на растерзание псам,— не помыслю отступить благочестия, хотя бы и видела красоту,

псами растерзанную. Если до конца во Христовой вере пребуду и сподоблюсь вкусить за то смерти, то никто не может отнять у меня моего сына...

Суровость ответа матери, отдающей сына на терзания Пожара, площади казней в Китай-городе, может показаться потомку жестокостью. Это ожесточение души, готовой на все страдания.

И, вероятно, так же отвечали о своих сыновьях и первые матери-христианки, когда сами готовились выходить на арену римского цирка.

«Сказание» Федора Соковнина о сестрах-мученицах Федосье и Евдокии, какое я желал бы только пересказать, такой же замечательный памятник московской письменной речи, как и «Житие» Аввакума.

Когда ученый-расколовед Н. И. Субботин издал в свет труды Аввакума, епископ Виссарион, председатель «митрополита» Православного миссионерского братства Петра», на собрании его низко поклонился Субботину и сказал:

— Я прочитал Аввакума... Какая сила... Это Пушкин семнадцатого века... Если бы русская литература пошла по пути, указанному Аввакумом, она была бы совершенно иной.

Так и «Сказание» о боярыне Морозовой.

И если бы знали мы Жития Морозовой и Аввакума с юности, если бы пережили их, поняли вполне, не одна наша литература, а вся духовная жизнь России, может быть, была бы совершенно иной.

Никакие уговоры и застращивания не могли, конечно, переменить Морозову.

Она уже избрала свою судьбу: страдание за двуперстную Русь, «выпрошенную у Бога сатаной».

Но еще никто не трогал, не тревожил боярыню. Сильная рука была у нее на Москве: сама царица Марья Ильинишна, болезная, тихая...

Царица немало пролила слез о кручине московской, в новинах Никона и она чуяла гибель Руси. Царица любила Морозову.

По царицыной воле раскольщицу и не трогали.

Но в марте 1669 года тихая государыня Марья Ильинишна скончалась, и, едва минул год, государь сыграл свадьбу с Наталией Кирилловной Нарышкиной.

Другая женщина стала рядом со стареющим, огрузневшим царем Алексеем, иной воздух она принесла с собой в царские хоромы: воздух свежий и острый.

Эта молодая, сильная стрельчиха еще в Смоленске глотнула польской сладости и привольства, а в доме московского воспитателя приобвыкла к веселости иноземщины. Царь, может быть, и взял ее за себя, белозубую, смелую, свежую, чтобы забыть тяжелый церковный чин, молитвы, ладан, свечи и слезы болезной своей Марьи Ильинишны.

Смоленская стрельчиха, вышедшая в царицы, будущая мать Петра, не возлюбила люто боярыни Морозовой. В двух московских женщинах столкнулись два мира: Московия, с ее последним, не погасающим светом Святой Руси, и Россия иная, отринувшаяся от Московии, свежая и бурная, как дикий ветер,— Россия Петра.

Столкновение миров Наталии Нарышкиной и Федосьи Морозовой началось с самого малого, незаметного, как бывает всегда.

На царской свадьбе в январе 1671 года Морозовой, как наибольшей боярыне, надо было стоять в челе других боярынь и говорить приветственную титлу царю. Морозова уже давно сказывалась больной, никуда не выезжала, она отказалась быть и во свадебном чину: «Ногами зело прискорбна, не могу ни ходити, ни стояти».

— Знаю, она возгордилась,— сказал царь, услышавши об ее ответе.— Нечисты для нее благословения архиерейские.

Доброхоты Морозовой поехали уговаривать ее не гневить государя. Ее увещевают боярин Троекуров и князь Петр Урусов, муж ее сестры Евдокии.

Тонкую и коварную игру играет князь Петр. С татарской хитростью он сам толкает жену, маленькую Евдокию, все глубже в раскол. Он хорошо понимает, чем все это грозит, но наводит Евдокию на мысли о страдании, о подвиге за старую веру, хотя сам старой веры и не коснется. Иные мысли, темные, потаенные, у князя Петра.

Он хочет свалить несчастную Евдокию к раскольщикам и отделаться, избавиться от жены: на примете у князя другая...

Троекуров и князь Урусов приехали к Морозовой. Убеждали долго, грозили гневом государя.

Боярыня, наконец, поднялась со скамьи, поклонилась гостям и сказала:

— Если хочет меня государь отставить от правой веры, в том бы он, государь, не покручинился... Да будет ему известно: до сей поры Сын Божий покрывал меня своей десницей.

И больше ни слова. Умолкла.

Об упорстве Морозовой донесли царю. Он усмехнулся недобро:

— Тяжело ей бороться со мной. Один из нас непременно одолеет...

В тот же, может быть, вечер на половине нареченной царицы Наталия Кирилловна отдалась с жадной яростью гневу и слезам: ее, царицу, посмела обойти раскольница. Смоленская стрельчиха обернулась к Морозовой со всей нещадной бабьей ненавистью и злобой.

И вот, точно быстрая гроза, удар за ударом разражается над боярыней.

У царя Алексея, на Верху, о Морозовой было назначено думное сидение: строптивую решили взять жестонью.

О ходе дела Федосья Прокопьевна знала от сестры Евдокии. Той все новости с Верху переносил муж.

— Слышь, княгиня,— говорил он маленькой жене.— Сам Христос глаголет, время пришло пострадати...

Он толкал княгиню под батоги, на дыбу, он хорошо знал, что решено на Верху.

Младшая сестра всей душой прильнула к старшей, хотя, может быть, и догадывалась о коварстве мужа.

При первых же толках о решении Верха Евдокия Урусова перебралась в дом сестры, чтобы ни в чем и никогда уже не оставлять ее больше.

Боярыня Морозова отпустила от себя своих стариц-монахинь.

— Матушки мои, время пришло,— поклонилась она им в ноги на прощание.— Благословите страдати без сомнения за имя Христово.

Сестры остались в хоромах одни. С минуты на минуту ждали, что за ними придут. Федосья устала, легла в постельной комнате, на пуховике, близ иконы Богородицы Федоровской.

Рядом с сестрой прилегла Евдокия.

Вечерело. Сестры ждали многой стражи, стрельцов с бердышами, а пришел к ним от царя один только дьяк. Государь-де приказал спросить, «како крестишься».

Морозова, не подымаясь с постели, молча сложила пальцы по-древнему, в двоеперстие. Так же молча подняла руку с двуперстием Евдокия. Дьяк ушел.

Снова тишина в доме. Затишье перед бурей. На самом закате к царю в Грановитую палату пришла присылка от Морозовой. Государь выслушал дьяка и сказал:

— Люта эта сумасбродка.

А к ночи дом Морозовой был полон и стрельцов, и дьяков. Участь боярыни и княгини была решена. Архимандрит вошел к ним уже без поклона, без истового креста на иконы.

— Царское повеление постигает тебя,— сказал архимандрит боярыне.— И из дому твоего ты изгоняешься. Полно тебе жить на высоте, сниди долу...

Кругом, может быть, засмеялись. Боярыня Морозова сурово молчала, к ней жалась меньшая сестра.

— Встань и иди отсюда,— приказал архимандрит.

Сестры не тронулись. Тогда обеих вынесли из дома в креслах.

Когда несли их, безмолвных, точно окаменевших, за толпой стрельцов, на крыльцах послышался тонкий детский крик:

— Мамушка, мамушка...

От шума в доме проснулся сын Морозовой, отрок Иван, сбежал со среднего крыльца за матерью. Только тогда слегка шевельнулась она, посмотрела на сына с улыбкой.

— Сынок, Ванюша.

И отрок поклонился ей вслед.

В доме дьяки опрашивали слуг, их согнали толпой в людские хоромы. Кто крепился в двуперстии, тех отделяли ошуюю. В доме стояли плач, брань и стук стрелецких бердышей.

А сестер уже донесли до подклетей. Кат надел им на ноги грузные конские железа, заковал. У подклети стала стража.

Кончился век боярыни Морозовой и княгини Урусовой.

Начался нескончаемый век двух страдалиц — сестер Федосьи и Евдокии.

На рассвете, едва только стала громоздиться туманом и дымом Москва, в подклеть к сестрам, сгибаясь и сплевывая, пробрался дьяк Ларион Иванов.

Дьяк приказал кузнецам сбить железа. Сестры занемели и от цепей, и от холода, две ночи они лежали скованные в подклети. Дьяк приказал им идти в Чудов. Обе отказались.

Тогда стрельцы понесли на плечах носилки с боярыней Морозовой, а за носилками пешей пошла ее младшая сестра — княгиня Урусова.

Боярыню стрельцы ввели в соборную палату. Ее поставили перед судом епископов.

Долго в молчании смотрели на молодую женщину, бледную, с сияющими синими глазами, Павел, митрополит Крутицкий, и Иоаким, архимандрит Чудовский, и думные дьяки.

Иоаким Чудовский, тот, что когда-то смолоду служил в конных рейтарах, начал выговаривать боярыне с горячностью:

— Старцы и старицы довели тебя до судилища, пожалей хоть красоту сыновью.

Морозова ответила тихо:

— О сыне перестаньте мне говорить, ибо Христу живу, а не сыну.

Собор переглянулся, пошептался, и вопросы со всех концов палаты начали как бы загонять боярыню в угол:

— Причащаешься ли ты по тем служебникам, по которым государь-царь, благоверная царица, царевичи и царевны причащаются?

— Нет. И не причащусь, потому что царь по развращенным Никоновым служебникам причащается.

— Стало быть, мы все еретики?

— Вы все подобны Никону, врагу Божью, который своими ересями, как блевотиной, наблевал, а вы теперь то оскверненье его подлизываете...

Ярый шум поднялся на соборе. Упорную раскольщицу уже не судят, ее бранят, лают.

Она стоит молча, прижавши руку с двуперстием к груди, только вздрагивают полузакрытые веки.

— После того ты не Прокопьева дочь, а бесова дочь! — крикнул кто-то.

Она открыла глаза, перекрестилась:

— Я проклинаю беса... Я дочь Христа.

Уже исступленная, ожесточенная, заблуждающаяся ли в упорстве своем, или вдохновенно видящая тайные видения небесные, но сильная и непобедимая в вере своей, стоит перед собором Морозова.

И, может быть, видела она все святые видения и знамения, крылья светлой Руси. И кому она молча молилась, чтобы подал ей сил устоять в первой буре, может быть, Сергию Радонежскому, может быть, святителям московским, всему сиянию отринутой Никоном двуперстной Руси.

И странно, боярыня Морозова перед судом московских епископов вызывает образ иной и дальний: светлой Девы Орлеанской, тоже на суде.

Но не в кованых латах русская Жанна д'Арк, а в этой невидимой кольчуге духовной, о какой сказано у апостола Павла.

Ее увели назад, в подклеть, снова забили ноги в железа.

А наутро думный дьяк снял сестрам железа с ног, взамен надел обеим острожные цепи на шеи.

Морозова перекрестилась, поцеловала огорлие студеной цепи:

— Слава Тебе Господи, яко сподобил еси мя Павловы узы возложить на себя...

Конюхи вынесли ее, закованную, к дровням. На дровнях же ее повезли через Кремль.

На Москве курилась метель. С царских переходов, у Чудова, поеживаясь от стужи, царь смотрел, как везут строптивую раскольницу. Может быть, уже жалел, что не пострашилась она страданий и позора, может быть, уже и «постанывал», глядя на боярыню.

На позорный поезд Морозовой смотрела и молодая царица Наталия, чернобровая, крутотелая, разогретая сном. Смотрела без сожаления, с холодным равнодушием.

За дровнями, ныряя в метель, молча бежала толпа. Вероятно, эти мгновения и изобразил Суриков в своей «Боярыне Морозовой».

Но не глазастая старуха изуверка подымала руку с двуперстием, а молодая боярыня.

Последнюю молодую Московию везли в заточение. Морозова подымала руку, крестясь двуперстно, и звенела цепью.

Ее отвезли в Печерский монастырь, под стрелецкую стражу.

Евдокию, тоже обложивши железами, отдали под начало в монастырь Алексеевский.

Сестер разлучили.

Алексеевским монахиням приказано было силком водить княгиню в церковь. Она сопротивлялась, ее волочили на рогожах. Маленькая княгиня билась, рыдала:

— О, старицы бедные, я не о себе, о вас плачу, погибающих, как я пойду в ваш собор, когда там поют, не хваля Бога, но хуля...

Упорство или заблуждения старшей, Федосьи, ожесточенная ее жажда пострадать за старую веру у Евдокии еще сильнее; как зеркало, с резкостью отражает она все черты старшей сестры.

На Москве о сестрах-раскольницах начался жестокий розыск.

Одну из морозовских стариц, Марью, жену стрелецкого головы Акинфея Данилова, бежавшую на Дон, схватили на Подонской Стороне. Ее, окопавши, посадили в яму перед стрелецким приказом. «Бесстуднии воины пакости ей творяху невежеством, попы никонианские, укоряя раскольницей, принуждали креститься в три

персты и ломали ей персты, складывающе щепоть».

Братья Морозовой тогда же были согнаны с Москвы: старший, Федор,— в Чугуевские степи, а младший, Алексей,— в Рыбное.

Дом Морозовой запустел.

Имения, вотчины, стада коней были розданы боярам. Распроданы дорогие ткани, золото, серебро, морозовские жемчуга.

Разбили окончины. Ворота повисли на петлях. В пустых хоромах гулял ветер.

Верный слуга боярыни, Иван, схоронил кое-какие боярские ларцы с драгоценными ожерельями, лалами от расхищения. Ивана предала властям его жена, бабенка гулящая.

Слуга Морозовой был пытан, жжен огнем шесть раз и, все претерпевши, с другими стояльцами за старую веру сожжен на костре в Боровске.

В опустевшем, разграбленном доме оставался сын Морозовой, отрок Иван.

От тоски по матери, от многой печали Иван заболел, лежал в жару, бредил.

О лютой болезни сына Морозовой дошло, наконец, до царя.

Алексея Михайловича уже мучила его неспокойная совесть, уже тосковало-«стонало» его доброе человеческое сердце.

Царь послал к отроку своих лекарей, чтобы выходили морозовскую ветвь. Но было поздно: ни немецкие медики, ни московские знахарки не помогли. Мальчик умер.

Сквозь оконце кельи, где гремела цепью Морозова, прилучившийся монастырский поп сказал боярыне о кончине сына.

Только здесь, однажды прорвалось всей силой рыданий материнское горе, любовь к Ванюше. Монахини слушали, как убивается в келье, звяцает цепью мать. Ночью не раз тревожил монастырь ее тягостный крик:

— Чадо мое, чадо мое!.. Погубили тебя отступники!

Потом она стихла. Это был последний прорыв горячих человеческих чувств в нечеловеческих страданиях.

Из Пустозерска, с Мезени, к ней тайно добирались тончайшие, мелкоисписанные лоскутки, послания Аввакума из земляных ям и острогов.

Какая ясная мощь и какая ясная печаль в утешениях протопопа, точно и он сам, когда пишет, тихо плачет, как плакала над его утешениями боярыня:

— Помнишь ли, как бывало уже некого чотками стегать, и не на кого поглядеть, как на лошадке поедет, и по головке некого погладить... Миленкой мой государь, в последнее увиделся с ним, егда причастил его.

Совершенны по силе чувства человеческого все ясные послания Аввакума из своей темницы в темницы сестер:

— Подумаю, да лишь руками взмахну, как так, государыни изволили с такие высокие степени ступити и в бесчестие ринуться. Воистину подобно Сыну Божию: от небес ступил, в нищету нашу облечеся и волею пострадал. Мучитеся за Христа хорошенько, не оглядывайтесь назад. И тово полно: побоярила, надобно попасть в небесное боярство...

Аввакум называл сестер «двумя зорями, освещающими весь мир», и его ласковые слова навсегда останутся вокруг двух сестер, как тихий нимб:

— Светы мои, мученицы Христовы.

Аввакум и утешал, и звал к смарагдовой твердости перед всеми испытаниями. К сестрам доходила поддержка и других стояльцев за веру. Скитальцу иноку Иову Льговскому удалось даже пробраться в Печерский монастырь и причастить Морозову. Суровый пустынник Епифаний Соловецкий пишет ей с нарочитой грубостью, с резкостью, точно чтобы приохотить ее к ожесточению страданий:

— О, светы мои, новые исповедницы Христовы, не игрушка душа, чтобы плотским покоем ее подавлять... Да переставай ты и медок попивать, нам иногда случается и воды в честь, а живем же, али ты нас тем лучше, что боярыня... Поклоны, егда метание на колену твориши, тогда главу впрямь держи, егда же великий поклон прилучится, тогда главою до земли, а нощию триста метаний на колену твори...

Защитники старой веры знали, что Морозова — мученица, и с грубой суровостью в мученичестве ее закаляли.

Москву затревожил подвиг и цепи сестер, боярыни и княгини. Множество вельможных жен, повествует «Сказание», и простых людей стекалось смотреть на сестер. Тихая толпа, без шапок, стояла у Печерского. Раскольничье диво могло стать московской святыней. Все это смутило и затревожило царя и патриарха.

Патриарх Питирим первый стал просить царя за Морозову:

— Батюшко-государь, кабы ты изволил опять дом ей отдать и на потребу ей дворов бы сотницу крестьян дал, а княгиню бы тоже князю отдал, так бы дело то приличное было, потому что женское их дело: много они смыслят.

Патриарх чаял земным покоем, боярскими хоромами, сотницами крестьян покорить ту, кто уже дошел до края испытаний, исступился.

Царь догадывался, что сотницами крестьян Морозову не вернуть.

— Я бы давно это сделал,— ответил он патриарху.— Но не знаешь ты лютости этой жены, сколько она мне наругалась. Сам испытай, тогда вкусишь ее прясности. А потом я не ослушаюсь твоего слова.

Патриарх решил испытать.

В два часа ночи Морозову взяли из монастыря и повезли на дровнях в Чудов. Ее ввели в палату в цепях. В сыром сумраке горели, трещали восковые свечи.

Снова, в глубоком молчании, смотрели из сумрака патриарх, митрополит Павел, дьяки на эту невысокую, исхудавшую боярыню с сияющими глазами, едва звенящую цепью.

Точно сама Московия, светящаяся, замученная, тихо вышла из темени, стала перед патриаршим столом.

— Дивлюсь я,— сказал патриарх.— Как ты возлюбила эту цепь и не хочешь с нею разлучиться.

Бледное лицо боярыни тронулось нечаянной улыбкой.

— Воистину возлюбила,— прошептала она.

Тихий голос патриарха, тихие ответы Морозовой, потрескивание восковых свечей только и были слышны в судной палате. Казалось, вот будут сказаны самые простые слова, и переменится судьба Морозовой, и патриарх поклонится страдалице, и она патриарху.

— Оставь нелепое начинание,— уговаривал патриарх.— Исповедайся и причастись с нами.

— Не от кого.

— Попов на Москве много.

— Много, но истинного нет.

— Я сам на старости потружусь о тебе.

— Сам... Чем ты от них отличен, если творишь тоже, что они... Когда ты был Крутицким митрополитом, жил заодно с отцами предания нашей русской земли и носил клобучок старый, тогда ты был нам любезен... А теперь ты восхотел волю земного царя творить, а Небесного Царя презрел и возложил на себя рогатый клобук римского папы... И потому мы отвращаемся от тебя... И не утешай меня тем словом: я сам... Я не требую твоей службы.

Тогда поднялся гневный шум. Морозову бранят, лают, прорвалась московитская грубость, презрение, ненависть.

Исступилась и Морозова. Тишина сменилась лютым неистовством. Раскольничья боярыня уже не желает стоять перед никонианскими епископами, виснет на руках стрельцов.

Патриарх решился насильно помазать ее священным маслом. Старец поднялся, стал облачаться в тяжелую патриаршую мантию. Еще принесли свечей. В огнях трикириев, с духовенством, патриарх во всем облачении начал идти с дарохранительницей к боярыне.

Морозова смотрела на него, прижавши цепи к груди. Патриарх подошел со словами:

— Да приидет в разум, якоже видим — ум погубила...— и силой ухватился рукой за меховой треух боярыни, желая приподнять его, чтобы помазать лоб.

Морозова отринула, оттолкнула патриаршую старческую руку в исступлении:

— Отойди, зачем дерзаешь неискусно, хочешь коснуться нашему лицу...

Она подняла цепи перед собой, звяцая ими с криком:

— Или для чего мои оковы!.. Отступи, удались, не требую вашей святыни!.. Не губи меня, грешницу, отступным твоим маслом!..

Гнев охватил и патриарха. Он вкусил «прясности», о какой предупреждал царь, и он понял, что ни уговоры, ни насильничество не переменят ничего.

Патриарх стал с другими бранить злобно боярыню:

— Исчадье ехиднино, вражья дочь, страдница...

Ее стращали, что наутро сожгут в срубе, ее сбили с ног, поволокли по палате мимо патриарха, стоявшего над нею во всем облачении, среди трикириев.

«Железным ошейником,— рассказывает о ночи судилища ее брат Федор,— едва шею ей надвое не перервут, задохлась, по лестнице все ступеньки головой сочла».

Боярыню увезли. Ввели ее сестру, маленькую, дрожащую княгиню Урусову. Патриарх думал и ее помазать освященным маслом.

Но едва ступил он к княгине, она сама сорвала с себя княжескую шапку и кисейное покрывало, ее волосы пали, раскидались по плечам: княгиня перед всем собором опростоволосилась. А не было большого стыда на Москве для мужчины увидеть простоволосую женщину,— открыть голову перед мужчинами.

От княгини тоже отступили.

На другую ночь сестер привезли на Ямской двор.

Морозова думала, что на рассвете их выведут на Болото жечь на срубе. Сквозь тесноту стрельцов она сказала Евдокии:

— Терпи, мать моя...

Сестер повели на пытку. У дыбы сидели князь Иван Воротынский, князь Яков Одоевский и Василий Волынский.

Первой повели к огню Марью Данилову, морозовскую инокиню, схваченную на Подонской Стороне.

Марью обнажили до пояса, перекрутили руки назад, «подняли на стряску и снем с дыбы бросили наземь».

Второй повели княгиню Евдокию Урусову. Светало. На дворе падал снег. Кат по талым черным лужам подошел к княгине, рассмеялся дерзко:

— Ты в опале царской, а носишь цветное,— кивнул кат на княгинину шапку с парчовым верхом.

— Я пред царем не согрешила...

Кат зажал ей рот, содрал цветную ткань с ее шапки. Маленькую княгиню под руки повели на дыбу.

Князь Воротынский между тем допрашивал боярыню Морозову. Она стояла в снегу, придерживая обмерзшие цепи.

— Ты, Федосья, юродивых принимала, Киприяна и Федора, их учения держалась, тем прогневала царя.

Боярыня послушала князя, опустила цепь в снег:

— Тленно, мимоходяще все, о чем ты говорил, князь... Сын Божий распят был от жидов, так и мы все от вас мучимы.

На стряску, к дыбе повели и Морозову. Ее подвесили на ремнях, над огнем, она не умолкала, стыдила бояр за мучительство.

За то с полчаса висела она с ремнем, «и руки до жил ремни ей протерли».

Каты сняли боярыню с дыбы, положили рядом с сестрой, нагими спинами в снег, с выкрученными назад руками.

В ногах сестер, в потоптанном снегу лежала Марья Данилова. Ей клали мерзлую плаху на перси, ее били в пять плетей немилостиво, по хребту и по чреву.

Морозова вынесла свою пытку, но чужой не вынесла. Она зарыдала жалобно, видя текущую кровь инокини, вещее видение всех русских мучительств. И сквозь рыдания сказала наклонившемуся думному дьяку:

— Это ли христианство, чтобы так людей мучить?

Три часа лежали в заслеженном снегу, на Ямском дворе, под рогожами княгиня с боярыней и в пять плетей забитая инокиня.

В глухое утро, на самом свету, каты стали ставить на Болоте сруб, сносить поленья и хворост.

Москва проснулась с вестью: Морозову будут жечь. На Болото потянулись в сивом тумане хмурые, глухонемые толпы.

А у царя с самого света было на Верху думное сидение. Боярство надышало в палате холодным паром, сыростью, на медвежьих шубах и на охабнях оттаивал снег.

На Верху все лаяли Морозову. В подобострастии пытались все разгадать волю царя и думали, что его воля раскольщицу сжечь.

Один долгорукий, седой, еще в не оттаявшем инее на соболях, поднялся и стал перечить боярскому лаю, пресек. Бояре начали смолкать, с ворчаньем, а сами все смотрят на лицо царево, как-де он, что-де он, государь.

Алексей Михайлович, грузный — он уже страдал тогда от тучности, от одышки, от водяной, точно бы налившей ему желтоватой водой крупное лицо,— сидел понурясь и был грустен.

Царь поднялся со вздохом, со стонущим вздохом, и вышел молча.

Сруб на Болоте приказано было разметать.

Царя зашатала снова неумолкаемая распря между совестью человеческой и властью царской. И нет большего свидетельства о полном разладе его с собою, неуверенности во всем, что затеян он с новинами Никона, и доброты его безвольной, и слабости, и усталости, чем краткое посланьице, написанное им в тот день, к только что пытанной боярыне:

— Мати праведная Федосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина-мученица,— дай мне, приличие ради людей, чтобы видели,— не крестись тремя персты, но только руку показав, поднеси на три перста...

Боярыня Морозова своим стоянием за двуперстие победила царя, он только «приличие ради», чтобы открыто не признать себя побежденным перед всея Москвой, просит ее всего лишь «показывать», будто крестится «на три перста».

— Пришлю возок царский,— обещает он,— с аргамаками, и придут многие бояре и понесут тебя на головах своих ко мне в прежнюю твою честь...

Но что ей возки, аргамаки, какая ей теперь честь, что понесут ее бояре на головах. Никому, и самому царю, не соблазнить ее никакой честью земной. Она выбрала честь небесную: стояние за Святую Русь до конца.

Боярыня Морозова ответила царю Алексею на словах:

— Эта честь мне невелика, было все и мимо прошло,

езживала в каретах, на аргамаках и в бархатах... А вот какой чести никогда еще не испытывала: если сподоблюсь огнем сожжения в приготовленном вами срубе на Болоте.

Спешно перевезли Морозову в тот же день в Новодевичь-монастырь. Повелено было силком волочить ее к службам.

У Новодевичьего день и ночь без шапок стояла толпа. Громоздились возки боярынь, колымаги, вельможные приезды, крики конюхов нарушали монастырскую тишину.

Москва следила за неровным поединком боярыни Морозовой, помученной дыбой, с самим царем всея Руси.

Москва чувствовала, что батюшка-государь сам мучается о старой вере. На Москве многие ждали, что простит государь упорствующих за Русь, за старую ее молитву, и поклонится им, и они ему, и станет снова одним крылатым духом русская земля.

Но какую силу надобно иметь царю, чтобы отказаться от своего же соборного уложения, от затей Никона, в каких он чувствовал к тому же если не полную правоту, то полуправоту. А вблизи, кругом, одни подобострастные, льстивые, равнодушные: ни на кого опоры.

А кого в эти дни слушал усталый государь: вероятно, таких поддакивателей — «а-се, во-се, государь» — и еще холодно беспощадную к Морозовой царицу Наталию Кирилловну...

Царь озабочен только тем, чтобы отвезти Морозову с глаз толпы: из Новодевичьего ее увозят тайно в Хамовники.

Между тем заволновался и царев Верх: за Морозову — Терем со старыми, исчахшими царевнами-тетками, с царскими сестрами-перестарками и юными девушками. Они все за боярыню, кроме новой царицы, смоленской стрельчихи. Старшая сестра царя, поседевшая старая девушка, строгая молитвенница Ирина Михайловна, стала говорить брату:

— Зачем, братец, вдову бедную помыкаешь. Нехорошо, братец...

Вмешательство царевны Ирины только усилило бессильное раздражение царя против Морозовой. Он знал «прясность» раскольничьей боярыни. Он понимал, что только отмена всех затей Никоновых, возврат Руси к ее вековой молитве, осьмиконечному кресту и двоеперстию, только освобождение всех заключенников за старую веру и всенародное царское покаяние перед теми, кто засечен насмерть, кто кончился на дыбах, под плетями, в земляных тюрьмах за Русь — забвение собора 1666 года, полное поражение его Морозовой и Аввакумом,— вот что могло бы примирить его с «бедной вдовой».

— Добро, сестрица, добро,— угрожающе ответил царь.— Готово у меня ее место.

И приказал в ту же ночь вывезти боярыню из Москвы, под крепкой стражей, в далекий, не ведомый никому Боровск, в острог, в земляную тюрьму, на жестокое заточение.

Царь желал, чтобы Москва забыла Морозову, чтобы и память о ней исчезла, и думал сам, что так забудет о ней.

А остался с нею навсегда, точно наедине, с глазу на глаз: царь Алексей остался со своей совестью.

В Боровск перевели и княгиню Урусову. Муж давно покинул ее, не толкал больше «пострадати за Христа»: князь Урусов женился на другой.

В Боровск, в тюрьму к Морозовой, привезли и других острожниц-раскольниц: инокиню Марью Данилову, что лежала с ними под рогожами на Ямском дворе, и другую морозовскую инокиню — Иустину.

Верные руки донесли до них последнее посланьице Аввакума из Пустозерска:

— Ну, госпожи мои светы, запечатлеем мы кровью своею нашу православную христианскую веру со Христом Богом нашим. Ему же слава вовеки. Аминь.

Один боровитянин, Памфил, в первые же дни был пытан и сослан с женою в Смоленск за то, что передал острожницам «луку печеного решето». Но к зиме Москва как бы забыла о сосланных. Им стало легче, стрелецкая стража и та помогала им, чем могла.

В тихий зимний день в Боровск тайно приехал старший брат Федосьи и Евдокии — Федор, описатель их жития. Ему удалось свидеться с сестрами.

Федора удивил радостный, неземной свет их изможденных лиц и то, что Федосья Прокопьевна с улыбкой назвала свою тюрьму «пресветлой темницей».

А к весне пришли из Москвы в Боровск большие обозы с подьячими и дьяками. Среди боровских стрельцов начался розыск: зачем помогали раскольницам. Москва, видимо, приказала покончить с боровскими острожницами.

И о Петрове дне дьяк Кузмищев сжег на срубе инокиню Иустину, Марью Данилову бросили в темницу к злодеям, а сестер Федосью и Евдокию отвели в цепях в другую земляную тюрьму, выкопавши ее глубже первой.

От них отобрали брашно, снедь самую скудную, одежды, малые книжицы, иконы, писанные на малых досках, лестовушки. Отняли все.

Заключение стало лютым. Сестры «сидели во тьме несветней, страдали от задухи земной, от земного пару», мучила их тошнота.

Вот когда одни только страшные глаза страдания остались им; рано поседевшие, с горящими глазами, они извяли в темнице...

Тысячи тысяч их русских сестер в теперешних Соловецких и Архангельских застенках точно бы повторяют страдание Морозовой и Урусовой за Русь.

Они, острожницы боровские, водительницы всех русских живых, кто по одному голосу своей христианской крови, и совести человеческой, не приняли терзающей антихристовой и бессовестной советчины.

Сорочек сестрам ни менять, ни мыть не позволяли. В худой одежде, в серых лохмотьях, какие они не скидали от холода, развелось множество вшей. Ни днем покою, ни ночью сна. Окаянную вшу застенков узнали теперь все мы, русские... Лествицы и четки от сестер отобрали. Они навязали по пятидесяти узелков из тряпиц и по тем узлам, попеременно, свершали изустные молитвы. Во тьму им подавали только сухари ржаные и воду.

Иногда от жалости сторожевой стрелец, тайно от другого, даст еще огурчика или яблока.

Княгиня Урусова, такая еще молодая, первая ослабела от тьмы и великого голода, не могла цепи поднять, ни цепного стула сдвинуть, прикованная.

Она молилась, распростершись на земле, иногда сидя, подкорчившись у груды своих цепей.

Ночью — по голосам стрелецкой стражи — «Слушай» — можно было понять, что стоит глубокая ночь,— Евдокия подозвала сестру.

Та подползла к ней, тихо гремя цепью.

— Отпой мне отходную,— сказала Евдокия.— Что ты знаешь, то и говори, а что я припомню, то сама проговорю.

И сестры, во тьме, стали петь отходную, одна над другою. Мученица отпевала мученицу.

Они как будто пели отходную всей Московии.

Евдокия скончалась. Сестра поискала рукой в темноте, коснулась легко ее истончавшего лица и закрыла ей веки.

Княгиню Евдокию Урусову завернули в худые лохмотья, в рогожу и, не сбивши цепей, вынесли из застенка.

Монастырский старец приходил увещевать боярыню Федосью Морозову, к ней перевели обратно из злодейского острова инокиню Марью.

— Отложите всю надежду отлучить меня от Христа,— сказала Федосья Прокопьевна старцу.— И не говорите мне об этом... Уже четыре года ношу я эти железа, и радуюсь, и не перестаю лобызать эту цепь, поминая Павловы узы... Я готова умереть о имени Господни.

Отлучить от Христа... Страшно о том подумать, и нет таких слов, чтобы о том сказать, но как будто провидела Морозова, что Русь в чем-то, в самом последнем и тайном, двинулась к отлучению.

Вот будет Русь блистать, и лететь, и греметь в победах Петровых, будут везде парить ее орлы и гореть ее молнии, а все, а всегда в русских душах будет проходить тайная дрожь, не то страх, что все равно, как ни великолепна Россия, в чем-то она неверна и страшна, в чем-то не жива, не дышит она. В чем-то отлучена. И в нестерпимой тоске Пушкина, и в сумасшествии Гоголя, в смуте Толстого и Достоевского, в самосожжении Мусоргского, в кликушествах Лескова — «Россия — Разсея, только во Христа крестилась, а во Христа не облеклась» — тоже страшное чуяние какого-то отлучения и предчувствие за то великих испытаний и наказаний. Изнемогающая в цепях и непобедимая боярыня Морозова — живое знамение для всех русских, живых — как забыть, что ее мощная христианская кровь мощно дышит и во всех нас: она нам знамение Руси о имени Господни.

Морозова изнемогала.

Однажды на рассвете она поднялась и, волоча цепь, подошла к темничным дверям. Бледное лицо с горящими глазами, в космах седых волос выглянуло сквозь узкое оконце. Боярыня подозвала сторожевого стрельца:

— Есть у тебя отец, мать, живы они или умерли, если живы — помолимся о них, если умерли — помянем их.

Оба молча перекрестились.

— Умилосердись, раб Христов,— тихо сказала боярыня.— Очень изнемогла я от голода и хочу есть, помилуй мя, дай мне калачика.

— Боюсь, госпожа.

— Ну, хлебца.

— Не смею.

— Ну, мало сухариков.

— Не смею.

— Ну, принеси мне яблочко или огурчиков.

— Не смею.

Пожилой, черноволосый стрелец утирал рукавом кафтана лицо: бежали непрошеные слезы.

— Добро, чадо,— сказала ласково и грустно боярыня.— Благословен Бог наш, изволивый тако... Если не можно тебе это, то, прошу тебя, сотвори последнюю любовь... Вот хочет Господь взять меня от этой жизни, не подобает, чтобы тело в нечистой одежде легло в недрах своея матери-земли... Вымой мне грязную сорочку.

Стрелец огляделся, скрыл малое платно боярыни под красным кафтаном. Он отнес на реку ее малое платно, омыл там водой, а сам плакал.

Боярыня Морозова скончалась в темнице, в цепях, в студеную ноябрьскую ночь.

В ночь кончины подруженьке ее, инокине Меланье, было видение: стоит Федосья Прокопьевна зело чудна, юная, сияют ее светлые волосы и синие ее очи, стоит она, облеченная в схиму и куколь, страдалица за Святую Русь, светла, радостна, и в веселости водит руками, как малое дитя, по одеждам, дивясь небесной красе риз своих.

Все умолкло, исчезло, и подземную темницу засыпали в Боровске.

Только тихий морозовский гром стал ходить по русской земле. Ходит и теперь в русских душах...

Младший брат боярыни, окольничий Алексей Соковнин, последняя молодая Московия, дождался воочию того, что только провидела его сестра: «пришел Петр, и последнее потоптание Московии».

Алексей Соковнин — вспомним слова, что в Соковниных текла твердая немецкая кровь,— а с ним Циклер, не странно ли, что тоже из немцев московских, подымали на царя Петра заговор.

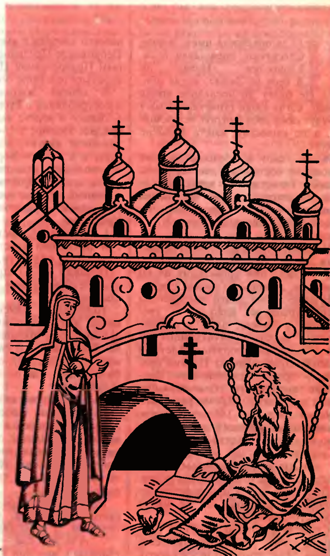
В 1697 году оба они были казнены на Красной площади.

В Боровске, на городище, у острога, вероятно, теперь и не осталось белого камня с иссеченными на нем московскими буквами:

— «...погребены на сем месте... боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокия Прокопьевна... да... боярина Морозова жена Федосья Прокопьевна, а в иноках схимница Феодора, дщери окольничьего Прокопья Федоровича Соковнина...»

Ни церковной свечи никогда не горело над ними, ни лампады. Только звезды небес. Тихая ночь...

Публикация ИГОРЯ ХАБАРОВА



О ТАИНСТВЕ КРЕЩЕНИЯ

Иеромонах Лазарь: ***«Хотя Церковь и изменила порядок произведения этого таинства, но этим оно (таинство) еще не уничтожилось».***

Владимир Рубцов: ***«Что же получается в тех случаях, когда крестят обливанием? А получается, что человек может жить и умереть действительно некрещеным...»***

Из диалога священника и прихожанина РПЦ.

ВЛАДИМИР РУБЦОВ

Что за опасность имеет в виду Спаситель, спрашивая в св. Евангелии: «Найду ли Я веру на Земле, когда приду?» Не будет ли последнее время таким, когда люди (христиане) хотя и будут сами себя считать верующими, а по существу, иметь веры не будут?

Жизнь, силу и крепость нашему духовному состоянию дает Церковь в своих Таинствах, из которых первым является таинство Крещения (Таинство духовного рождения человека), открывающее доступ к последующим.

Что может быть в том случае, если это Таинство или же не происходит вовсе, или происходит не по существу, а лишь по видимости?

В наше время почти повсеместно распространилось одно очень тревожное, а может, даже страшное явление: вместо практикуемого более чем полуторатысячелетним опытом Православной Церкви правильно трехпогружательного Крещения происходит обливательное, как у католиков. (Кроме разве что грудных младенцев.) И в оправдание священники приводят всегда одно и то же обстоятельство: что условия не позволяют — нет большой купели для взрослых. Впрочем, и 2—3-летних детей они крестят так же.

При этом всеми принимается сегодня, что разница эта не имеет никакого значения.

Существует, однако, способ проверить это распространившееся мнение. Для этого его нужно всего-навсего сверить с имеющимся у нас Церковным Преданием и накопленным Православной Церковью полуторатысячелетним опытом.

В книгах, издревле бывавших в употреблении в Русской Церкви,— в «Книге о вере», изданной при патриархе Иосифе в 1648 году, в «Кирилловой книге», изданной в 1644 году, и в книге «Кормчая», многократно переиздававшейся, можно найти ответ, и притом вполне определенный, как относилось Русское Церковное Предание к Таинству Крещения.

I. «Кормчая», лист 13. «Во святом Крещении крестящихся погружати, а не обливати».

Правило 46: Крещение и жертву еретическую прием, святитель не священ.

Толкование: Епископ, или презвитер, или диакон аще не похуляет еретическому крещению, но приемлет крещенного от сих или приносимую от них жертву, сиречь на службу приемлет, таковый да извержается из сана».

II. «Кириллова книга», лист. 237. «Из полемики Константина Панагиона с кардиналом Иоанном Азимутом, пришедшим от папы Григория: «Того ради римлян подобает крестити, понеже убо вместо крещения на главы своя возливают воду до пояса».

III. «Книга о вере». Глава 30. «О святом Крещении, яко погружати подобает, а не обливати».

«...А не яко они — еретицы ныне глаголют, яко при Киприане и Иустине инии обливали, сего ради мы крепко и твердо держим Предание сие апостольское и святых богоносных отец яко истинно есть. И аще кто дерзнет не како от нас творити, то не вменяем в Крещение, но паче в осквернение. В пятидесятом правиле Апостольском писано: «Епископ или презвитер, аще не в три погружения крестит, да извержется».

Запретил обливательное крещение Стоглавый Собор при митрополите Макарии Московском.

С тех пор прошло без малого четыре с половиной века. И что же мы видим? Хотя сейчас многими признается разрушение догмата Таинства Крещения в обливании, однако абсолютное большинство считает, что по неведению крещаемого Господь восполняет теряемую в разрушенном таинстве благодать. Однако, если бы было так, Православная Церковь всеми своими соборами, всеми своими силами, на протяжении всей своей истории не противилась бы обливанию и не перекрещивала недокрещенных.

Католики и протестанты, крещенные обливательно, в России подвергались перекрещиванию.

В сочинении «Начало и возвышение Москвы», написанном принцем Даниилом, приезжавшим на Русь из Германии в 70-е годы XVI века, читаем: «Тех из наших земляков, которые переходят в их веру, они перекрещивают, как бы крещенных ненадлежащим образом.

Причину этому они приводят следующую: крещение есть погружение, а не обливание...» (Богосл. труды. Юбилейный сборник, с.208).

Церковный историк Е. Голубинский пишет: «Первоисправленный Никоном служебник и все последующие новые служебники вплоть до настоящего не составляют каких-нибудь книг секретных, относительно которых была бы невозможна проверка. Эта проверка документальным образом и доказывает, что Никон исправил служебник не по древним рукописям греческим и славянским, а по современному себе греческому эвхологию и по современному живому чину Греческой Церкви. Впрочем, справедливость и беспристрастие требуют сказать, что как ни низко пало благочестие на Востоке, как ни сильно были искажаемы греческие книги, однако же сущности Таинств они не повредили до конца, так что, например, Крещение там продолжало совершаться неизменно в три погружения, что можно видеть хотя бы из книг, которые Никон исправил по современным ему греческим книгам и чинам, которые повелевают совершать Крещение упомянутым образом» (Е. Голубинский, Богословский вестник за 1892 г., отд. II, стр. 307—310).

У греков братьев Лихудов, вызванных в Москву патриархом Иоакимом в конце XVII века, есть диалог о Крещении между православным греком и иезуитом:

«**Грек:** Да сотворим начало от таинств. Глаголю ти, яко святое Крещение ныне у вас имать некое применение, еже прежде не им.

Иисуит: Кое применение? Бог да сохранит.

Грек: Крещение у вас — латин не бывает треми погруженьми и возгруженьми. Сие есть применение, еже глаголю.

Иисуит: Что же последует сего ради?

Грек: Яко, аки преступницы божественных Преданий и божественных догматов, да накажется, понеже пятьдесятое правило святых Апостол глаголет: «аще кий епископ или презвитер не три погружения единаго таинства совершит, но едино погружение, в смерть Господню даемое, да низвержется. Не рече бо Господь: в смерть Мою крестите, но: шедше научите вся языцы, крещающе тыя во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Иисуит: Во время святых Апостол бе ересь на святую Троицу. Глаголюще мнози, яко Христос не бе Сын Божий. Отнюд уже святии Апостоли ко разрешению оныя ереси определиша, яко треми погруженьми да крещается хотяй креститися, а ныне убо пройде оная ересь, уже не ктому нуждно есть трикратное погружение.

Грек: Не бывает убо, о человече, крещение треми погруженьми токмо во образ святыя Троицы, но еще и иных ради вин.

Иисуит: И каких ради иных вин?

Грек: Прочти Злотоуста во Евангелии от Иоанна, томе 2-м, главе 3-ей и иные вины добре узриши. Зане, беседуя тамо, святый о святом крещении глаголет: «Божественныя совершаются в нем символы: гроб и умерщвление, воскресение и жизнь, и сия купно бывают вся, якоже бо в некоем гробе, в воде погружающим нам главы; древний человек погребается доле и погружается весь в конец. Таже возницающим нам новый восходит паки».

Иисуит: Аз не глаголю, яко погружение не нужно есть, но трикратное погружение не нужно, глаголю бытия» (Лихуды Иоанникий и Софроний «Мечец духовный». Казань. 1866. Диалог о Крещении).

Константинопольский Собор 1755 года при патриархе Кирилле V принимает орос, подписанный также Александрийским Патриархом Матфеем и Парфением Иерусалимским. В этом оросе говорится:

«Мы считаем достойным осуждения и отвратительным еретическое крещение, т. к. оно не соответствует, а противоречит Апостольскому божественному установлению и есть не иное что, как бесполезное... умывание, отглашенного вовсе не освящающее и от греха не очищающее: вот почему всех еретиков никогда некрещенно крещенных, когда они обращаются в православии, мы принимаем как некрещенных и без всякого смущения крестим их по апостольским и соборным правилам».

В постановлении католики и протестанты прямо не названы, но речь идет именно о них, ибо после Константинопольского Собора 1756 года западные христиане при воссоединении с Православием в Восточных Церквах стали приниматься по первому чину наравне с иноверцами. В «Пидалионе» на этот счет содержится совершенно однозначное разъяснение: «Латинское крещение ложно называется этим именем, оно не есть вовсе Крещение, а лишь простое мытье... А посему мы не говорим, что перекрещиваем латин, а крестим их» (Богосл. труды. Юбилейный сборник, стр. 207—208).

В 1848 году восточные патриархи совместно со своими синодами издали «Окружное послание», в котором прежде всего обличают латин в извращении Таинства Крещения. В недавнее время, именно в 1895 году, та же Церковь снова подтвердила в своем синодальном послании, что отвергает обливание, как латинское нововводство, и принимает только трехпогружательное крещение.

О всяком дереве судить по его плодам учит нас Господь в св. Евангелии. Если по истечении многих лет или даже десятилетий пребывания в Церкви мы сами в себе явственно обнаруживаем слабость духа, сердечное отступничество и равнодушие, невольно напрашивается мысль, что что-то глубоко неладно либо в нас, либо в самой Церкви. Ибо Церковь — это древо жизни, а поместная Церковь — это ветвь на древе, а души наши — это созревающие плоды на ней. И, глядя на нас, по речению Господа, можно судить по крайней мере об этой ветви.

Когда мы прибегаем к таинству Причастия, мы верим, что в нем соединяемся с Самим Господом. Возможно даже предположить, что, если бы это соединение действительно происходило, оно радикально не изменило, не преобразило бы все наше человеческое естество. Но если преображения в нас не происходит, то виноваты в этом либо мы сами, либо совершители таинств, которые не совершают таинства реально, а лишь по видимости, либо те и другие вместе.

Церковь учит нас, что без помощи Божией мы духовно совершенствоваться не можем, а помощь эта подается нам прежде всего в Таинствах. А из них из всех изначальным и определяющим является Таинство Крещения (духовное рождение наше), то это обстоятельство обязывает нас, и особенно духовенство наше, относиться к нему с величайшей серьезностью.

Что же получается в тех случаях, когда крестят обливанием? Нужно заметить, что подобная практика наблюдается последние годы (или даже десятилетия) не только в Москве, но и в епархиях.

А получается, что человек может жить и умереть действительно некрещеным. И, если хотя бы только представить себе возможные страшные последствия, невольно возникает мысль о наваждении, в которое погрузилось духовенство, к этому явлению причастное.

Если произойдет чудо и наваждение исчезнет, перед тем, кто крещен обливательно, неминуемо возникнет вопрос: «Как же быть? Ведь в Символе веры сказано: «Исповедую едино крещение...» Действительно,

есть правило соборное, которое говорит, что дважды крестить истинным Крещением нельзя. Но в том-то и дело, что **истинным,** а если имело место крещение неистинное, повторение Крещения не только возможно, но и необходимо. Об этом-то как раз и свидетельствует и Греческое Церковное Предание до Флорентийской унии 1439 года, и Русское Церковное Предание до Никоновской реформы («Книга о вере», глава 30. «Не истинным крещением крестящихся, рекше не в три погружения, повелеваша святии Апостоли и отцы паки крестити сих»).

То, что даже в XIX веке греки снова перекрещивали католиков и протестантов, крещенных обливательно, можно видеть, например, из переписки Пальмера с Хомяковым. Вот соответствующие места из этой переписки: «...Я адресовал по-новогречески прошение к Константинопольскому патриарху, копию с коего я вам доставлю, как только сам достану таковую. Оно касается вопроса о перекрещивании. Русская Церковь признает силу западного крещения, хотя бы и совершенного неправильно; греческая же отвергает оное, как недействительное, а перекрещивает всех прозелитов, крещенных таким образом...» (Ответ на 5-е письмо Хомякова. Константинополь. Сентябрь. 1831 г.). «Я думаю, что вы читали или слышали про некоторые преувеличения и извращенные отчеты о моих действиях в Константинополе и про их последствия, когда вы писали, что Константинопольский синод почти что отлучил Русскую Церковь за принятие протестантов и римлян без перекрещивания» (Ответ на 8-е письмо Хомякова. Апрель. 1853 г.).

В настоящее время у нас есть храмы, где крестят правильным Крещением. Здесь вопрос только в том, чтобы крестящий священник сам не был крещен обливательно, ибо в этом случае он может не иметь священнической благодати.

ДОРОГОЙ БРАТ ВЛАДИМИР!

Ты спрашиваешь мое мнение об составленной тобой статье. Что могу сказать тебе... Как мне видится: ты встал на очень скользкий и неверный путь. Конечно, беда вокруг большая: и вера в людях слабая, и благодать в нас как-то не удерживается, и мы все какие-то пустые и т. д. Но причина, думается, как раз и заключается в нашей страшной гордости, особенно самомнении и надеянности на свой разум. Как мне видится: все как раз большей частью и претыкаются на своей этой рассудочности, а простой веры, которая по-детски верит и доверяется Церкви, так мало. Все мы стараемся вычислить свое спасение и свою благодать и боимся все время отовсюду обмана. Конечно, надо быть и недоверчивым, чтобы не обмануться, но и перегнуть здесь нельзя, а то как же вере быть? Да научит нас Господь идти средним — Царским путем.

Брат, я верю и уверен, что Таинство св. Крещения в нашей Церкви не повреждено! Не буду пускаться в долгие споры об этом. Хотя ты все пишешь как будто основательно, но тем не менее все это неправда. На самом деле так не происходит, как тебе представляется. Хотя Церковь и изменила порядок произведения этого таинства, но этим оно (таинство) еще не уничтожилось. А твои сомнения ведут прямо к беде: вот ты уже не веришь и в другие таинства, совершаемые в Церкви. Вот вы уже даже засомневались: крещеные ли вы вообще — беда! Не вздумай распространять подобные статьи, ими только слабые души отвратишь от Церкви, будешь им доказывать, что Церковь уже как бы безблагодатная наша,— что может быть погибельнее?

Лучше бы не родиться тому человеку, который станет соблазнять людей таким образом, отводить их такими «разумными» и обоснованными способами от Матери-Церкви. Вот это-то и есть как раз то самое неверие, от которого мы все так страдаем и о котором говорил Господь. Знаешь, теперь часто приходится слышать или читать подобные сетования «обманутых» душ. На самом деле это недостаток той простоты в вере, которая переступает легко через все такие раздутые препятствия. И всегда очень четко и ясно слышен за всеми такими, часто очень даже талантливо, красноречиво, умно, книжно и т. д. составленными речами, слышен какой-то внутренний голос человека, его дух — гордый, озлобленный, холодный, высокомерный. Почти всегда в таких случаях человеку кажется, что он ревностнейший, он — исключение из общего холодно настроенного к вере общества. Почему же тебе вдруг увиделось, что ты сам, не так уже давно пришедший к Церкви, ревностнее и честнее многих, многих священников и монахов, которые не меньше тебя скорбят обо всем неладном в нашей вере?

Брат, напрасно ты так соблазняешься. Наверно, ты и во многих других вещах претыкаешься, в тебе само по себе живет какое-нибудь сомнение и постоянно ищет себе пищу, а пищи ныне такой много.

Конкретно: действительно, для крещения полным погружением есть серьезные препятствия: ни в ванне, ни в бочке с головой не покрестишь — это я из своего опыта знаю. Все равно придется поливать сверху. А строить бассейн не везде возможно, да и зимой в бассейне опять не покрестишь: значит, нужно везде иметь специальное сооружение для этого и т. д. Можно затем придираться к Таинству Миропомазания: почему, мол, теперь не полностью тело помазуют и т. п.

В толковании на слова 90-го псалма: «падет от страны твоея тысяща и тьма одесную тебе»,— отцы говорят, что «тысяща» здесь — это явно греховные дела и падения, в которые диавол увлечет людей (тысячу), а «тьма» — те десятки тысяч грехов, которые прикрыты видом добродетели и самому погибающему от них покажутся прекрасными и благоугодными, совершаемыми по какой-нибудь особой ревности, и в том же духе. Потому будь осторожен с подобными сомнениями, и еще: задумайся — не бывает ли тебе страшно делать такие смелые заявления в адрес Церкви? Неужели тебе твой рассудок кажется таким безгрешным? Сколько раз, брат, я сам убеждался, как явно понятные мне и бесспорно ясные моему уму вещи оказывались на деле совершенно иными, оказывалось, что совершенно иначе о них судил Бог.

А насчет Таинства св. Крещения в нашей Церкви, хоть бы и не по древнему полному чину,— уверен, потому что явно видел и слышал многие свидетельства, как оно — Таинство это — совершенно переменяло людей. Это мне говорит вера, а не книжный разум.

Тебя хочет уловить диавол: он видит, что человек не попался на явную ересь какую-нибудь, не застрял на чувственных грехах, но дошел до Православия, тогда диавол перетаскивает его в другую беду, в какое-то ультраправославие, так что опять человек оказывается вне Церкви, только с другой стороны.

Избави тебя Господи от сетей лукавого!

Иеромонах ЛАЗАРЬ

ИЕРОМОНАХУ ЛАЗАРЮ

1. Не может быть среднего Царского пути между истиной и ложью.

2. Обличение ересей, осужденных Церковными Соборами, св. Отцами и постановлениями церковными, не есть осуждение, но непременный долг каждого христианина.

3. Подобно женщине, убивающей дитя во чреве, священник, крестящий обливательно и окропительно (кроме случая смертельной опасности) и тем разрушающий догмат Таинства Крещения, есть душегуб или убийца души, обратившейся к Богу через этого священника, ожидающей рождения для вечной жизни.

В. РУБЦОВ

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКЦИИ

«Православие» — великое слово. Именоваться православным высокая честь, но и огромная ответственность. Недостаточно самому себя назвать православным, надо еще действительно быть им. Последнее означает прежде всего неизменно хранить соборное предание Церкви. Поэтому если в ком-либо пробуждается ревность о восстановлении и соблюдении апостольских и святоотеческих установлений, то можно определенно сказать: он на пути к истинному православию. Если, к примеру, католики смогли отказаться от своего излюбленного догмата о едином для всех богослужебном языке (латыни) и признать вполне законным каждому народу славить Господа на родном языке, тем самым вернувшись к древней апостольской традиции (опирающейся на чудо Пятидесятницы), мы говорим, что в этом вопросе они сделали шаг на пути к православию.

Перед нами два документа, весьма характерных для нынешней духовной ситуации в России: статья члена Русской православной церкви Владимира Рубцова и ответ на нее пастыря той же церкви иеромонаха Лазаря. Вопросы, затронутые статьей, настолько серьезны, что разбирать их сколь-нибудь подробно в данный момент не представляется возможным. Эти вопросы детально разработаны в обширной старообрядческой литературе, к сожалению, широкому современному читателю недоступной. Всестороннему их рассмотрению будут посвящены дальнейшие публикации нашего журнала.

А сейчас лишь несколько предварительных замечаний.

Хотя некоторые суждения Рубцова представляются излишне категоричными и вследствие этого богословски неточными (например, требование выяснения не только, кем и как крещен имярек, но и требование исследования, кем и как крещен его крестивший, а потом — если довести эту мысль до логического конца — крестивший крестившего и т. д.), общая идея статьи вполне заслуживает внимания и поддержки.

Что же касается ответа о. Лазаря, то кажется странным, что считающий себя православным пастырь вместо того, чтобы вместе с сомневающимся и, с его точки зрения, заблуждающимся духовным чадом дойти до святоотеческих истоков спорного вопроса и, посчитавшись с ними, вынести выверенное церковным преданием решение, ополчается против «надеянности на свой разум», «рассудочности», «книжного разума» и т. д. и призывает к «простой, детской вере Церкви», авторитету «многих священников и монахов». О. Лазарь даже не замечает, что, возражая таким образом, он сам становится бессильным что-либо возразить еретикам и схизматикам.

Вообще надо заметить, вера о. Лазаря отличается какой-то особой «крепостью». Ведь, по его словам, «хотя Церковь и изменила (!) порядок произведения этого таинства, но этим оно еще (!) не уничтожилось».

Старообрядцев столетиями обвиняли в «обрядоверии». Их уважение к обряду и желание исполнять его осмысленно называли «буквоедством». А может быть, как раз обрядоверческой следует назвать позицию о. Лазаря? Ведь, согласно последней, не важно, как выполнено таинство (обливанием, кроплением или как еще),— главное «верить Церкви» (в лице ее духовных руководителей), что оно «действительно». Что же касается упрека в «надеянности на свой разум», то будет нелишним вспомнить, кого именно в этом грехе обвиняли синодальные богословы, когда писали о таинстве крещения.

В начале века «по благословению святейшего синода» была издана серия брошюр священника К. Околовича в обличение католических заблуждений. Одна из них имела примечательное название — «Где правильнее — в православной Церкви или католическом костеле — совершается таинство крещения?». Есть там строки, квк будто специально написанные для лиц, стоящих на позиции о. Лазаря. Негодуя по поводу того, что «католическая церковь отступила от православной в самом способе крещения: ксендзы крестят младенцев не чрез погружение, а чрез обливание и окропление», о. Околович с пафосом восклицает: «Мы, православные русские люди, счастливы тем, что все у нас делается в церкви не по своему разуму, не так, как мы желаем, а так, как требует этого Слово Божие. Мы поэтому каждому католику можем гордо сказать, что в делах религии, в делах веры и церкви нужно сообразовываться с богооткровенным учением, с постановлениями св. Церкви, а не со своим разумом, не с требованиями удобств, капризов и прихотей». И далее следует со ссылкой на ап. Павла грозное предупреждение: «Бедные католики! Вы покорно идете за своими ксендзами, вы охотно слушаете их учение! Вспомните же слова ап. Павла, который сказал, что тот, кто благовествует не то, что мы благовествуем, да будет анафема!» (с. 8). Сурово отчитывал католиков-«обливанцев» священник Околович... Но это было давно, восемьдесят лет назад. Ныне же новоправославные пастыри в лице о. Лазаря, напротив, обвиняют в «надеянности на разум» мирянина, «дерзнувшего» заглянуть в книгу апостольских и соборных правил, чтобы согласовать с ними свою церковную жизнь.

Сейчас в Русской православной церкви есть люди, которые встали на путь к истинному православию. Появились иконописцы, которые пишут иконы по древлеправославному канону, появились энтузиасты унисонного знаменного пения, призывающие к возрождению древнерусских певческих традиций и упразднению прозападных чувственно-партесных образцов духовной музыки. Есть и ревнители строго православного исполнения церковных таинств. Правда, их одинокие усилия тонут в глухом противодействии большинства народа и клира, уже глубоко впитавшего в себя «новообрядческие» традиции.

Мы, старообрядцы, рады возрождению древлеправославных начал, где бы оно ни происходило. Может, в том и будет заключаться подлинное единение (в отличие от нынешнего экуменизма), когда все христиане обратятся к истинно православному Преданию и тем самым станут единомысленными братьями во Христе Исусе...

Что же касается первого и главнейшего из христианских Таинств — Таинства св. Крещения, то Русская Православная Старообрядческая Церковь сохраняет его неповрежденным, совершая Крещение так, как заповедовали святые апостолы и святые отцы.

ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ

Толковые азбуки, или Стихи азбучные,— особая форма богословской мысли, излагающие в идеальной для запоминания форме различные вопросы православной веры, основные догматы вероучения. Они сочинялись по принципу акростиха, построенного на непреложном порядке церковнославянской азбуки.

Часто в азбуках такого рода пропускаются некоторые буквы или точка ставится раньше, чем исчерпан весь алфавит. И это понятно, ведь смысл азбучных стихов не столько в обучении грамоте, сколько в духовном наставлении верующих.

Толковые азбуки бывают различного содержания. Сегодня мы предлагаем вам познакомиться с одним из произведений такого рода. При публикации, кроме изображения церковнославянской буквы, мы приводим и ее название, но сам текст, как и в других подобных случаях в нашем журнале, передается по-русски. При этом сохраняются все особенности оригинала, которые можно донести, пользуясь современным русским алфавитом.

АЗБУКА ТОЛКОВАЯ

Текст ее написан на л. 115—116 рукописного Сборника слов и поучений со «Словесами супротивными Максима Грека», который датируется серединой семнадцатого века и хранится под № 1396 в Научной библиотеке имени А. М. Горького Московского государственного университета. Азбука опубликована в книге Н. А. Кобяк и И. В. Поздеевой «Славяно-русские рукописи XV—XVI в. Научной библиотеки Московского университета» (М., Изд-во МГУ, 1981. С. 143).

Если кто-либо из читателей захочет глубже познакомиться с азбучными стихами, рекомендуем статью Н. С. Демковой и Н. Ф. Дробленковой «К изучению славянских азбучных стихов» в ТОДРЛ, т. XXIII, с. 2761.

Аа — **аз — Аз есмь свет миру.**

Бб — **буки — Бог есмь прежде всех век.**

Вв — **веди — Ведаю всю тайну в человеце и мысль.**

Гг — **глаголь — Глаголю людем закон Мой.**

Дд — **добро — Добро есть творящим волю Мою.**

Єє — **есть — Есть гнев Мой на грешникы.**

Жж — **живете — Живот дах всеи твари.**

Ѕѕ — **зело — Зло ес(ть) законопреступником.**

Зз — **земля — Ни на чем землю утвердих.**

Ии — **иже — Престол Мой Иже на небесех.**

Іі — **и — И шед на адова врата сокруших, и верея железная сломих.**

Кк — **како — Како людие беззаконнии не сотвористе воля моеа.**

Лл — **люди — Людие мои не покоривше.**

Мм — **мыслете — Мыслете на мя злаа.**

Нн — **наш — Наш еси Бог и заступник.**

Оо — **он — Оны моя призову изыки и тии мя прославят.**

Пп — **покой — Покои дах всеи твари своей.**

Рр — **рцы — Речете Ми слово не творяшие воля Моей, и не услышу вас.**

Сс — **слово — Словом Моим вся утвердишася.**

Тт — **твердо — Тверда рука Твоя, Владыко.**

Ѹѹ — **ук** — . . . .

Фф — **ферт — Фараопа потопих в Чермном мори.**

Хх — **хер — Херувими служат Мне со страхом.**

Ѿѿ — **от — Отверзу рай христианом.**

Цц — **цы — Ци не дах вам пища в пустыни.**

Чч — **червь — Червь и огнь уготовах на грешникы.**

Шш — **ша — Шумом и понапит дубравы.**

Щщ — **щта — Щитом вооружихся на брань.**

Ъъ — **ер — Горы вЪзыграшася явлением Моим.**

Ыы — **еры — Иордань освятися крещением Моим.**

Ьь — **ерь — Ересь погубих.**

Ѣѣ — **ять** — . . . .

Юю — **ю — Югом ветром развею всю вселенную.**

Ꙗꙗ — **и — Яша мя жидове, и на кресте пригвоздиша.**

Ѧѧ — **юс малый — Юже мя пророци проповедоша, и апостоли еже о мне научиша.**

Ѫѫ — **юс большой** — . . . .

Ѯѯ — **кси** — . . . .

Ѱѱ — **пси** — . . . .

Ѳѳ — **фита** — . . . .

Ѵѵ — **ижица** — . . . .

ДУШЕПОЛЕЗНЫЕ ГОЛОВОЛОМКИ

В древнерусских и старообрядческих рукописных сборниках изредка разнообразные нравоучительные или занимательные загадки и гораздо чаще короткие нравоучения в форме притчи. Приводим некоторые из них, заменяя славянские буквы русскими. (Позднее, когда в журнале будут даны уроки церковнославянского языка, мы попробуем в ряде древних текстов сохранять и орфографию.)

Ответы на загадки приводились обычно какой-либо системой тайнописи. Мы используем самую простую систему древнерусского «тайного» письма — так называемую «простую литорею». Она заключается в том, что в словах происходит взаимозамена согласных при сохранении гласных букв. Для определения «парной» согласной необходимо написать все согласные буквы в два ряда, один под другим по 10 букв (верхний — слева направо, а под ним — справа налево), следующим образом:

Б	В	Г	Д	Ж	З	К	Л	М	Н
Щ	Ш	Ч	Ц	Х	Ф	Т	С	Р	П

Вертикальные пары и заменяют друг друга. Например, слово «дом» в этой системе тайнописи будет написано как «ЦОР», а слова «церковный хор» превратятся в «ДЕМТОШПЫЙ ЖОМ».

Загадки:

1. Муж некий имеет жену. У тоя жены 150 девиц. С теми девицами веселится той муж всю ночь и не усыплиюще. И у тех девиц 10 жен служащих, имея гору равну. От тоя горы текут два источника светлых вод.

Ответ: **муж — Дамь Цашиц,**
жена — Нласкимь,
150 девиц — 150 иласрош,
веселие всю ночь — пласконепие шлепогпое,
гора ровна — елкь ур,
источники вод — ок огей лсефы.

2. Коя это премудрая вещь, что ни небо, ни земля, лицом светлообразна? По ней созндаются птицы черны и красны. Созндают птиц трое, надзирают — двое, вразумляет — один.

Ответы: **премудрав вещь — Щурача,**
птицы черные — гемпые гемписа,
и красные — и тмалпые,
трое — кми немлка,
двое — цша чсафа,
один — ур гесошегелтий.

3. Одна жена в девках году не жила, а мужня жена стала.

Ответ: **Еша.**

НЕ СУДИ (ПРИТЧА)

Один брат осудил ближнего. И вот в видении является к нему ангел. Он несет душу осужденного иноком брата.

— Брат,— сказал ангел,— вот тот, кого ты осудил, умер. Ты судия праведных и грешных. Так скажи: помилуешь или предашь муке?

И старец в ужасе, с плачем и стонами, пал ниц, прося прощения. Он понял, какую страшную ответственность принимает на себя тот, кто берет на себя право суда.

Некоторые люди, бывшие присяжными на суде, говорят, что нет большей тяготы, как вынести обвинение. Почти нет случая, когда не мучает мысль: а может быть, он не виновен? Может быть, лучше оправдать, даже если обвинение доказано?

И душа тревожится, не находит покоя.

А в жизни мы выносим приговоры, не смущаясь душой и даже не думая долго.

Почему?

Только по легкомыслию. Мы забываем, что даже и по последствиям наш обвинительный приговор не менее опасен, чем приговор присяжных.

«Кто ты, судящий чужого раба? Перед Господом он стоит и падает».

СЛАВЯНСКОЕ СЧИСЛЕНИЕ

а҃	в҃	г҃	д҃	є҃	ѕ҃	з҃	и҃	ѳ҃	і҃
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
аі҃	ві҃	гі҃	ді҃	єі҃	ѕі҃	зі҃	иі҃	ѳі҃	к҃
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
ка҃	кв҃	кг҃	кд҃	кє҃	кѕ҃	кз҃	ки҃	кѳ҃	л҃
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
м҃	н҃	ѯ҃	о҃	п҃	ч҃	р҃			
40	50	60	70	80	90	100			
с҃	т҃	ѵ҃	ф҃	х҃	ѱ҃				
200	300	400	500	600	700				
ѿ҃	ц҃	҂а҃	҂в҃						
800	900	1000	2000						

и т. д.

В оформлении номера использованы элементы рукописной старообрядческой книги Праздники певческие на крюковых нотах знаменного роспева (последняя четверть XIX в.), хранящейся в Научной библиотеке МГУ имени М. В. Ломоносова.

Все справки по распространению и подписке на журнал «Церковь» вам дадут по адресу: 109052, Москва, Рогожский поселок, 29. Старообрядческая Митрополия Московская и всея Руси. Телефоны: 361-09-20, 285-28-54, 285-28-68.

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

9-1990

Выходит с января 1989 г.

Воспроизведение древнеправославных шрифтов, инициалов, рисунков худ. В. Евдокимкина.

На обложке журнала «Церковь» переплет книги «Кругъ церковнаго древнего знаменнаго пенія», 1884 г.

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

В ближайших номерах «Родина» продолжит традиционные и откроет новые рубрики:

ИМЯ В ПОЛИТИКЕ. Серия политических портретов российских парламентариев, лидеров новых партий и движений.

НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. «Чем для Руси было татаро-монгольское иго?»; «Мог ли Столыпин спасти Россию?»; «Был ли необходим Брестский мир?» — над этими и другими проблемами размышляют советские и зарубежные историки.

ИЗ АРХИВОВ ТАЙНОГО СЫСКА. Донос, наушничество, всеобщую подозрительность, преследование за инакомыслие не назовешь порождениями XX века. Тайный сыск имеет свои традиции. Сейчас самое время поразмышлять об исторических корнях нашей духовной несвободы.

ИСТОРИКИ ОБ ИСТОРИКАХ. Эта рубрика, родившаяся вместе с журналом, постепенно «молодеет». На смену Татищеву, Карамзину, Щеголеву и другим ученым-классикам, о которых мы рассказывали раньше, приходят советские историки — те, кто и в худшие для гуманитарного знания годы сохранял дерзость мысли, те, кто изучал и делал нашу историю. Пора познакомить читателя с тем, что они писали «в стол».

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. Интервью с бывшим членом Политбюро Компартии Франции Р. Гароди. Материалы из архивов радио «Свобода» (ФРГ).

Читателей ждут аналитические материалы, посвященные путям духовного и экономического возрождения России.

ПРИМИРЕНИЕ. Цикл материалов, посвященных неизвестным страницам гражданской войны.

Словом, «Родина» — это 96 страниц чтения для тех, кому интересны история Отечества и его будущее.

Если вы не успели подписаться на наш журнал с января, не огорчайтесь: это можно сделать со следующего месяца. Подписка (со скидкой 17%) на журнал «Родина» принимается во всех почтовых отделениях. Цена номера 1 руб. 25 коп., годовой подписки — 15 руб. Индекс издания в каталоге периодики РСФСР 73325.

Сдано в набор 26.09.90. Подписано к печати 19.10.90. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 471 000 экз. Заказ № 2823. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.